

ISSN 1995-5669

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

ПРАЦЫ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БДУ

НАВУКОВЫ ЗБОРНІК

Заснаваны ў 2006 годзе

Выпуск 11

МІНСК
БДУ
2016

У адзінаццатым выпуску навуковага зборніка «Працы гістарычнага факультэта БДУ» прадстаўлена рознабаковая тэматыка гістарычных даследаванняў. Кніга складаецца з раздзелаў: «Айчынная гісторыя», «Усеагульная гісторыя», «Гістарыяграфія. Крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання» і інш.

Рэдакцыйная калегія:

доктар гістарычных навук прафесар *У. К. Коршук* (адк. рэд.);
доктар гістарычных навук прафесар *А. Г. Кахановікі* (нам. адк. рэд.);
кандыдат гістарычных навук дацэнт *Ю. Л. Казакоў*;
доктар гістарычных навук прафесар *У. С. Кошалёў*;
доктар гістарычных навук прафесар *В. І. Менькоўскі*;
доктар гістарычных навук прафесар *У. Н. Сідарцоў*;
доктар гістарычных навук прафесар *В. А. Фядосік*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *С. М. Ходзін*;
кандыдат гістарычных навук прафесар *А. А. Яноўскі*

Вышэйшай атэстацыйнай камісіяй Рэспублікі Беларусь зборнік «Працы гістарычнага факультэта БДУ» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук.

ПРАДМОВА

Гэты выпуск пачынае другое дзесяцігоддзе выдання навуковага зборніка «Працы гістарычнага факультэта БДУ». На старонках зборніка было апублікавана больш за 250 артыкулаў гісторыкаў БДУ, даследчыкаў з іншых навучальных і навуковых устаноў Рэспублікі Беларусь, замежных краін, многія друкавалі тут свае дэбютныя працы. Шмат аўтараў за мінулае дзесяцігоддзе сталі кандыдатамі навук, некаторыя атрымалі доктарскую ступень, але ўсе яны не парываюць свайго супрацоўніцтва з «Працамі гістарычнага факультэта БДУ».

Згодна з рэйтынгавай ацэнкай навуковых выданняў, якія ўваходзяць у Пералік ВАК, зацверджаных рашэннем калегіі ВАК Рэспублікі Беларусь ад 11 снежня 2015 г., зборнік «Працы гістарычнага факультэта БДУ» заняў першае месца сярод выданняў па гістарычных навуках.

У 2016 г. у выпуску прадстаўлены вынікі распрацоўкі міжнароднага навуковага праекта. У рамках супрацоўніцтва паміж універсітэтамі Рэспублікі Беларусь і Славацкай Рэспублікі друкуюцца артыкулы выкладчыкаў універсітэта Матэя Бела з Банска-Быстрыцы.

Навуковыя сувязі паміж гістарычным факультэтам БДУ і філасофскім факультэтам універсітэта з Банска-Быстрыцы на старонках зборніка вітае Надзвычайны і Паўнамоцны Пасол Славацкай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь Міраслаў Мойжыта. Публікуецца інфармацыя пра ўніверсітэт у Славакіі, артыкулы М. Сырнага і А. Грубань, дзе разглядаюцца славацка-савецкія адносіны ў 1939—1940 гг., раскрываюць дзейнасць славацкіх камуністаў у гады Другой сусветнай вайны.

Прапапоўваецца праект даследавання па праблеме «Сучасная еўрапейская гістарыяграфія сталінізму...» М. Шмігеля (Славакія) і В. І. Менькоўскага (Беларусь).

Беларускія гісторыкі С. А. Елізараў, А. М. Лукашэвіч і Н. А. Шыманская асвятляюць работу органаў савецкай улады па ўдасканаленні кіраў-

ніцтва БССР, умацаванні абароны краіны. Аб праблемах захоўвання помнікаў археалогіі ў Савецкай Беларусі расказвае А. А. Гужалоўскі.

Пра крызісныя з’явы ў савецкім грамадстве пішуць П. А. Жылінскі і В. В. Брыгадзіна. Асноўныя напрамкі вывучэння амерыканскімі даследчыкамі палітычнай культуры Расіі 1990-х гг. паказаны ў артыкуле М. А. Шабасавай.

Праблемы самакіравання на беларускіх землях у 1791—1792 гг. уздымае ў сваім даследаванні С. П. Стрэнкоўскі. А. М. Нагдалян раскрывае дзейнасць Упраўлення па справах земскай гаспадаркі ў Мінскай губерні ў 1903—1911 гг.

Сацыяльна-культурныя адносіны паміж сялянамі і памешчыкамі ў 1861—1914 гг. аналізуе С. М. Токць, Д. П. Брыгадзін — уплыў сацыяльных перамен на ўзровень злачынстваў у той жа перыяд.

Цікавае выклікае артыкул А. У. Карача, дзе разглядаецца паняцце «лічба» ў ВКЛ. Аб адной з крыніц вывучэння нашэсця манголаў на Русь і Венгрыю ў XIII ст. распавядае С. Б. Жарко.

Праблемам краін Заходняй Еўропы прысвяцілі свае артыкулы Ю. І. Літвіноўская, М. У. Мацвееўка і У. Ю. Монзуль.

Друкуецца інфармацыя (Л. А. Козік) аб міжнароднай навуковай канферэнцыі «“Бежанства” 1915 г. у гісторыі і традыцыі беларусаў Падляшша», якая адбылася ў лістападзе 2015 г. у Беластоку.

І як заўсёды напрыканцы зборніка змешчаны спіс дысертацый, абароненых аспірантамі і дактарантамі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рэдкалегія

С. А. ЕЛИЗАРОВ

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В БССР В 1920-е гг.

Рассматриваются вопросы рациональной реорганизации структуры и штатов местных органов власти и управления БССР в 1920-е гг. Отмечается, что до 1927 г. проходило механическое сокращение численности сотрудников и расходов на их содержание. С 1927 г. наблюдается стремление к системному и комплексному подходу в этой работе. Ей пытались придать научно обоснованный характер, используя новые разработки в области управления (переход на функциональную и инспекторскую формы), предварительную проверку различных ее вариантов опытным путем.

This article examines attempts to rationalize the structure of the state and local authorities and the management of the BSSR in the 1920-s. It is noted that until 1927 it was mainly a mechanical contraction staff and expenses for their upkeep. Since 1927 viewing the pursuit of systematic and integrated approach to this work. She tried to give science-based nature, using new developments in the area of governance (transition to functional and an inspection form), preliminary check off its different variants experimentally.

Ключевые слова: государственная власть и управление; местные Советы; исполнительные комитеты; структура; штаты; функции; реорганизация.

Keywords: state power and the management; local Soviets; the executive committees; the structure; staffing; functions; reorganization.

Одним из важнейших направлений совершенствования деятельности местных органов власти БССР в 1920-е гг. был поиск оптимального варианта структуры и численности местного государственного аппарата власти и управления. Эта проблема не сходила с повестки дня

Елізараў Сяргей Аляксандравіч — прафесар кафедры паліталогіі і гісторыі Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П. В. Сухого, доктар гістарычных навук, дацэнт. E-mail: sergeyelisarov@mail.ru

партийных и советских съездов, различных конференций, пленумов, совещаний, находила отражение в различных постановлениях по вопросам советского строительства. В белорусской советской историографии вопросы реорганизации аппарата управления в 1920-е гг. рассматривались лишь фрагментарно в работах, посвященных функционированию системы государственных органов власти и управления БССР (А. А. Головки, С. Р. Лагун, В. И. Мартовицкий, С. П. Маргунский и др.). Современная белорусская историческая наука главный свой интерес сосредоточила на новом осмыслении проблем национально-государственного строительства в Беларуси на уровне анализа программных установок политических партий, взглядов видных политических деятелей белорусского национального движения, решений республиканских и союзных партийных и советских органов. Исследование же как исторического опыта функционирования местных органов власти и управления, так и конкретных его сторон оказалось отодвинутым на периферию исторического знания. Вместе с тем обобщение и анализ имевших место в прошлом попыток рационализации структуры и штатов органов государственного управления является важным с точки зрения не только приращения исторического знания, но и его использования в современных условиях реализации государственной политики оптимизации системы государственной власти и управления Республики Беларусь. В статье автор попытался выявить основные тенденции, причины, средства оптимизации системы органов местной власти БССР в 1920-е гг.

В начале 1920-х гг. необходимость реорганизации системы местных государственных органов определялась в основном стремлением к сокращению административно-управленческих расходов в результате перехода к новой экономической политике, экономическим методам и средствам работы. Прежде всего были предприняты меры по унификации структуры местных органов, которая заметно отличалась в разных уездах и волостях республики, что порождало бесконтрольное расширение штатов работников и обостряло проблему их финансирования. Именно такая унификация в первые мирные годы рассматривалась республиканской властью как главное условие оптимизации системы местного управления и повышения ее эффективности.

Вопросы функционального содержания деятельности местных органов власти и управления, их структуры и штатов в ССРБ в период перехода к мирным условиям жизни определялись законодательством

РСФСР. Конституция ССРБ (1919) и дополнения к ней (декабрь 1920 г.) обозначали лишь систему высших республиканских органов власти и управления (ЦИК и СНК). Поэтому II Всебелорусский съезд Советов (декабрь 1920 г.) решил по всем вопросам советского строительства в республике (в том числе по вопросу организации системы местных органов власти, их структуры и функций) руководствоваться Конституцией РСФСР и постановлениями VII Всероссийского съезда Советов [1, с. 253]. На практике это означало, что на территории ССРБ местные органы власти функционировали не только по нормам российской Конституции, но и по иным правовым нормативным актам ЦИК и СНК РСФСР (прежде всего по положениям о местных Советах различного уровня), инструкциям НКВД РСФСР. Чаще всего на основании этих российских нормативных правовых актов белорусские республиканские органы вырабатывали свои.

8 января 1921 г. начала действовать Временная инструкция Президиума ЦИК БССР об уездных исполкомах, подготовленная на основе российских правовых актов. Основные пункты этой инструкции 5 февраля 1921 г. были закреплены II сессией ЦИК ССРБ в белорусском Положении об уездных исполкомах. Состав членов исполкома определялся в 20 человек, предусматривалось создание десяти отделов (с общим числом сотрудников от 24 до 35 человек): управления, военного, труда, социального обеспечения, народного образования, госконтроля, здравоохранения, коммунального, земельного и финансового [2, с. 175, 176].

Еще сложнее выглядела ситуация в волисполкомах. В результате проведенной сотрудниками республиканского НКВД проверки работы некоторых из них был сделан неутешительный вывод о «кустарничестве каждого уезда в отдельности в деле определения штатов в волостных органах власти» [3]. В августе и октябре 1921 г. в Минске состоялись два междуведомственных совещания при республиканском НКВД по вопросу штатов, результатом которых стало утверждение единой структуры волисполкомов: пять отделов — управления, военный, земельный, труда, народного образования [2, с. 176; 3, л. 25]. Такую структуру закрепил III Всебелорусский съезд Советов (10—16 декабря 1921 г.) в новом Положении о волисполкомах. В зависимости от численности населения в волости в исполкоме могло быть от трех до пяти членов. Устанавливался максимум технических работников для отделов — не более пяти на каждый [4, с. 276—284].

Однако буквально сразу в только что принятое «свое» Положение о волисполкомах пришлось вносить изменения. После завершения III Всебелорусского съезда состоялся IX Всероссийский съезд Советов (23—28 декабря 1921 г.), на котором в целях удешевления управленческого аппарата были утверждены предложения Комиссии ВЦИК по сокращению штатов волисполкомов. Председатель ЦИК ССРБ А. Червяков в срочном порядке поручил уисполкомам «провести... реорганизацию аппаратов волисполкомов» [5]. Во-первых, все их отделы ликвидировались, функции распределялись между членами волисполкомов, создавалась единая канцелярия с общим делопроизводством. Во-вторых, все волисполкомы должны были состоять только из трех членов: председателя, ведавшего делами управления, члена исполкома, отвечавшего за земельные дела, и второго члена, занимавшегося вопросами здравоохранения и просвещения. Другие члены исполкома переводились в кандидаты. Технический аппарат сокращался до пяти штатных единиц. Эту реорганизацию провели в январе 1922 г. в крайне сжатые сроки [5, л. 1, 17, 20, 21].

Эти изменения были закреплены в утвержденных 7 октября 1922 г. ЦИК ССРБ Положениях о сельсоветах, волостных и уездных съездах Советов и их исполкомах, Советах уездных и заштатных городов и поселков городского типа [6]. Они коснулись лишь численности членов уездного исполкома, которая сокращалась (вновь для экономии финансовых средств) до 11 (максимум) членов и пяти кандидатов. Уисполком для проведения текущих мероприятий избирал свой президиум из трех человек. При уисполкоме предусматривалось создание девяти (вместо прежних десяти) отделов: управления, земельного, военного, народного образования, труда, продовольствия, финансов, местного хозяйства, здравоохранения. Остальные ведомства (РКИ, наркоматы юстиции, почт и телеграфа, ГПУ, статбюро) имели при исполкоме своих уполномоченных, за работой в которых он мог лишь «наблюдать».

Продолжая линию на сокращение госаппарата, IV Всебелорусский съезд Советов 17 декабря 1922 г. по докладу о реорганизации советского аппарата поручил ЦИК ССРБ, собрав предварительно мнения работников с мест, «разработать детально этот вопрос». Проект реорганизации был подготовлен и утвержден в июле 1923 г. сессией ЦИК БССР [7, л. 136]. Число отделов уисполкомов сокращалось до четырех. В прежнем виде оставались лишь земельный и военный отделы. Вопросы народного образования, здравоохранения, местного хозяйства и социально-

го обеспечения передавались отделу благоустройства, состоявшему из соответствующих подразделов при одной хозчасти, бухгалтерии и канцелярии. Отдел управления упразднился, а его функции передавались президиуму и секретариату уисполкома. Финансовые и продовольственные вопросы переходили в компетенцию финансово-налогового отдела. Руководство охраной общественного порядка, уголовным розыском и местами заключения сосредоточивалось в управлении милиции. Отделы труда заменялись камерами инспекции труда [2, с. 180].

Сокращение административно-управленческого персонала рассматривалось в качестве одной из основных задач административно-хозяйственной реформы 1924 г., в результате которой была создана новая система административно-территориального деления БССР (сельсовет — район — округ).

В июле 1924 г. II сессия ЦИК БССР утвердила Положение об окружных и районных съездах Советов и их исполкомах. Окружной съезд Советов избирал окрисполком в составе 25 членов и семи кандидатов. Предусматривалось формирование президиума окрисполкома из семи членов, однако в реальности он состоял из пяти человек (председатель, его заместитель, секретарь и два члена). В период между заседаниями исполкома президиуму присваивались его права. При окрисполкоме (по структуре он был близок к прежнему уездному исполкому) создавалось девять отделов: секретариат, финансово-налоговый, земельный, военный, коммунального хозяйства, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, труда. В дальнейшем в результате реорганизации из секретариата выделили отдельный административный отдел. Президиуму окрисполкома также подчинялось окружное управление милиции и уголовного розыска. Кроме того, при окрисполкоме состояли ГПУ, окружная прокуратура, уполномоченный Высшего суда республики, статбюро и отделение Центрального архива [8].

Райисполком избирался в составе пяти постоянных членов, получавших зарплату, и трех кандидатов [9]. Первый опыт деятельности райисполкомов по новому Положению привел к необходимости внесения срочных корректив в принятое Положение. В частности, в связи с необходимостью квалифицированного решения вопросов местного бюджета и взимания налогов решением ЦИК БССР от 10 октября 1924 г. в составе райисполкомов создавались финансово-налоговые части [10, л. 11, 28, 29]. Тем не менее при отсутствии отделов и расширении сферы полномочий районной власти (в сравнении с волостной) нагрузка на

членов райисполкомов оставалась большой, что снижало эффективность их работы. Поэтому 19 декабря 1924 г. постановлением ЦИК и СНК БССР был увеличен состав райисполкомов до 13 постоянных членов и пяти кандидатов [11].

В сельсоветах допускалось избрание до трех платных работников [12]. Однако на практике весь аппарат сельсовета состоял из одного председателя, малоподготовленного для ведения канцелярской работы. Впоследствии на VII Всебелорусском съезде Советов (май 1925 г.) нарком внутренних дел БССР А. И. Хацкевич говорил, что «состав сельсовета заключался в лице председателя сельсовета с его неизбежной папкой, в которой находились вся канцелярия и дела сельсовета» [13, с. 235].

По-прежнему все вопросы жизни села разрешались в большинстве случаев либо единолично председателями, либо на общих сходах крестьян. И то и другое вызывало тревогу у властей: в первом случае такое положение определялось как «оторванность от масс», во втором — как «подчинение массам».

Ситуация несколько улучшилась с укрупнением сельсоветов и появлением второго штатного работника — секретаря, а также увеличением зарплаты председателям сельсоветов с 5—10 р. до 15 р. 50 коп. Однако и новая зарплата, по мнению руководства белорусского НКВД, удовлетворить не могла и заставляла председателя и секретаря сельсовета, в большинстве своем бедняков, «обеспечивать свое существование работой по сельскому хозяйству в ущерб работе Совета» [14, л. 60, 60 об.].

Переход к новой системе административно-территориального деления и местных органов власти позволил достигнуть значительного сокращения штатов госаппарата и расходов на его содержание. Число платных работников в сельсоветах уменьшилось с 3277 (председатели сельсоветов) до 2410 (председатели и секретари сельсоветов). В прежних штатах волисполкомов насчитывалось 2320 платных сотрудников (696 выборных и 1624 технических), в райисполкомах стали работать на платной основе 1300 человек (500 выборных и 800 технических работников). В президиумах и секретариатах уисполкомов было занято 255 платных работников, в то время как в президиумах и секретариатах окрисполкомов — 210. При этом удалось значительно поднять зарплату работникам местных Советов. Если зарплата члена волисполкома равнялась 35 р., то член райисполкома получал 52,5 р. Член уисполкома получал в месяц 80 р., а окрисполкома — уже 118 р. Несмотря на это, орготдел ЦК КП(б)Б отмечал, что «оплата труда низовых работ-

ников в связи с увеличением нагрузки их считается недостаточной», и поэтому районные и окружные руководители жаловались на «небрежное отношение к работе, а иногда даже отказы от нее» этой категории советских служащих [15, л. 342, 348—348 об.].

В целом в результате нового районирования и общего сокращения местных учреждений и организаций удалось уменьшить количество бюджетных местных учреждений на 62 %, их штат — на 52, общую сумму административно-управленческих расходов — на 32 % [16, с. 133].

Вместе с тем в 1921—1926 гг. при проведении сокращений административно-управленческого аппарата не учитывались их вероятные последствия с точки зрения степени управляемости территориями и возможности выполнения местными Советами все расширявшихся функций.

Достигнутые в ходе административно-хозяйственной реформы 1924 г. успехи вскоре стали нивелироваться имманентно присущей всему госаппарату бюрократической тенденцией к расширению: на 1926/27 хозяйственный год в БССР затраты на аппарат управления планировалось увеличить на 10 % [17, с. 43]. Это противоречило официальной партийно-государственной политике всеобщей экономии и реорганизации управленческого аппарата в целях его сокращения и удешевления.

С 1927 г. работе по сокращению штатов госструктур пытались уже придать комплексный системный характер, стремясь проводить ее в совокупности с рационализацией всей работы аппарата управления. В результате такой реорганизации предполагалось за республиканскими органами оставить основную функцию (общее планирование и регулирование, общее руководство и проверка исполнения), всю же практическую исполнительскую работу, ранее осуществлявшуюся наркоматами, передавать низовым органам (главным образом районам).

Предусматривалось перейти на функциональную и инспекторскую системы управления. Функциональную систему предполагалось распространить прежде всего на наркоматы и частично — на отделы окрисполкомов. В этих учреждениях ликвидировалось деление на отделы, подотделы, части, каждый работник аппарата (ответственный исполнитель) должен был целиком отвечать и отчитываться за порученное ему дело непосредственно перед руководителем учреждения (наркомом, председателем окружного исполкома). Несомненными преимуществами такой системы считалось, во-первых, устранение параллелизма в

работе, упрощение самого аппарата, во-вторых, установление персональной ответственности исполнителя за порученный участок работы. Вся техническая работа объединялась в одной общей канцелярии — секретариате наркомата или окрисполкома. Инспекторская система управления предполагала ликвидацию большинства отделов окрисполкомов в связи с передачей административного и хозяйственного руководства из окружных отделов в районы и горсоветы. Функции общего руководства, надзора и планирования в масштабах округа передавались инспекторам окрисполкома.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)Б 3 апреля 1927 г. утвердил основные направления совершенствования работы госаппарата: упрощение его структуры и системы работы, ликвидация параллельных функций в аппаратах, отказ от чрезмерной бюрократической централизации и мелочной опеки над низовыми органами, сокращение личного состава аппарата с одновременным повышением его квалификации. За центральным аппаратом закреплялись функции планирования, регулирования, общего управления и контроля, а обязанности конкретного управления передавались окружным и районным исполкомам, городским Советам [18, с. 421]. Соответственно в декабре 1927 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «О реорганизации и упрощении советского аппарата и о расширении прав местной власти» [2]. Наркоматы просвещения, здравоохранения, труда, торговли, юстиции, внутренних дел (кроме милиции), социального обеспечения, РКИ переводились на функциональную систему работы. Часть окружных отделов перестраивалась на функциональную систему, другие — на инспекторскую. Непосредственные исполнительские функции передавались райисполкомам и горсоветам окружных городов.

Требования вышних союзных партийно-советских органов проводить жесткий режим экономии и сокращать административно-управленческие расходы в БССР привели к пересмотру первоначально намеченных на 1926/27 хозяйственный год расходов по содержанию советского аппарата и их уменьшению с 5240 до 3744,6 тыс. р. Наибольший эффект дала административно-территориальная реорганизация 1927 г. (ликвидация четырех округов и 17 районов), позволившая уменьшить численность управленческого персонала на 1172 единицы и на 1095 тыс. р. (на 26,5 %) — расходы на его содержание [19, л. 24, 25]. На 1928—1929 гг. штаты по управленческому аппарату, финансировавшемуся из госбюджета, были сокращены на 254,5 единицы [20, с. 30, 31].

На XVI Всесоюзной партконференции (апрель 1929 г.) идеи реформирования системы государственного управления получили свое развитие. Базовыми принципами дальнейшей реорганизации системы управления были определены: во-первых, централизация планирования и руководства в основных вопросах при одновременной децентрализации отдельных оперативных функций; во-вторых, проверка исполнения принятых решений; в-третьих, совершенствование структуры государственных учреждений путем четкого разграничения функций отдельных ее частей, ликвидации промежуточных инстанций [21, с. 222—238].

До повсеместного осуществления этой реорганизации было решено предварительно проверить различные ее варианты на практике в нескольких административно-территориальных единицах. Для этого в мае 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании в виде эксперимента в пяти округах (в том числе в Витебском округе БССР) окружно-районной системы управления путем «переноса значительной части оперативных функций, исполняемых округами, в районы и из районов — в сельсоветы, перестроив в соответствии с этим аппарат округов и усилив районный и сельский аппарат». Это решение было оформлено постановлением ЦИК и СНК СССР «Об опытно-показательных округах» от 10 июля 1929 г. [22]. В свою очередь в БССР постановлением ЦИК и СНК республики от 22 июля 1929 г. создавался Витебский опытно-показательный округ [23].

Исполнительные функции Витебского окрисполкома значительно сокращались, большая их часть передавалась райисполкомам и Витебскому горсовету, а часть функций от районов — сельсоветам. За окружным исполкомом закрепились в качестве главных функции планирования и контроля исполнения. Аппараты окрисполкома, горсовета и райисполкомов перестраивались по принципу ответственных исполнителей.

Но после шести месяцев работы реорганизованного аппарата обнаружилось отсутствие связи между отдельными исполнителями, их обособленность, что сдерживало возможности комплексного решения социально-экономических проблем. Сами авторы системы ответственных исполнителей пришли к выводу о необходимости создания в аппарате окрисполкома четырех отраслевых групп: промышленности, строительства и транспорта; торговли, финансов, страхования; сельского хозяйства; социально-культурного строительства и труда. Каждая группа объединяла всех инспекторов конкретной отрасли и возглавлялась членом

президиума окрисполкома, который имел право самостоятельно решать все текущие вопросы отраслевой работы.

Важнейшей целью реорганизации аппарата управления в условиях перехода к пятилетнему планированию народного хозяйства было усиление роли окрисполкомов в области планирования и контроля за выполнением планов. Первоначально предполагалось осуществить полное разделение планирования и контроля исполнения в окружном аппарате: окружная плановая комиссия должна была разрабатывать планы, а инспекторы — контролировать их выполнение. Таким образом, инспекторы не принимали участия в плановой работе, а плановики оставались в стороне от контроля за выполнением планов.

Однако такой вариант больше подходил для прежней системы планирования, носившей преимущественно индикативный характер. В условиях укреплявшейся централизации руководства экономикой этот опыт признали отрицательным и решили строить деятельность окружного аппарата на базе единой планово-контрольной работы: один орган и планировал, и контролировал выполнение планов. Организационно этот принцип был оформлен в пределах четырех (отмеченных выше) отраслевых групп, внутри которых отдельные инспекторы одновременно занимались и планированием, и проверкой выполнения планов [24, с. 113, 115].

Таким образом, в конце 1920-х гг. реорганизации советского управленческого аппарата пытались придать научно обоснованный характер, используя новые разработки в области управления (переход на функциональную и инспекторскую формы), предварительную проверку различных его вариантов опытным путем в отдельных административно-территориальных единицах. Явно просматривается стремление не к простому механическому сокращению штатов госаппарата, а к системному и комплексному подходу в деятельности по его совершенствованию: перераспределение функций между различными звеньями управленческого аппарата, упрощение структуры центральных и местных органов власти и управления, уменьшение численности советских госслужащих, ликвидация параллелизма, сокращение и упрощение всей системы отчетности. Однако переход на рубеже 1929—1930 гг. к новому политическому курсу форсированного строительства социализма изменил саму сущность управленческой реорганизации, подчинив ее задачам укрепления централизованного командного характера всей системы органов советской власти и управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История Советской конституции (в документах) 1917—1956 / сост.: А. А. Липатов [и др.]. М. : Юрид. лит., 1957.
2. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / Ин-т философии и права Акад. наук БССР ; под ред.: С. П. Маргунского [и др.]. Минск : Наука и техника, 1970. Т. 1 : 1917—1936 гг.
3. НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 41 — Цирюляры НКВД БССР, протокол междуведомственного совещания о штатах волисполкомов и штатах уисполкомов Борисовского уезда. 1921 г.
4. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик : сб. док. : в 3 т. 1917—1936 гг. / редкол.: М. П. Георгадзе [и др.]. М. : Госполитиздат, 1959—1960. Т. 2 : Съезды Советов советских социалистических республик : сб. док. 1917—1922 гг. 1960.
5. НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 288 — Переписка с уисполкомами о реорганизации и сокращении штатов в волисполкомах БССР. 1921 г.
6. СУ ССРБ. 1922. № 11. Ст. 141—144.
7. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 268 — Материалы к V Всебелорусскому съезду Советов. 1923—1924 гг.
8. СУ БССР. 1924. № 13. Ст. 114.
9. СУ БССР. 1924. № 13. Ст. 115.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1549 — Протоколы заседаний 3-й сессии ЦИК БССР VI созыва, Президиума ЦИК и СНК БССР. 1924—1925 гг.
11. СЗ БССР. 1925. № 1. Ст. 53.
12. СУ БССР. 1924. № 13. Ст. 116.
13. Отчет правительства VII Всебелорусскому съезду Советов. Минск : Изд-во ЦИК БССР, 1925.
14. НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 376 — Материалы о перевыборах в местные Советы БССР. 1924—1925 гг.
15. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1697.
16. Районирование Белоруссии (Докладная записка Госплана БССР) // Савец. будаўніцтва. 1926. № 8—9. С. 121—140.
17. Местный бюджет Белорусской Советской Социалистической Республики на 1926—1927 гг. / НКФ БССР. Минск : Изд-во НКФ БССР, 1927.
18. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под ред.: В. И. Бровикова [и др.]. Минск : Беларусь, 1983. Т. 1 : 1918—1927.
19. Докладная записка в ЦИК БССР «О частичном административно-хозяйственном делении БССР за 1927 г.» // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 597. Л. 4—34.
20. Ад з'езду да з'езду (красавік 1927 г. — май 1929 г.). Матэрыялы да справаздачы Ураду на IX Усебеларускім з'ездзе Саветаў. Менск : Сакратарыят ЦВК і Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае Наряды БССР, 1929.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) : в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1983—1989. Т. 4 : 1926—1929 гг. 1984.
22. СЗ СССР. 1929. № 45. Ст. 389.
23. СЗ БССР. 1929. Отд. 1. № 28. Пост. 166.
24. Пайкин Я. К вопросу реорганизации окружной советской системы // Соцыялістычныя будаўніцтва. 1930. № 4. С. 107—119.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Характеризуется динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX — начале XX в. На основе данных судебной статистики анализируется влияние социальных процессов пореформенного периода на уровень преступности в обществе. Предлагается авторская классификация преступлений, позволяющая наиболее полно проследить изменения девиантного поведения населения. Исследуются социально-экономические и социально-политические реалии описываемого периода, оказавшие влияние на рост числа преступлений против личности, государственного управления, собственности. Сделан вывод об усилении фрагментарности и маргинализации социума вследствие буржуазных реформ как одной из основных причин роста преступности.

The article is devoted to various aspects of the dynamics and structure of crime in Belarus in the second half of XIX — early XX centuries. Based on the data of judicial statistics, the author analyzes the impact of social processes in the post-reform period on the crime rate in the society. The author offers his own classification of crimes that would allow the most current understanding of the deviant behavior dynamics of the population. In the article the socio-economic and socio-political realities of the described period, which influenced the increase in crime against the person, public administration, property are being examined. The author concludes that strengthening the fragmentation and marginalization of the society as a result of the bourgeois reforms, is one of the main reasons for the increase in crime.

Ключевые слова: пореформенный период; судебная статистика; криминогенность; классификация преступлений; маргинализация общества.

Keywords: post-reform period; court statistics; criminality; classification of crimes; marginalization of society.

Вторая половина XIX — начало XX в. характеризуются масштабными изменениями в экономической, социальной, культурной сферах белорусского общества. Получение большинством населения гражданских прав, легальной возможности для изменения своего социального статуса, защиты интересов привело в движение огромные массы граждан, открыло новые возможности для вертикальной и горизонтальной мобильности, развития частной инициативы.

Брыгадзін Дзяніс Пятровіч — начальнік аддзела міжнародных сувязей Дзяржаўнага інстытута кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: denisbrigadin@gmail.com

В условиях промышленного переворота в белорусских губерниях происходит значительный рост количества предприятий и объемов промышленного производства. Если в 1860 г. небольшие предприятия с численностью рабочих до 15 человек давали 84 % всей промышленной продукции, то в 1890 г. доля фабрично-заводского производства составила 46,2 %. Важной особенностью промышленного производства в Беларуси была его ориентация на переработку местного сырья. Большая часть фабрик и заводов размещалась в сельской местности. Такая индустриальная политика привела к формированию в Беларуси феномена «рассеянной индустриализации», что принципиально важно для понимания процессов социализации нового поколения рабочего класса.

Особенностью развития белорусских губерний в пореформенный период стала их включенность в транспортные коммуникации империи. В 1860—90-е гг. активно велось железнодорожное строительство. Были введены в эксплуатацию Петербургско-Варшавская, Рижско-Орловская, Московско-Брестская, Либаво-Роменская железные дороги, проходившие по территории Беларуси. Транспортные коммуникации открывали значительные возможности для территориальной мобильности населения. В то же время сдерживающим фактором была замедленность процессов урбанизации (городское население белорусских губерний увеличилось с 11,6 % в 1863 г. до 13,4 % в 1914 г.) [2, с. 59]. Во второй половине XIX в. Российская империя по темпам урбанизации существенно отставала от европейских государств. Если в Великобритании в 1890 г. городское население составляло 72 %, в Германии — 47, во Франции — 37,4, то в России этот показатель составил всего 12,5 % [4, с. 381].

Вторая половина XIX — начало XX в. в Российской империи ознаменовались еще одним очень важным событием — демографической революцией. Повышение рождаемости при снижении смертности (с 39,8 случая на 1000 человек в 1850 г. до 30,2 — в 1900 г.) и увеличении средней продолжительности жизни (с 27,3 года в 1861 г. до 33,4 — в 1900 г.) привело к росту населения. В 1860 г. в Российской империи проживало 62 млн человек, в 1897 г. — 126,6 млн [5], а в 1914 г. — 173 млн [17]. В белорусских губерниях наблюдалась аналогичная картина. Сравнивая статистические данные за 1885 [7], 1897 [5, с. 6, 7, 10] и 1914 гг. [20, с. 34—39], можно заметить значительный рост населения. В Виленской губернии численность населения в те же годы составляла 1,273, 1,591 и 2,075 млн человек соответственно; Витебской — 1,235, 1,503 и 1,953 млн; Гродненской — 1,312, 1,618 и 2,048 млн; Минской — 1,647, 2,156 и 3,035 млн; Могилевской — 1,234, 1,708 и 2,465 млн человек [5, с. 6, 7, 10; 7; 20, с. 34—39].

Демографическая революция оказала серьезное влияние на основные процессы социальной модернизации общества. Радикальные изменения в экономической, социальной сферах привели к трансформации традиционных устоев жизни, формированию новой системы ценностей. Эти изменения коснулись всех социальных групп населения. Патриархальность уступала модернистским трендам в развитии личности и общества.

Неравномерность процессов модернизации приводила к конфликтам, усиливала социальную фрагментарность общества, что отчетливо проявлялось в неуклонном росте преступности. В период с 1861 по 1913 г. число уголовных дел, рассмотренных в судах Российской империи, возросло в восемь раз, а в расчете на 100 тыс. населения — в 3,3 раза [2, с. 85]. В абсолютных величинах динамика роста преступности выглядит следующим образом: в 1851—1860 гг. было зарегистрировано 320 тыс. преступлений, в следующем десятилетии — 599 тыс., а в 1901—1910 гг. количество преступлений возросло до 1891 тыс. [3, с. 84].

В белорусских губерниях в пореформенный период преступность также имела ярко выраженную динамику роста, что можно проследить по данным, представленным в табл. 1.

Таблица 1

Количество уголовных дел, возбужденных в судебных учреждениях*

Губерния	1887 г.	1891 г.	1895 г.	1898 г.	1902 г.
Виленская	3146	3314	4292	4394	4626
Витебская	2634	2597	3693	3480	4614
Гродненская	3148	3170	3777	4280	5038
Минская	3641	4124	5193	5998	6712
Могилевская	2178	2248	3081	3849	4744
Всего	14 747	15 453	20 036	22 001	25 734

В расчете на 100 тыс. населения количество уголовных дел, возбужденных в 1887 и 1902 гг., увеличилось: в Виленской губернии с 247 до 290, Витебской — с 213 до 306, Гродненской — с 240 до 311, Минской — с 221 до 311, Могилевской — со 176 до 278.

* Здесь и далее приведенные данные по уголовным преступлениям в белорусских губерниях взяты из официальных статистических изданий Министерства юстиции Российской империи за соответствующие годы — «Свод статистических сведений по делам уголовным» [10—18] и «Сборник статистических сведений Министерства юстиции» [8; 9].

Судебная статистика по уголовным делам, принятым к рассмотрению в белорусских губерниях во второй половине XIX в., дает объективное представление о характере уголовной преступности, тяжести преступлений. Судебная реформа в Беларуси начала осуществляться с 1872 г. после отмены военного положения, длившегося с 1863 по 1870 г. В этом же 1872 г. в Российской империи была введена новая форма криминальной статистики, которая содержала подробные данные о преступлениях, сведения о преступниках, их сословной принадлежности, профессии, образовании, возрасте, вероисповедании, семейном положении. Кроме того, следствие обязано было информировать Министерство юстиции специальной карточкой о начале расследования. Сопоставление данных о количестве принятых к производству уголовных дел, количестве подсудимых и осужденных позволяет провести историческую реконструкцию криминогенности различных регионов и социальных групп населения Беларуси. Однако необходимо отметить, что судебная статистика Российской империи имела и слабые стороны. На общей динамике показателей сказался тот факт, что во многих губерниях империи в разное время действовало положение об усиленной или чрезвычайной охране, а в особых случаях — военное положение, наделявшее генерал-губернаторов дополнительными полномочиями.

Так, при объявлении особого положения на определенной территории политические и многие тяжкие уголовные преступления (убийства, грабежи и т. п.) изымались из подсудности общих судов и передавались на рассмотрение военно-полевым судам. Как отмечал Е. Н. Тарновский, «внимание полиции ввиду общеопасного политического брожения в стране было занято преимущественно борьбой с этими ненормальными явлениями взбудораженной общественной жизни», а на менее тяжкие преступления вообще в этот период перестали как-либо реагировать [21, с. 58, 59]. Ситуация особенно обострилась в связи с революцией 1905 г., когда было введено военное положение в Двинске, Барановичах и Белостоке. Ввиду опасений массовых беспорядков власти в некоторых уездах Витебской губернии ввели положение о чрезвычайной охране [1]. Положение об усиленной охране действовало в Витебской, Могилевской и Гродненской губерниях до 1909 г.

Анализируя динамику преступлений, следует выделить в особую категорию тяжкие преступления, т. е. те, за совершение которых в законе предусматривалась смертная казнь, каторга или ссылка на поселение. Именно они дают представление о криминальном поведении различных категорий населения и характеризуют уровень социального неблаго-

гополучия общества. Число зарегистрированных тяжких преступлений в Российской империи представлено в табл. 2.

Таблица 2

Количество тяжких преступлений в Российской империи

Годы	Среднее количество в год	В расчете на 100 тыс. населения
1861—1870	188 000	272
1871—1880	147 000	283
1881—1890	148 000	251
1891—1900	268 000	285
1901—1910	577 000	406

Что касается мелких преступлений, за которые предусматривались арест или штраф, то их динамика согласуется с общей тенденцией роста. Так, если в 1861—1870 гг. число зарегистрированных мелких преступлений составляло в среднем 411 тыс. в год, то в 1900—1910 гг. — 1314 тыс. в год.

В Беларуси рост преступности наблюдался практически по всем видам правонарушений. С 70-х гг. XIX в. в криминальной статистике выделялось от 41 до 84 видов преступлений. Условно их можно объединить в несколько групп. Первая — преступления против государственного управления (против общественного спокойствия и безопасности, против порядка управления, подлоги и похищения правительственных актов, подделка монет, служебные преступления, нарушения уставов казенных учреждений). Вторая группа — преступления против корпоративных законов (против торговых и кредитных, фабричных и заводских уставов, против народного здоровья, подлоги в актах и обязательствах). Третья группа — нарушения моральных устоев (святотатство, религиозные преступления, ложный донос, лжеприсяга, лжесвидетельствование, преступления против нравственности, против брачного или родственного союза, оскорбление чести). Четвертая группа — преступления против собственности (истребление имущества, насильственное похищение имущества, кража, мошенничество, присвоение и растрата чужого имущества, подлоги при купле и продаже). И наконец, пятая группа — преступления против личности (убийства, оставление в опасности, преступления против телесной неприкосновенности, женской чести, противозаконное лишение свободы, угрозы).

При общей тенденции роста криминогенности каждая из этих групп имела свою динамику. Так, самые высокие темпы роста преступности

против государственного управления пришлось на начало XX в. Политизация общественной жизни, включение в политическую агитацию нелегальных партий (Бунд, эсеры, РСДРП и др.) в условиях экономического кризиса и непопулярной в народе русско-японской войны привели к значительному увеличению случаев массового противоправного поведения. Так, если в 1884—1893 г. было зарегистрировано 16,6 тыс. преступлений против общественного и государственного порядка, то в 1899—1908 г. — 79,5 тыс. В 1906 и 1907 г. число осужденных за такие преступления составляло 39,7 и 37,8 % от общего количества осужденных окружными судами Российской империи соответственно [16, ч. 1, с. 10, 11]. В последующие годы произошел спад преступности против государственного управления. Например, в Беларуси в 1907 г. за преступления против порядка управления был осужден 1431 человек, [16, ч. 2, с. 36, 37], а в 1912 г. — 688 [18, ч. 2, с. 34—37].

Преступления против корпоративных законов на протяжении длительного времени оставались примерно на одном и том же уровне. В 1890 г. они составляли всего около 3,3 % от общего числа [12, ч. 2, с. 32, 33]. Число преступлений третьей группы — против моральных устоев — имело тенденцию незначительного роста: их доля составляла от 5 до 8 %.

Наиболее массовыми преступлениями пореформенного периода были преступления против личности и против собственности. В период с 1874 по 1883 г. в Российской империи за год совершалось в среднем 22,4 тыс. преступлений против личности (в том числе 3,8 тыс. убийств), с 1899 по 1905 г. — 153,8 тыс. (в том числе 19,8 тыс. убийств), с 1906 по 1913 г. — 141,7 тыс. (из них 33,8 тыс. убийств).

Судебная статистика свидетельствовала о росте числа убийств и в белорусских губерниях, что подтверждают данные табл. 3.

Таблица 3

Количество осужденных за убийства в белорусских губерниях

Губерния	1890 г.	1897 г.	1907 г.	1912 г.
Виленская	71	57	96	172
Витебская	68	59	137	146
Гродненская	47	65	63	113
Минская	81	72	120	133
Могилевская	48	50	98	165
Всего	315	303	514	729

Таким образом, рост числа убийств в белорусских губерниях с 1890 по 1912 г. составил 231 %, в то время как рост численности населения — только 164 % (с 6,7 до 11 млн человек) [7; 19, с. 33—39].

Количество преступных посягательств на имущество частных лиц (кражи, разбои, грабежи, мошенничество и др.) в Российской империи также заметно возросло. Если с 1874 по 1883 г. совершалось в среднем 57,5 тыс. подобных преступлений в год, в 1899—1905 гг. — 136 тыс., то в 1906—1913 гг. — 227,1 тыс.

Необходимо отметить, что в структуре правонарушений имущественные преступления на протяжении всей второй половины XIX в. занимали доминирующее положение. Данный вид преступлений составлял около 40 % от общего количества преступных деяний. Исключением были 1895 (50,4 %) и 1896 гг. (48,1 %) [14, ч. 1, с. 20]. В начале XX в. уровень преступности против собственности частных лиц увеличился еще больше. В 1909—1913 гг. доля таких преступлений возросла до 55 %. В то же время наблюдалось резкое уменьшение количества преступлений против государственной собственности: с 47 тыс. в середине XIX в. до 3,8 тыс. в начале XX в.

На наш взгляд, тенденция постоянного роста числа преступных посягательств на чужое имущество отражала изменения не столько в социально-экономическом укладе, сколько в системе ценностей социума. Идеологема «бедность не порок» уступила место другой — «получить все и сразу». Главным мотивом криминального поведения стало стремление различных социальных групп разбогатеть. Безусловно, поведенческие мотивы людей формировались новым укладом жизни, ориентированным на получение собственной выгоды. Параллельно с этим существовали устойчивые стереотипы поведения, основанные на отсутствии у граждан твердых убеждений о неприкосновенности частной собственности и необходимости неукоснительного исполнения законов.

Государственная система оказалась неготовой к адекватному реагированию на новые тенденции роста бедности. Государство усилило полицейские функции по отношению к тем группам населения, которые представляли определенную социальную опасность (бродяги, нищие, беспризорные дети). Система профилактики правонарушений, включая социальное страхование, благотворительность и др., находилась в зачаточном состоянии. Поэтому неслучайно в белорусских губерниях количество осужденных за кражу было значительным. Так, в 1890 г. в Беларуси окружными и мировыми судами за различные виды кражи

имущества было осуждено 5770 человек, в 1897 г. — 4469, в 1907 г. — 5243, в 1912 г. — 5357 человек. Причем если общее число осужденных с 1890 по 1912 г. несколько снизилось (с 5770 до 5357 человек), то доля осужденных окружными судами существенно увеличилась (с 1123 до 1872 человек).

Процессы социальной модернизации второй половины XIX — начала XX в. не сняли остроту социальных противоречий, усилили маргинализацию общества. Подтверждение этого тезиса — данные о росте числа осужденных окружными и мировыми судами за рецидивные преступления. В белорусских губерниях в 1890 г. было осуждено 953 рецидивиста, в 1897 г. — 1465, в 1907 г. — 1541, а в 1912 г. — 2019. Даже с учетом бурного роста населения в данный период рост преступности происходил быстрее. Число рецидивистов на 100 тыс. населения с 1890 по 1912 г. в Виленской губернии увеличилось со 182 до 463 человек, Витебской — с 221 до 482, Гродненской — со 188 до 326, Минской — со 199 до 387, в Могилевской — со 163 до 359 человек. Увеличение количества повторных нарушений закона является серьезным сигналом для общества. Рецидив преступлений свидетельствует не об их вынужденном, форс-мажорном характере, а о вхождении преступности в повседневную жизнь.

В Российской империи наибольшая криминогенность наблюдалась в городах, развитие которых во второй половине XIX в. было связано с изменением их функциональной структуры. На смену городам как административно-военным центрам приходят города индустриальной эпохи. Они играют все более значимую роль в промышленном производстве, торговле, финансах, а также культурной сфере. При этом города России сохраняют в своем составе значительное количество крестьян. В 1897 г. городское население Российской империи состояло примерно из 45 % крестьян, 44,9 % представителей городского сословия, 6,6 % дворян, 1,2 % духовенства и 2,3 % иных категорий жителей.

В течение второй половины XIX в. менялась структура занятости горожан. В это время уменьшилась доля лиц, работающих в промышленности и строительстве (с 38 до 28 %), сельском хозяйстве (с 18 до 7,9 %). При этом с 17,3 до 37,6 % возросла доля горожан, занятых на частной службе, поденных работах, в прислуге, свободных профессиях, а также без определенных занятий [3, с. 303].

В Беларуси в конце XIX в. около 30 % горожан было занято в промышленности и строительстве, 11,3 % — на частной службе, поденной

работе, в прислуге, 6,1 % — в сельском хозяйстве. Занятия примерно 17 % городских жителей были неизвестны. Структура занятости в белорусских городах имела свои отличия. Так, если в торговле и на транспорте в городах Российской империи работало 22 % населения, то в Беларуси — 27 % (самая большая доля была в Витебской губернии — 31 %). Кроме того, в белорусских городах была несколько меньше доля занятых на административной, полицейской, судебной службе при большем проценте представителей свободных профессий [6, с. 5—8].

Городская реформа 1870 г. ускорила процессы формирования нового городского сообщества. Все горожане получали право участия в городском самоуправлении, если соответствовали имущественному цензу. Однако только 5 % городских жителей воспользовались этим правом. Бедность была главным ограничителем. Промышленное производство, торговля не могли занять трудоспособное городское население.

Белорусские города имели свою специфику. По данным всеобщей переписи населения 1897 г., доля городского населения составляла от 8,5 % в Могилевской губернии до 16 % в Гродненской. Крупнейшими городами были Вильна (158 тыс. человек), Минск (91 тыс.), Двинск (72 тыс.), Витебск (68 тыс. человек). Население Могилева, Гродно, Бреста не превышало 50 тыс. человек [5, с. 2—10]. Значительная часть населения проживала в 320 местечках с числом жителей от 1 до 5 тыс. человек. Там было сконцентрировано около половины промышленных предприятий.

После разделов Речи Посполитой все губернские и уездные города Беларуси оказались в черте оседлости евреев, где последним разрешалось постоянное проживание. Множество ограничительных мер российских властей по отношению к еврейскому населению (запрет на приобретение и аренду земельных владений, запрещение селиться за пределами городов и местечек, запрет на занятие должностей на государственной службе, железнодорожном транспорте, телеграфе и др.) приводило к его концентрации в городских поселениях. Дискриминационная политика власти вела к его обнищанию и усиливала криминогенность в городах Беларуси.

Второй определяющий фактор роста городской преступности — маргинальный статус рабочих — бывших крестьян. Оторвавшись от традиционного сельского уклада жизни и не адаптировавшись к условиям городской среды, новое поколение рабочих, городской прислуги формировало преступную среду городов. Стремление соответствовать стан-

дартам городской жизни (в первую очередь разбогатеть) привело к более резкому увеличению количества преступлений в городах, чем за их пределами. Например, в 1897 г. на 100 тыс. жителей Витебской губернии приходилось 83 осужденных горожанина и 42 жителя села. В Могилевской губернии этот показатель составлял 61 и 32 соответственно, Виленской — 68 и 42, Минской — 55 и 34, в Гродненской — 60 и 38 [14, ч. 2, с. 269—272].

Таким образом, в процессе модернизации белорусского общества во второй половине XIX — начале XX в. была усилена фрагментарность и маргинализация социума, что отразилось на динамике и структуре девиантного поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дело об объявлении в положении усиленной охраны городов Полоцка, Дриссы, Режицы, Люцина, Себежа, Невеля, Городка, Лепеля и Велижа и их уездов // Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 2. Д. 705.
2. *Каханюскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861—1914 гг.). Мінск : БДУ, 2013.
3. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Д. Буланин, 1999. Т. 1.
4. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Д. Буланин, 1999. Т. 2.
5. Население Российской империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1898.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Центр. типо-литография М. Я. Минкова, 1905. Вып. 8 : Процентное распределение наличного населения Империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главнейшие средства существования.
7. Сборник сведений по России 1884—1885 гг. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. СПб., 1887. Вып. XVIII.
8. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1897. Вып. 12 за 1896 г.
9. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1903. Вып. 18 за 1902 г.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1887 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1891.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1891.

12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1895.
13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Тип. правительствующего сената, 1896.
14. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1901.
15. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1898 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II : в 3 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1901.
16. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1907 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1910.
17. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1910 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1913.
18. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1912 г. : в 2 ч. / М-во юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1915.
19. Статистический ежегодник России за 1912 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. I отд. СПб., 1913.
20. Статистический ежегодник России за 1914 г. / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. I отд. Пг., 1915.
21. *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899—1908 гг. // Журн. М-ва юстиции. 1909. № 9. С. 52—99.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.

КРЫЗІСНЫЯ З'ЯВЫ Ў САВЕЦКАЙ ЭКАНОМІЦЫ ЯК ПРЫЧЫНА ПЕРАЎТВАРЭННЯЎ У ЧАСЫ ПАЛІТЫКІ ПЕРАБУДОВЫ

Выяўляюцца і раскрываюцца асноўныя прычыны і перадумовы крызісу савецкай сацыяльна-эканамічнай мадэлі, робіцца аналіз як унутраных сістэмных, так і знешніх прычын пачатку сацыяльна-эканамічнай трансфармацыі Савецкага Саюза ў часы ажыццяўлення палітыкі перабудовы.

The article reveals the main reasons and preconditions for crisis of the Soviet social and economic model, analyzes internal and external reasons for transformations in the Soviet Union during the policy of Perestrojka.

Ключавыя словы: перабудова; эканамічны крызіс; трансфармацыя; БССР.

Keywords: the policy of Perestrojka; economic crisis; transformation; BSSR.

Прычыны пачатку перабудовачных працэсаў у СССР застаюцца адной з найбольш дыскусійных праблем у грамадскіх і гуманітарных навуках, сучаснай публіцыстыцы. Чаму распаўся Савецкі Саюз? Навошта распачалі палітыку перабудовы? Чым былі выкліканы рэформы? Разнастайнасць меркаванняў па гэтых пытаннях даволі шырокая: пачынаючы ад аўтараў канспіралагічных тэорый, якія сцвярджаюць аб змове, аб загадзя спланаваных працэсах, і заканчваючы аўтарамі акадэмічных работ, у якіх на аснове крыніц і фактаў робяцца спробы правесці грунтоўны навуковы аналіз, даць адказы на праблемныя пытанні.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі, калі не лічыць абагульняючыя выданні, асобных даследаванняў па дадзенай праблеме прыктычна не вялося. Між тым прыклад Беларусі можа быць карысным, таму што БССР была адной з найбольш развітых саюзных рэспублік і дасягненні савецкага сацыяльна-эканамічнага развіцця папярэдніх дзесяцігоддзяў тут былі найбольш выразнымі.

З утварэннем Савецкага Саюза пачала складвацца яго эканамічная сістэма, заснаваная на дзяржаўнай уласнасці і адміністрацыйна-каманд-

Жылінскі Пётр Андрэвіч — аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гістарычных навук. E-mail: zhilinski@tut.by

ных метадах кіравання. Планавая эканоміка і поўны кантроль дзяржавы над сацыяльна-эканамічнымі працэсамі дазволілі СССР хуткімі тэмпамі здзейсніць індустрыялізацыю, дасягнуць неблагіх вынікаў. Сацыяльна-эканамічны «твар» краіны змяніўся. З цягам часу ў свеце таксама склалася відавочна новая сітуацыя — няспынна набліжалася чарговая хваля мадэрнізацыі. Перад «Краінай Саветаў» паўставалі выклікі і праблемы зусім іншага характару, чым былі раней.

Трэба адзначыць, што на працягу існавання СССР кардынальна змяніліся асноўныя рысы савецкага грамадства. Мадэлі кіравання і сацыяльных адносін, якія існавалі на ранніх этапах станаўлення сацыялістычнай дзяржаўнасці, у новых умовах не заўсёды спрацоўвалі. Ужо да пачатку 1980-х гг. БССР склалася як развітая індустрыяльная рэспубліка, дзе працэсы фарміравання новага грамадства адбываліся хуткімі тэмпамі. Лічбы гавораць самі за сябе. Працэсы ўрбанізацыі ў 1960—80 гг. дасягнулі свайго найбольшага памеру: насельніцтва пераважна пражывала ў гарадах (на 1985 г. — 62 %) [9, с. 3], амаль усе дарослыя жыхары Беларусі былі пісьменнымі, 58,1 % насельніцтва мелі сярэдняю адукацыю, 8,1 %, — вышэйшую (1985 г.) [9, с. 5]. Змяніўся сацыяльны склад грамадства: у 1985 г. 87,9 % жыхароў СССР былі рабочымі і служачымі [13, с. 7]. Савецкая дзяржава стаяла на парозе новага этапу развіцця. Па ўсім свеце навукоўцы загаварылі аб пераходзе індустрыяльных краін да новай стадыі — постындустрыяльнай, для якой будуць характэрны новая структура эканомікі, іншыя мадэлі сацыяльных адносін. На парозе такіх змен стаяла і Беларусь як частка Савецкай Дзяржавы. Таму перабудова была шмат у чым прадвызначана. Заставалася толькі пытанне аб змесце будучых пераўтварэнняў.

Але да змен савецкае кіраўніцтва падштурхоўвалі хутчэй не поспехі сацыялістычнай эканомікі, а імклівае набліжэнне крызісу. На працягу 1966—1970 гг. сярэднегадавыя тэмпы павелічэння нацыянальнага даходу СССР склалі 7,2 %, а ў першай палове 1980-х гг. гэты паказчык дасягнуў толькі 3,1 %. У 1970-х — пачатку 1980-х гг. выразна запаволіўся эканамічны рост, зменшыўся прырост вытворчасці прамысловай прадукцыі, знізілася прадуктыўнасць працы [13, с. 38]. Спад асноўных эканамічных паказчыкаў і невыкананне планаў адбываліся на жыццёвым узроўні грамадзян.

БССР на фоне агульнасаюзнага запавольвання эканамічнага развіцця не вылучалася лепшым становішчам. На працягу кіравання Л. Брэжнева сярэднегадавыя тэмпы прыросту нацыянальнага даходу ў Беларусі

скараціліся амаль у два разы. Узровень жыцця людзей амаль не паляпшаўся: у застоіны пачатак 1980-х гг. рэальныя заробкі павялічыліся толькі на 3,8 %, у той час як у гады «касыгінскай пяцігодкі» іх рост дасягаў 7,1 % [15, с. 529].

Пэўны час савецкаму кіраўніцтву ўдавалася падтрымліваць стабільнасць. Але крызіс выпаўз на паверхню, калі, нягледзячы на ўсе патугі савецкай эканамічнай машыны, не быў выкананы план 11-й пяцігодкі, а бюджэтны дэфіцыт у 1985 г. склаў непамерныя 17—18 млрд р. [22, с. 25]. Для такога становішча быў шэраг унутраных і знешніх прычын.

Унутранымі прычынамі былі сур'ёзныя сістэмныя недахопы, якія праследавалі савецкую эканоміку ўвесь час яе існавання. У параўнанні з капіталістычным светам, увасабленнем якога было «грамадства спажывання», СССР прыныцова адрозніваўся. У савецкай краіне, у тым ліку з-за адставання ў развіцці сферы паслуг, хутчэй было ўвасоблена ў жыццё «грамадства дэфіцыту». Назіраўся недахоп шэрагу «тавараў народнага спажывання», якасць якіх, нават пры наяўнасці ў крамах, была не лепшага гатунку. Толькі «жалезная заслона» абараняла савецкіх грамадзян ад спакусу капіталістычнага ладу.

Таварны дэфіцыт з'яўляўся галоўным бізуном мадэлі дзяржаўнага сацыялізму. Ён быў выкліканы дыспрапорцыяй паміж развіццём цяжкай і лёгкай прамысловасці, недасканаласцю сістэмы пераразмеркавання тавараў, а таксама адставаннем у развіцці сельскай гаспадаркі. Таварны дэфіцыт быў прычынай незадаволенага попыту насельніцтва, які з цягам часу толькі ўзрастаў і яскрава выражаўся ў росце накапленняў грамадзян, аб'ём якіх за 1970—1985 гг. у Беларусі павялічыўся ў шэсць разоў [1, с. 90]. У 1985 г. па ўзроўні асабістага спажывання на душу насельніцтва Савецкі Саюз займаў 77-е месца ў свеце і адставаў ад ЗША ў чатыры разы [16, с. 400]. Як адзначаў адзін з «бацькоў» перабудовы Я. Лігачоў, «адной з галоўных і асабліва цяжкіх праблем... быў усё ўзрастаючы разрыў паміж СССР і развітымі краінамі Захаду ў галіне тэхналогіі і эфектыўнасці вытворчасці грамадзянскай прадукцыі...» [6, с. 36].

Не апошняю ролю ў сітуацыі, якая склалася, адыгрывала існаваўшая дыспрапорцыя развіцця дзвюх асноўных галін прамысловасці. Так, за 1971—1980 гг. у БССР тэмпы росту агульнага аб'ёму прадукцыі прамысловасці групы «А» (вытворчасць сродкаў вытворчасці) апырэджалі рост аб'ёму прадукцыі групы «Б» (вытворчасць тавараў спажывання) на 50 %. Характэрна, што тавары спажывання ў 1982 г. складалі толькі 24,9 % агульнага аб'ёму беларускай вытворчасці [11, с. 81]. Выразнай была роз-

ніца і ў фінансаванні. На падтрымку цяжкай прамысловасці СССР капітальныя ўкладанні складалі 220,7 млрд р. (30 %), у той час як на падтрымку вытворчасці тавараў спажывання ішло толькі 30,7 млрд р. (4 %) [14, с. 551]. Такая сітуацыя спараджала значнае адставанне ў развіцці лёгкай прамысловасці і адмоўна адбівалася на якасці сектара паслуг.

Другой прычынай таварнага дэфіцыту з'яўлялася недасканаласць сістэмы размеркавання выпускаемых тавараў. Існавала сітуацыя, калі немагчыма было дакладна разлічыць нарматывы ўжытку. У адрозненне ад рыначнай эканомікі ў савецкай мадэлі галоўнай была вытворчасць, а значэнне попыту не з'яўлялася істотным. Акрамя таго, недасканалая сістэма пераразмеркавання была пранізана складанымі схемамі і нараджала такую з'яву, як «ценявая эканоміка».

Увогуле «ценявая эканоміка» ўзнікае, калі дзяржава не ў стане паўплываць на макраэканамічныя ўмовы функцыянавання прадпрымальніцтва, а тым больш калі яно афіцыйна забаронена. Па ацэнках замежных аўтараў, у 1977 г. на долю «ценявой эканомікі» ў валавым унутраным прадукце СССР прыходзілася 10 %, праз 11 гадоў гэты паказчык павялічыўся ўдвая [5, с. 39, 47]. Большая частка «ценявога» сектара фарміравалася не за кошт незаконнай прадпрымальніцкай дзейнасці і прыватнай ініцыятывы, а дзякуючы простаму прысваенню дзяржаўнай уласнасці. Прычым займаліся прысваеннем на ўсіх узроўнях: ад рабочых і служачых да прадстаўнікоў дзяржаўнай і партыйнай наменклатуры. Як-кравым прыкладам такой сітуацыі можа служыць крык адчаю, напісаны на адным з бюлетэняў для галасавання падчас выбараў у Вярхоўны Савет БССР: «Паважаныя таварышы дэпутаты! Калі ласка, прыкладзіце ўсе намаганні для ліквідацыі ўсякіх блатаў і махінацый. Народ гэтага вельмі чакае, інакш не быць камунізму!» [20, арк. 136].

Абарот «ценявой эканомікі» ўжо ў часы перабудовы дасягаў крытычных памераў. Па прыблізных даных з пачатку 1960-х да 1980-х гг. аб'ём аперацый «ценявога» сектара падскочыў у 18 разоў [5, с. 46]. Увогуле, калі парушаецца раўнавага гаспадаркі, «ценявы» сектар атрымлівае дадатковы штуршок для свайго развіцця. Яго рост — паказчык крызісу гаспадарчай сістэмы.

Але галоўная праблема эканомікі СССР засяродзілася ў аграпрамысловым комплексе. Сельская гаспадарка істотна адставала ад развіцця прамысловасці, што паскарала надыход харчовага крызісу ў краіне. Сітуацыю пагаршаў імклівы рост гарадскога насельніцтва, перш за ўсё за кошт хуткага скарачэння вясковага. Чым больш было гараджан, тым

больш было людзей, якія цалкам залежалі ад пастаўкі сельскагаспадарчых тавараў з боку дзяржавы. Асноўная частка вясковага насельніцтва жыла за кошт прадуктаў, якія атрымоўвала з уласных прысядзібных надзелаў, паралельна займаючыся вытворчасцю тавараў для горада ў калгасах і саўгасах, але з часам сітуацыя кардынальна змянілася. Напрыклад, у БССР працэсы ўрбанізацыі былі аднымі з найбольш маштабных у Саюзе, а інтэнсіўнасць міграцыйнага пераразмеркавання паміж горадамі і вёскай выявілася самай высокай у СССР. У цэлым за 1971—1985 гг. прырост гарадскога насельніцтва рэспублікі толькі за кошт міграцыі склаў каля 1,2 млн чалавек, а ўсяго колькасць гараджан вырасла з 3,9 млн да 6,1 млн чалавек [4, с. 10].

Такія працэсы значна паскаралі тэмпы росту валавога ўнутранага прадукту. Але за станоўчымі з’явамі хаваліся і адмоўныя бакі. Ішоў няўхільны працэс памяншэння вясковага насельніцтва. Сітуацыя вызначалася тым, што з’язджалі ў горад не толькі тыя, хто вызваляўся пасля інтэнсіфікацыі вытворчасці, а нават больш таго. Ужо да 1970-х гг. былі вычарпаны рэзервы працоўных рэсурсаў у сельскай мясцовасці [4, с. 52]. Паўставалі пытанні аб спробе спыніць адток насельніцтва і аб рэфармаванні сельскай гаспадаркі.

Становішча ў сельскай гаспадарцы, якая вызначалася нізкімі тэмпамі росту і насіла экстенсіўны характар развіцця, з кожным годам было больш складаным. У 1960-х гг. колькасць сельскагаспадарчай прадукцыі павялічвалася прыблізна на 3 % у год, у 1970-х гг. — на 1 % [3, с. 158]. Улады вымушаны былі купляць збожжа за мяжой. Савецкі Саюз быў самым буйным яго імпарцёрам у свеце. Імпарт харчовых тавараў у 1984 г. складаў 22,5 % знешнегандлёвага абароту СССР [3, с. 18]. Так, па ўспамінах партыйнага дзеяча Г. Шахназарава, генеральны сакратар ЦК КПСС Ю. Андропаў казаў яму: «...асабліва дрэнна з сельскай гаспадаркай: нельга ж мірыцца далей з тым, што краіну не можам пракарміць, з года ў год трэба закупляць усё больш і больш збожжа...» [23, с. 109, 110]. І гэта нягледзячы на вялікія грошы, якія накіроўваліся на развіццё сельскагаспадарчай сферы. У Беларусі на ўмацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы аграпрамысловага комплексу ў 1985 г. было вылучана больш за 9,5 млрд р., што складала трэцюю частку ўсіх капіталаўкладанняў у беларускую эканоміку [1, с. 77].

У пачатку перабудовы сітуацыя ў сельскай гаспадарцы працягвала пагаршацца. Так, у год прыходу М. Гарбачова да ўлады ўпершыню, па афіцыйных даных, у перадавой па саюзных мерках Беларусі скараціўся

валавы збор сельскагаспадарчых культур [1, с. 50, 51]. Ён змяншаўся на працягу 1970-х — пачатку 1980-х гг., скарачалася ўраджайнасць — і гэта пры тым, што ў дадзены перыяд пасяўныя плошчы пашырыліся на 200 тыс. га [9, с. 67] (табл. 1 [13, с. 360, 471]). Адставанне ад капіталістычнага свету таксама было выразным (табл. 2 [8, с. 83, 84, 339, 340]).

Табліца 1

**Дынаміка валавога збору і ўраджайнасці зерневых культур
у СССР і БССР**

Гады	СССР	БССР
Дынаміка сярэднегадавога валавога збору зерневых культур		
1971—1975 гг.	181,5 млн т	5,5 млн т
1981—1985 гг.	168,7 млн т	5,4 млн т
Дынаміка сярэднегадавой ураджайнасці зерневых культур		
1971—1975 гг.	14,6 ц з га	21,3 ц з га
1981—1985 гг.	13,8 ц з га	18,6 ц з га

Табліца 2

Параўнанне развіцця сельскай гаспадаркі БССР і Нідэрландаў у 1985 г.

Паказчык	БССР	Нідэрланды
Ураджайнасць зерневых і зернебабовых культур	20 ц з га	58,7 ц з га
Доля аграпрамысловай вытворчасці ў структуры ВУП	30 %	5,2 %
Доля занятасці працаздольнага насельніцтва ў сельскагаспадарчай вытворчасці	20 %	5 %

Каб пазбегнуць харчовага крызісу, дзяржавай прымаліся меры па павелічэнні вытворчасці прадуктаў харчавання, паляпшэнні забеспячэння імі насельніцтва [18, арк. 101]. Часцей праблемы спрабавалі вырашаць экстэнсіўным шляхам: напрыклад, за кошт не заўсёды эфектыўнай меліярацыі. Такім спосабам у Беларусі планавалася да 2000 г. увесці ў гаспадарчы зварот дадаткова 342 тыс. га [19, арк. 62]. Таксама прымаліся меры адміністрацыйнага характару: рабіліся захады па скарачэнні страт сельскагаспадарчай прадукцыі, была ўведзена норма па выдачы хлеба ў адны рукі, вялася барацьба з халатнасцю на прадпрыемствах (у першым паўгоддзі 1985 г. у Беларусі было забракавана 7,7 % вырабленай

колькасці хлебапрадуктаў), нямэтавым ужываннем хлеба (зафіксавана шмат фактаў выкарыстання яго на корм жывёле). Эканомія даходзіла да таго, што ў сістэме грамадскага харчавання распаўсюджваліся рэцэптуры блюдаў і кулінарных вырабаў з чэрствага хлеба [21, арк. 110]. Для пераадолення крызісу была прынята знакамітая «Харчовая праграма», але і яна не дазволіла вырашыць існуючыя праблемы.

Акрамя раслінаводства цяжкасці назіраліся і ў іншых галінах сельскай гаспадаркі: так, сярэдні аб'ём вытворчасці мяса ў Беларусі вырас з 1971 па 1985 г. толькі на 18,2 % [12, с. 398; 13, с. 503], у той час як гарадское насельніцтва, якое яго спажывала, за гэты перыяд павялічылася на 52,3 % [17, с. 9]. Па афіцыйных звестках, цэлыя галіны вытворчасці былі нерэнтабельнымі: вырошчванне буйной рагатай скаціны, свіней, авечак, птушкі; вытворчасць малака і малочных прадуктаў, воўны, цукровых буракоў [14, с. 532].

Яшчэ адна прычына крызісу — немагчымасць у межах існуючай сістэмы кампенсаваць скарачэнне прытоку працоўнай сілы ростам прадуктыўнасці працы. Эканоміка расла экстенсіўным шляхам. Замест інтэнсіфікацыі, увядзення ў гаспадарку механізаваных сістэм савецкае кіраўніцтва ішло па шляху павелічэння аб'ёмаў вытворчасці за кошт нарошчвання магутнасцей. Па даных за 1985 г. у прамысловасці БССР ручной працай быў заняты амаль кожны трэці рабочы [15, с. 531]. Рост эканомікі краіны быў заснаваны на павелічэнні працоўных месцаў і будаўніцтве новых прадпрыемстваў, а не на мадэрнізацыі старых. І гэта пры тым, што замарудзіўся прырост насельніцтва, а працоўныя рэсурсы за кошт выхадцаў з вёскі былі амаль вычарпаны.

Цяжкім грузам на эканоміцы Савецкага Саюза ляжалі велізарныя невытворчыя выдаткі, якія з цягам часу павялічваліся. Ужо ў часы перабудовы толькі на ліквідацыю наступстваў чарнобыльскай катастрофы былі накіраваны дзясяткі мільярдаў рублёў. Вялікія сродкі сацыялістычная дзяржава вылучала на сацыяльную сферу. Пра гэта гаворыць паказчык сярэдніх выплат і льгот на душу насельніцтва, які перавышаў сярэдні заробак па краіне ў два разы [10, с. 39, 40]. Да прычын неабходнасці трансфармацыі гаспадарчага комплексу варта дадаць залішнюю цэнтралізацыю і недасканаласць планавання. У першую чаргу гэта тычылася цэн, якія ўсталёўваліся не з дапамогай рыначнага механізму, а адміністрацыйным метадам.

Сярод вялікіх праблем савецкай эканомікі таксама былі адсутнасць прыватнай ініцыятывы, дзяржаўная манаполія ў вытворчасці і рэаліза-

цы прадукцыі, што выключала ўсякую канкурэнцыю, адмоўна адбівалася на якасці тавараў. Так, у першай палове 1980-х гг. з асвоеных вырабаў толькі 12 % былі атэставаны на «Знак якасці», які раздаваўся даволі шчодро. У адсутнасць канкурэнцыі і жорсткага кантролю прадпрыемствы выпускалі бракаваную прадукцыю. Толькі ў 1976—1980 гг. страты ад браку склалі 2 % кошту валавой прадукцыі [16, с. 387]. Неэфектыўнасць эканомікі пры адсутнасці канкурэнцыі таксама дэманстравала вялікая доля нерэнтабельных прадпрыемстваў, якія праз датацыі палыналі бюджэтныя грошы.

Складанасці і супярэчнасці эканамічнага развіцця выліваліся ў далейшы разрыў паміж вядучымі капіталістычнымі краінамі і Савецкім Саюзам, які пачаў адставаць у тэмах развіцця прадукцыйнасці, абнаўленні асноўных вытворчых фондаў. І гэта пры тым, што СССР увесь час павялічваў аб'ёмы вытворчасці. Сітуацыю выразна акрэсліў сакратар ЦК КПСС Я. Лігачоў: «У цэлым па прадуктыўнасці працы ў параўнанні з ЗША мы адставалі ў прамысловасці ў два разы, у сельскай гаспадарцы — у чатыры разы. Выдаткі электраэнергіі, матэрыялаў на вытворчасць адзінкі прадукцыі перавышалі ў два-тры разы. У прамысловасці 28 % машын і абсталявання не адпавядалі сучаснаму ўзроўню і падлягалі замене» [6, с. 36, 37]. Савецкая эканоміка дэманстравала парадаксальную сітуацыю: з адначасовым ростам аб'ёмаў вытворчасці і нарошчваннем колькасных паказчыкаў ішоў працэс адставання ў эфектыўнасці гэтай самай вытворчасці, яе мадэрнізацыі.

Праблемы сістэмнага характару, можа, і заставаліся б у «замарожаным» выглядзе, калі б не іншая група фактараў, з якімі сутыкнуўся СССР у канцы 1970-х — пачатку 1980-х гг. Неабходна акрэсліць сітуацыю, што склалася на той момант у свеце. У вядучых капіталістычных дзяржавах ва ўсю разгортвалася новая хваля навукова-тэхнічнай рэвалюцыі, значна павышалася роля трэцяга сектара эканомікі. Савецкі Саюз, нягледзячы на ўсе зрухі і поспехі, ад гэтай сусветнай тэндэнцыі відавочна адставаў. У СССР па-ранейшаму панаваў экстрэнсіўны шлях развіцця ў процівагу інтэнсіўнаму, які станавіўся больш дзейным у тагачасных умовах. Такім чынам, новая хваля навукова-тэхнічнай рэвалюцыі стала адным з галоўных выклікаў для савецкай сацыяльна-эканамічнай мадэлі.

Яшчэ адной праблемай была развязаная пасля нядоўгачасовага перыяду міжнароднай разрадкі чарговая хваля гонкі ўзбраенняў, якая патрабавала хуткага тэхналагічнага рыўка і неверагоднага напружання для

савецкай эканамічнай сістэмы. Вайсковыя выдаткі клаліся вялікім грузам на эканоміку СССР ва ўсе часы яе функцыянавання. Але дакладных даных па выдатках на абарону не было вядома. Іх складана падлічыць таму, што фінансаванне ішло па самых розных артыкулах бюджэту, таксама як і праз пазабюджэтныя крыніцы.

Канкурэнцыя з ЗША прывяла да таго, што бюджэт пастаянна меў патрэбу ў новых фінансавых паступленнях. Неабходнасць у валюце вяла да росту знешняга доўгу, вялікі памер якога спараджаў шэраг праблем. Усё цяжэй было знайсці новых крэдытораў, якія патрабавалі больш высокія працэнты. І нарэшце, неабходна было плаціць па папярэдніх крэдытах.

Складаны і сакрэтны характар мела сістэма фінансавання і падтрымкі міжнароднага камуністычнага руху, «прагрэсіўных» рэжымаў у краінах трэцяга свету, прасавецкіх арганізацый і груп. Гэта была не проста камерцыйная, але і палітычная падтрымка. Галоўным донарам для краін — сяброў Савета эканамічнай узаемадапамогі выступаў СССР. Прычым прапарцыянальна росту сацыялістычнага лагера павялічваліся выдаткі на яго ўтрыманне. Дапамога толькі Польшчы за 1980—1981 гг. склала 690 млн долараў ЗША [3, с. 189].

Буйная праблема, якая паўплывала на становішча СССР, — рэзкае падзенне цэн на нафту (у 1984 г. 54,4 % экспарту Савецкага Саюза складалі паліва і электраэнергія) [2, с. 18]. Пастаянны рост аб'ёмаў здабычы прывёў да падзення цэн на «чорнае золата». Калі ў 1980 г. сярэднегадавая цана складала каля 80 долараў за бараль, то праз пяць гадоў яна ўпала да крытычных 26 долараў. У выніку экспартныя паступленні ад продажу нафты рэзка скараціліся. Савецкі Саюз у 1985 г. экспартаваў за мяжу каля 170 млн тон нафты і нафтапрадуктаў, але зарабіў на некалькі мільярдаў менш, чым у 1984 г. [2, с. 25]. Гэта прывяло да значнага памяншэння прыбыткаў дзяржаўнага бюджэту. З працягам падзення цэн да 1987 г. валютныя паступленні скараціліся амаль напалову [7, с. 97].

Пералічаныя фактары паўплывалі на тое, што рэфармаванне савецкай эканамічнай сістэмы было справай першай важнасці. Адмова ад планавай эканомікі і адміністрацыйна-камандных метадаў кіравання была вызначана акрамя суб'ектыўных памкненняў кіраўніцтва СССР шэрагам вышэйадзначаных аб'ектыўных прычын. Умоўна ўсе прычыны неабходных пераўтварэнняў можна падзяліць на дзве асноўныя групы. Першую з іх складаюць сістэмныя недахопы, якія характарызавалі планавую эканоміку на працягу ўсяго перыяду яе існавання. Другая група

прычын звязана з выклікамі часу, з якімі сутыкнулася Савецкая дзяржава ў канцы 1970-х — 1980-я гг. Яны непасрэдна падштурхнулі кіраўніцтва СССР да рэформ. Але трэба адзначыць, што першая і другая групы прычын цесна звязаны, бо сістэмныя недахопы планавай эканомікі сталі выразна праяўляцца менавіта з надыходам новых умоў унутры краіны, складаннем іншай міжнароднай кан'юнктуры.

Такім чынам, да другой паловы 1980-х гг. вызначыліся асноўныя прычыны фарміравання перадумоў пераходу беларускага грамадства і дзяржавы да новай стадыі гістарычнага развіцця. Усё выразней праяўлялася сябе складанае становішча, у якім апынулася да пачатку перабудовы савецкая эканоміка. Харчовы і нафтавы крызісы балюча адбіваліся на фінансавых магчымасцях Савецкага Саюза. Назіраліся праблемы эканамічнага развіцця, якое паступова запавольвалася. Да гэтага часу былі вычарпаны рэсурсы для росту савецкай эканомікі экстэнсіўным шляхам. Назіралася сацыяльная напружанасць унутры краіны з-за таварнага дэфіцыту і павелічэння незадаволенага попыту. На фоне ўзмацнення інтэграцыі савецкай эканомікі ў сусветны рынак і з пачаткам новай хвалі навукова-тэхнічнай рэвалюцыі выявілася адставанне ў развіцці Савецкай дзяржавы ад вядучых капіталістычных краін. Акрамя праблем у эканоміцы да новых форм і метадаў кіравання дзяржавай і эканомікай улад штурхалі таксама змены ў сацыяльнай структуры грамадства. Вышэйпералічаныя групы аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў сталі галоўным каталізатарам трансфармацыі савецкай эканамічнай сістэмы.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. БССР в цифрах: 1980—1985 годы : крат. стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР. Минск : Беларусь, 1986.
2. Внешняя торговля СССР в 1985 г. : стат. сб. / М-во внеш. торговли, Глав. планово-эконом. упр. М. : Финансы и статистика, 1986.
3. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2007.
4. Демографическое развитие и трудовые ресурсы БССР: Социально-экономические проблемы / А. А. Раков [и др.]. Минск : Наука и техника, 1988.
5. *Киран Р., Кенни Т.* Продавшие социализм: теневая экономика в СССР. М. : Алгоритм, 2009.
6. *Лигачев Е. К.* Перестройка: замыслы, результаты и поражения, уроки. М. : ИТРК, 2005.
7. *Медведев Р. А.* Советский Союз. Последние годы жизни: конец советской империи. М. : АСТ: Полиграфиздат, 2010.

8. Мир в цифрах : стат. сб. / Стат. ком. Содружества Независимых Государств. М. : АО «Фин. инжиниринг» : ООО «Нонпарель», 1992.
9. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 г. : стат. ежегодник / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР. Минск : Беларусь, 1986.
10. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. БССР по статистике. Минск : Беларусь, 1989.
11. Народное хозяйство БССР в десятой пятилетке : крат. стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР. Минск, 1981.
12. Народное хозяйство СССР в 1975 г. : стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М. : Статистика, 1976.
13. Народное хозяйство СССР в 1985 г. : стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1986.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г. : стат. ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике, Информ.-издат. центр. М. : Финансы и статистика, 1991.
15. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2008.
16. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. Мінск : Беларусь, 1995. Ч. 2.
17. Население СССР, 1987 : стат. сб. / Гос. ком. СССР по статистике, Информ.-издат. центр. М. : Финансы и статистика, 1988.
18. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 156. Спр. 166 — Справка отдела информации обкомов о ходе выполнения постановления ЦК КПБ и СМ БССР от 10 июня 1983 г. № 188.
19. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 157. Спр. 11 — Записки, информации, справки по вопросам сельского хозяйства и пищевой промышленности.
20. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 157. Спр. 23 — Информации, справки, отчеты ЦК Компартии Белоруссии, направленные в ЦК КПСС и Совет Министров СССР.
21. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 157. Спр. 61 — Информация, справки, записки отделов, обкомов КПБ, министерств, комитетов о ходе выполнения постановлений ЦК КПСС об экономном расходовании хлебопродуктов и о совершенствовании стиля и методов работы.
22. *Согрин В. В.* Политическая история современной России, 1985—2001: от Горбачева до Путина. М. : Издат. дом «Инфра-М» : Весь мир, 2001.
23. *Шахназаров Г. Х.* С вождами и без них. М. : Вагриус, 2001.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

АБ «ЛІЧБАХ» У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У XVI ст.

Артыкул прысвечаны аналізу і эвалюцыі паняцця «лічба» ў Вялікім Княстве Літоўскім. Гэты тэрмін узнік з-за таго, што ў ВКЛ адначасова былі ў грашовым звароце манеты розных дзяржаў — у першую чаргу Польшчы і Чэхіі. Паколькі ўтрыманне срэбра і вага гэтых манет былі рознымі, неабходна было кожны раз удакладняць, пра якую канкрэтна манету ідзе гаворка. Такім удакладненнем і стала ўжыванне тэрміна «лічба». Намі зафіксавана даволі вялікая разнастайнасць варыяцый «лічбаў», асноўнымі з якіх былі: «літоўская», «вузкая» і «шырокая».

This article analyzes the evolution and the concept of term «lichba» in the Grand Duchy of Lithuania. This term emerged because of the fact that coins from different countries were presented in money circulation on the territory of the Grand Duchy of Lithuania. In addition to Lithuanian coins there were, first of all, Polish coins and the Prague groats in use. Since the silver content and weight of those coins were different, it was necessary to clarify each time what particular coin was spoken of. Thus, the term «lichba» was introduced. We recorded quite a wide diversity of «lichba», the main ones were: «Lithuanian», «narrow» and «broad».

Ключавыя словы: «лічба»; грош (намінал); Вялікае Княства Літоўскае; манеты.

Keywords: lichba; groat; Grand Duchy of Lithuania; coins.

Адметнасцю фінансава-грашовых стасункаў на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV—XVI ст. з’яўляецца паняцце «лічба». Гэты тэрмін не мог не з’явіцца на тэрыторыі ВКЛ, паколькі ў адзначаны перыяд у грашовым абарачэнні былі адначасова ўласна літоўскія эмісіі, а таксама розныя манеты шэрагу еўрапейскіх эмітэнтаў — найперш пражскія грошы і каронныя манеты. Каб не заблытацца ў пераліках адных грашовых адзінак на іншыя і адрозніваць іх паміж сабой, выкарыстоўвалася паняцце «лічба». Такім чынам, мы маем «літоўскую», «польскую» і «шырокую» (у адносінах да пражскага гроша) «лічбы». Распаўсюджанне гэтага тэрміна мела свае геаграфічныя асаблівасці: «літоўская» лічба была распаўсюджана па ўсёй тэрыторыі краіны, «польская» — большай част-

Карач Андрэй Уладзіміравіч — аспірант кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і дапаможных гістарычных дысцыплін Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, магістр гістарычных навук. E-mail: andrew_karach@tut.by

кай на памежных землях з Польскім Каралеўствам, а «шырокая» — у асноўным на ўсходзе і поўдні ВКЛ.

Адзначым, што ў большасці дакументаў, якія былі складзены на тэрыторыі ВКЛ або адносяцца да літоўскага справаводства, не ўзгадваюцца канкрэтныя дапаўненні, якія сведчылі б аб дзяржаўнай прыналежнасці грошай. Манапалістам на мясцовых рынках была літоўская манета. І не трэба было кожны раз дапаўняць суму дадаткам «літоўскія манеты», «манеты Вялікага Княства» ці «манеты Вялікага Княства Літоўскага». Такія ўдакладненні таксама сустракаюцца ў дакументах, але большай часткай да 1530-х гг. Яны былі больш пашыраны на заходніх землях ВКЛ, якія межавалі з Польшчай. Гэта рабілася для таго, каб падкрэсліць адметнасць менавіта сваёй манеты. Да 90-х гг. XV ст. у грашовым абарачэнні цэнтральнае месца займаў пражскі грош і ўсе разлікі вяліся ў асноўным гэтай манетай. Радзей выкарыстоўваліся залатыя манеты. І толькі з адкрыццём Віленскага манетнага двара пасля 1492 г. і масавымі эмісіямі ўласна літоўскіх манет — пенязяў і паўгрошаў — узнікла неабходнасць у раздзяленні манет, якімі павінен весціся разлік.

Згадкі «лічбы», якая грунтавалася на манеце ВКЛ, сустракаюцца ў некалькіх варыянтах: «літоўская лічба» [1, с. 161; 2, с. 68, 69; 3, с. 49; 4, с. 206; 5, с. 231; 6, с. 439; 7, с. 338; 8, с. 109; 9, с. 38; 10, арк. 1; 11, арк. 2; 12, арк. 1; 13, арк. 2], «лічба Вялікага Княства» [14, с. 153], «лічба Вялікага Княства Літоўскага» [3, с. 55, 57], «лічба і манета Вялікага Княства Літоўскага» [15, с. 77; 16, с. 77; 17, арк. 1], «манета і лічба літоўская» [14, с. 116; 18, с. 231; 19, арк. 1; 20, арк. 5, 9], «лічба і манета літоўская» [15, с. 270; 21, с. 232; 22, арк. 1; 23, арк. 1], «лічба і пеняндзы літоўскія» [24, с. 118].

Адзначаная «літоўская лічба» ўпершыню згадваецца ў дакументах раней [1, с. 161], чым пра тое сцвярджаў беларускі гісторык, нумізмат прафесар В. Н. Рабцэвіч [25, с. 178]. Малапрымяняльны тэрмін «дробная лічба» [1, с. 119, 120; 25, с. 177, 178] ужываўся ў выпадках, калі патрабавалася падкрэсліць, што разлік павінен весціся дробнымі літоўскімі грошамі — пенязямі і паўгрошамі, а не пражскімі грошамі. Гэты тып літоўскай лічбы фіксуецца ў дакументах толькі ў часы Аляксандра (канец XV—XVI ст.).

Выкарыстанне паняцця «паўгрошкаявая лічба» [6, с. 424] нясе на сабе змест таго, якімі канкрэтна манетамі павінен весціся разлік.

«Польская лічба» [2, с. 102; 6, с. 142, 161; 26, с. 111] мела сінанімічныя назвы, напрыклад «лядская», «вузкая» [27, с. 60]. Апошні тэрмін выкарыстоўваўся толькі як супрацьлегласць «літоўскай лічбе», паколькі літоў-

скія манеты ўтрымлівалі больш чыстага срэбра і былі паўнавартасней каронных [28, с. 37]. Згодна з пастановай Наваградскага сейма 1508 г. на тэрыторыі ВКЛ каронным манетам надаваўся прымусовы курс [29, с. 115]. Выкананне гэтага рашэння на месцах, напрыклад у памежным Драгічыне, патрабавала ўмяшання вялікага князя. Войт і драгічынскія мяшчане скардзіліся яму на мясцовага старасту П. С. Кішку. Адной з прэтэнзій значылася тое, што стараста наказваў «лічбаю шырокай гандляваць — па дзесяці пенязяў у грош, а мы здаўна лічбай вузкаю гандлявалі — па васьмі пенязяў у грош» [4, с. 85]. Драгічын палітычна і эканамічна быў больш звязаны з Польшчай, чым з ВКЛ, таму і рознасць курсаў аднолькавых літоўскіх і польскіх наміналаў выклікала спрэчкі. Упершыню «польская лічба» згадваецца ў дакументах пад 1495 г. [30, с. 61], а не пазней, як сцвярджалася прафесарам В. Н. Рабцэвічам [25, с. 178].

Варта адзначыць, што ў Польскім Каралеўстве літоўскія паўгрошы не жадалі прымаць па большым курсе, чым свае каронныя. І пасля сейма 1515 г. Жыгімонт Стары спецыяльным універсалам зацвердзіў парытэт віленскіх і кракаўскіх паўгрошаў [31, с. 35, 36]. Узнікла камічная сітуацыя: на тэрыторыі ВКЛ літоўскія паўгрошы былі на 1/5 паўнавартасней каронных і прымаліся па курсе чатыры літоўскія пенязі за адзін каронны паўгрош. А на тэрыторыі ўсіх старостваў каронных зямель аднамінальныя манеты ўраўноўваліся ў сваіх коштах.

Часам паняцце «польская лічба» згадваецца ў крыху іншым кантэксце. У судовым лісце паміж берасцейскімі габрэямі і гданьскім мешчанінам Ганусам Блюмам фігуруе сума ў «6930 залатых лічбы і манеты польскае» [2, с. 166]. У дадзеным выпадку гаворка ідзе аб польскай адзінцы — золотым, а не аб рэальных залатых манетах, што яскрава пацвярджаецца і ў больш позніх дакументах, у адным з якіх нават згадваецца сума ў «15 000 золотых лічбы польскай, лічачы ў кожны золоты па 30 грошай польскіх» [26, с. 38], і шэрагу іншых пісьмовых крыніц [2, с. 102; 15, с. 62; 21, с. 47; 26, с. 52; 32, с. 97].

У Польскім Каралеўстве да 1526 г. выкарыстоўвалася лічыльна-манетная грыўна, якая раўнялася 48 польскім грошам. Але яна доўга не праіснавала: згодна з грашовай рэформай 1526—1528 гг. замест грыўны была ўведзена златавая грашова сістэма [33, с. 250, 251]. Паступова лік золотымі стаў пранікаць і на землі ВКЛ, што мы бачым у змесе вышэйзгаданых дакументаў.

Паняцце «шырокая лічба» [6, с. 259, 295; 7, с. 354; 8, с. 93; 14, с. 217] адносіцца да пражскага гроша, які ў дакументах фігуруе менавіта як «шы-

рокі» [2, с. 74; 4, с. 170, 171]. У гэтым выпадку эпітэт «шырокі» характарызуе памер манеты і азначае «большы па памерах». В. Н. Рабцэвіч у кнізе «Нумізматыка Беларусі» сцвярджае, што з’яўленне «шырокай лічбы» адносіцца да пачатку XVI ст. У доказ ён прыводзіць грамату Жыгімонта Старога, датаваную прыблізна 1509 г. [25, с. 179]. Ёсць звесткі пра ранейшае выкарыстанне гэтай «лічбы» [34, с. 200], але першае яе з’яўленне трэба аднесці да 1467 г., калі яна згадваецца ў судовай справе паміж А. Судзімонтавічам і Ю. Зяноўевічам [35, с. 268—270]. Гэты дакумент дазваляе «амаладзіць шырокую лічбу» мінімум на трэць стагоддзя. В. Н. Рабцэвіч сцвярджаў, што «шырокая лічба» праіснавала да сярэдзіны 1560-х гг. [25, с. 179], аднак не прыводзіў ніякіх доказаў. На нашу думку, гэта не зусім так, бо адсутнічаюць дакументальныя сведчанні на гэты конт. Ужо ў пачатку 1530-х гг. да «шырокай лічбы» рабілася дапаўненне. Так, у прывілеі нашчадкам жмудскага старасты С. Яновіча згадваюцца 160 коп грошай «шырокай старой лічбы» [36, с. 170].

Удзел пражскіх грошаў на польскім рынку ў канцы XV — пачатку XVI ст. быў ацэнены польскім даследчыкам Е. Швагжыкам у 10—15 % [37, с. 101]. На тэрыторыі ВКЛ роля гэтых манет, на нашу думку, была яшчэ меншай — прыкладна 5—10 %. Паступова роля пражскіх грошаў на рынках падае, і яны выцясняюцца ўласна літоўскімі і некаторымі іншаземнымі манетамі, аднак працягваюць трымацца ў абарачэнні і ў XVI—XVII стст. Аб гэтым сведчыць наяўнасць іх у скарбах [38, с. 223; 39, с. 125; 40, с. 129—131; 41, с. 122; 42, с. 133; 43, с. 10—12] і той факт, што згодна з варшаўскай пастановай 1616 г. з грашовага абарачэння павінны быць выдалены іншаземныя білонныя манеты, «за выключэннем старых грошаў чэшскіх» [44, с. 175] і некаторых іншых манет.

Паняцце «шырокая лічба» ўжывалася (праўда, рэдка) і адносна да манеты ВКЛ у значэнні больш вартаснай за «вузкую (польскую) лічбу». В. Н. Рабцэвіч узгадваў толькі адзін такі дакумент ад 1523 г. [25, с. 178], але мы знайшлі больш ранні дакумент, датаваны 1507 г., у якім пішацца «200 коп грошай шырокай лічбы і манеты літоўскай» [18, с. 185].

Сустракаецца ўжыванне тэрміна «вузкая лічба» ў адносінах да літоўскай манеты, калі ідзе параўнанне з «шырокай лічбай» пражскіх грошаў. Пасля шэрагу нападаў на ўсходнія землі ВКЛ з боку Маскоўскага княства вялікія тэрыторыі аказаліся поўнасю спустошанымі. У сувязі з гэтым месцічы Чачэрскай воласці звярнуліся да вялікага князя з просьбай зменшыць падаткі. Калі раней яны плацілі падаткі «шырокай лічбай» па 14 пенязяў у грош (пражскімі грошамі. — А. К.), то пасля нападаў

маскоўцаў не мелі дастатковай колькасці сродкаў для аплаты і папрасілі плаціць «вузкай лічбай» па 10 пенязяў у грош (манетай ВКЛ. — А. К.), на што вялікі князь даў дазвол [8, с. 99]. Цікава, што ўсе вядомыя на дадзены момант дакументы, у якіх згадваецца «вузкая лічба» ў адносінах да манеты ВКЛ, тэрытарыяльна адносяцца да Магілёўшчыны і да туюцца 1536 г. [8, с. 92—94, 99, 173—175].

Часам у крыніцах згадваюцца прыклады нетыповага ўжывання паняцця «лічба». Так, 20 студзеня 1495 г. кіеўскі ключнік С. Палазовіч купіў селішча Бугаеў за «двесте коп широких грошей чешское монеты, а полское личбы, личачи по шестидесят грошей в копу» [45, с. 61]. У некаторых дакументах таксама аб'ядноўваецца чэшская манета і «польская лічба» [18, с. 207; 24, с. 37]. Аб'яднанне гэтых назваў-характарыстык выглядае абсалютна нелагічным і здаецца немагчымым. Выкажам сваё меркаванне на гэты конт. Справа ў тым, што ўсе кнігі архіва Вялікакняжацкай канцылярыі (Літоўскай метрыкі) былі перапісаны ў канцы XVI ст. і да нас дайшлі менавіта ў выглядзе перапісаных копіяў. Арыгіналы кніг не захаваліся «дзякуючы» ваенным падзеям XVII ст. На нашу думку, перапісчык «выправіў памылку» ў першапачатковым слове «плоскі», мяняючы месцамі літары ў слове. Атрымалася для яго больш ужывальнае і рэальнае на той момант слова «полскі» (польскі), бо тэрмін «плоскі» ў дачыненні да пражскага гроша быў малаўжывальны, ужо згубіў свой сэнс і выйшаў з абарачэння. Такім чынам, у вышэйпрыведзеных справах правільна было б напісаць: «шырокі грош чэшскай манеты і плоскай лічбы».

Вядомы выпадак памылкаў у дачыненні да паняцця «лічба». 11 чэрвеня 1509 г. датуецца акт продажу Станкам і Палоніяй Ганусовічамі зямельных надзелаў нейкаму Урбану, намесніку князя Мікалая Радзівіла, у маёнтку Ганусоўшчына Ашмянскага павета, за «50 коп грошай шырокай літоўскай лічбы па 14 пенязяў у грош» [46, арк. 1]. У гэтым дакуменце яўная памылка, бо ніколі літоўскі грош не быў роўны 14 пенязям. Такой суме раўняўся пражскі грош [27, с. 60], таму пісар дапусціў памылку, дапісаўшы непатрэбнае слова «літоўскі».

У чацвёртай кнізе судовых спраў Літоўскай метрыкі змешчаны вельмі цікавы дакумент, які датуецца 20 снежня 1525 г. Ён дазваляе трошкі інакш паглядзець на сутнасць паняцця «лічба» ў грашовай тэрміналогіі першай паловы XVI ст. У дакуменце паведамляецца, што вялікі князь літоўскі Жыгімонт аддаў у арэнду на два гады менскае мыта берасцейскаму мытніку М. Езафовічу і яго паплечніку, троцкаму габрэю А. На-

хімовічу. Сума арэнды складала дзевяцьсот коп грошай і была падзелена на дзве часткі: за першы і другі год арандатарам трэба было заплаціць па «паўпятаста коп грошай гагавізнаю» (па 450 коп уласна манетай. — *А. К.*). Далей у дакуменце чытаем: «...а калі б перамір’е паміж нами (ВКЛ. — *А. К.*) і вялікім князем маскоўскім парушылася, то ён (Езафовіч. — *А. К.*) павінен нам плаціць паводле той лічбы, якая да нас прыйдзе, якая затрымаецца» [4, с. 189, 190]. Гэты дакумент прадугледжваў тую сітуацыю, што калі Менск быў бы захоплены і апынуўся ў складзе Масковіі, то арандатары ўсё роўна павінны былі выплочваць грошы ў сталіцу, але ўжо ў «маскоўскай лічбе».

У ходзе барацьбы з татарамі Масква ператварылася ў цэнтралізаваную дэспатычную дзяржаву і накапіла вялікі ваенны патэнцыял. У канцы XV ст. вялікі князь маскоўскі Іван III упершыню абвясціў сябе нашчадкам Кіева, скіраваў позірк на Захад і заявіў прэтэнзіі на землі ВКЛ [47, с. 68]. Адносіны паміж Маскоўскім княствам і ВКЛ у канцы XV — першай палове XVI ст. былі вельмі напружанымі — дзве краіны пастаянна знаходзіліся ў стане вайны. Мяжа паміж імі надоўга стала ўмоўным паняццем. Шэраг земляў некалькі разоў пераходзіў ад аднаго боку да другога. І ў такіх умовах насельніцтва ВКЛ (нават цэнтральных частак) рэальна выказвала занепакоенасць сваёй будучыняй. У гэтым і заключаецца сэнс вышэйзгаданага дакумента аб невядомай палітычнай і фінансавай будучыні краіны. Людзі не маглі загадваць наперад нават на такі кароткі прамежак часу, як два гады.

Падобная сістэма існавала на землях Ноўгарада і Масквы, дзе паралельна былі дзве розныя грашовыя адзінкі — наўгародская капейка і маскоўская дзенга з розніцай у курсе паміж імі. Наўгародская сістэма грашовага ліку XVI ст. прызначалася выключна для разлікаў у капейках-наўгародках, а не ў дзенгах-маскоўках [48, с. 136, 137].

Такім чынам, паняцце «лічба» ўжывалася на працягу другой паловы XV—XVI ст. Яно ўвабрала ў сябе шэраг утрыманняў і характарыстык. Пра сваю адметнасць на землях ВКЛ сведчыла «лічба», якая была заснавана на манеце ВКЛ. З-за вялікай колькасці іншаземных манет у адначасовым абарачэнні на тэрыторыі ВКЛ неабходна было выдзяляць тыя ці іншыя манеты. Таму і ўзнікла такое паняцце, як «лічба». Далейшае вывучэнне гэтага пытання і ўвядзенне ў абарот пісьмовых крыніц па дадзенай праблеме дапаможа ўдакладніць некаторыя аспекты ўжывання гэтага тэрміна і дазволіць больш дакладна прасачыць храналогію яго ўзнікнення і эвалюцыі.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Акты Литовской метрики / сост. Ф. И. Леонтович. Варшава : Тип. Варш. учеб. округа, 1897. Т. 1. Вып. 2 (1499—1507).
2. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага / падрыхт. В. С. Мянжынскі. Мінск : Беларус. навука, 2008. Кн. 30 (1480—1546).
3. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага / падрыхт. В. С. Мянжынскі. Мінск : Беларус. навука, 2003. Кн. 43 (1523—1560).
4. Lietuvos Metrika (1522—1530). 4-oji Teismų bylų knyga / parengė S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 1997.
5. Lietuvos Metrika / parengė K. Pietkiewicz. Vilnius : Žara, 2002. Knyga № 9 (1511—1518).
6. Lietuvos Metrika / parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius : Žara, 2001. Knyga № 12 (1522—1529).
7. Lietuvos Metrika / parengė D. Antanavičius, L. Karalius. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. Knyga № 14 (1524—1529).
8. Lietuvos Metrika / parengė D. Vilimas. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. Knyga № 19 (1535—1537).
9. Lietuvos Metrika / parengė A. Blanutsa, D. Vashchuk, D. Antanavičius, E. Deveikytė. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012. Knyga № 32 (1548—1549).
10. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). Ф. 1282. Воп. 1. Спр. 453.
11. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 4. Спр. 7.
12. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 4. Спр. 4.
13. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 1. Спр. 10215.
14. Lietuvos Metrika / parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. Knyga № 20 (1536—1539).
15. Lietuvos Metrika / parengė A. Baliulis, R. Ragauskienė, A. Ragauskas. Vilnius : Žara, 2000. Knyga № 51 (1566—1574).
16. Lietuvos Metrika. 19-oji Teismų bylų knyga / parengė I. Valikonytė, S. Viskantaitė-Saviščeviene, L. Steponavičienė. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. Knyga № 234 (1546—1548).
17. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 5. Спр. 43.
18. Lietuvos Metrika / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. Knyga № 8 (1499—1514).
19. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 5. Спр. 42.
20. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 1. Спр. 6386.
21. Lietuvos Metrika. 12-oji Teismų bylų knyga / parengė I. Valikonytė [и др.], Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. Knyga № 231 (1540—1543).
22. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 5. Спр. 117.
23. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 1. Спр. 10060.
24. Lietuvos Metrika / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. Knyga № 1 (1380—1584).
25. *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск : Польшья, 1995.
26. Lietuvos Metrika / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius. Vilnius : Žara, 2004. Knyga № 52 (1569—1570).
27. Lietuvos Metrika / parengė E. Banionis, A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. Knyga № 10 (1440—1523).

28. *Карач А. У.* Грашовае абарачэнне на землях Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV ст. — 1570-х гг. // *Вестн. ГрДУ імя Янкі Купалы.* Сер. 1. 2014. № 1. С. 36—40.
29. *Zagórski I.* Monety dawnej Polski. Warszawa, 1845.
30. Акты Литовской метрики / сост. Ф. И. Леонтович. Варшава : Тип. Варш. учеб. округа, 1896. Т. 1. Вып. 1 (1413—1498).
31. *Gutowski M.* Mennica wileńska w XVI i XVII w. Warszawa : E. Wende i S-ka, 1921.
32. Lietuvos Metrika. Viešųjų reikalų knyga 9 / parengė L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius : Žara, 2001. Knyga № 531 (1567—1569).
33. *Бектинеев Ш. И.* Денежное обращение на территории Беларуси в IX—XVI веках: нумизматические исследования. Минск : Беларус. навука, 2014.
34. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. : в 4 ч. / сост. А. Л. Хорошкевич. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1978. Ч. II.
35. Lietuvos Metrika / parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. Knyga № 25 (1387—1546).
36. Lietuvos Metrika / parengė A. Dubonis. Vilnius : Žara, 2002. Knyga № 15 (1528—1538).
37. *Piniński J.* Grosze czeskie w numizmatyce polskiej. Stan i perspektywy badań // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi.* Ser. numizmatyczna i konserwatorska. 1985. № 5. S. 97—104.
38. *Rjabcevic V. N.* Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu brzeskiego i grodzieńskiego Białoruskiej // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi.* Ser. numizmatyczna i konserwatorska. 1986. № 6. S. 211—239.
39. *Колобова И.* Клады в собрании Нумизматического кабинета Белорусского государственного университета // *Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i Ukrainie : Materiały z II Międzynarodowej konferencji numizmatycznej, Suprasl, 5—7.IX.1996 / Polskie T-wo Numizmatyczne, Zarząd Główny.* Warszawa, 1997. S. 125—126.
40. *Рябцевич В. Н.* К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. // *Нумизматика и сфрагистика.* 1965. № 2. С. 121—134.
41. *Гулецкі Д.* Гальшанскі скарб часоў Аляксандра, знойдзены ў 1976 г. // *Калекцыянер : зб. арт.* 2014. С. 122—131.
42. *Соболева Н. А.* Пражские гроши в музеях Украины // *Нумизматика и сфрагистика.* 1963. № 1. С. 128—138.
43. Скарбы Нумізматычнага кабінета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / уклад. : В. Сідаровіч, А. Плавінскі. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2014.
44. *Szelągowski A.* Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce. Lwów : Nakładem towarzystwa wydawniczego, 1902.
45. Lietuvos Metrika / parengė A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. Knyga № 5 (1427—1506).
46. ЛДГА. Ф. 1282. Воп. 5. Спр. 112.
47. *Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С.* Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс : ЕГУ, 2011.
48. *Синчук И. И.* Новгородский денежный счет XV—XVI вв. // *Девятая всерос. нумизмат. конф., Великий Новгород, 16—21 апр. 2001 г. : тез. докл. и сообщ.* СПб., 2001. С. 136—137.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2015 г.

ПОДГОТОВКА БССР К МАНЕВРАМ КРАСНОЙ АРМИИ В СЕНТЯБРЕ 1937 г.

Рассматривается подготовка БССР к учениям Белорусского военного округа в сентябре 1937 г. Отмечается, что она осуществлялась в напряженной морально-политической обстановке, обусловленной массовыми политическими репрессиями. Это проявилось в постоянном поиске «врагов народа», которые якобы срывали мероприятия партии и правительства. При этом в расчет не принимались последствия репрессивной политики ВКП(б) в отношении белорусского крестьянства, приведшей к окончательному обнищанию сельских жителей. Анализируется деятельность уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР в районах проведения учений.

The article deals with the preparation of the Belarussian SSR to the maneuvers of the Belarussian Military District in September 1937. It is noted that the preparation was carried out in the intense moral and political environment resulting from mass political repressions. This was manifested in a constant search for “enemies of the people” who allegedly disrupted actions of the party and the government. At the same time not taken into account the effects of the repressive policies of the party against the Belarussian peasantry that led to the final impoverishment of villagers. The activity of the authorized the Central Committee of the CP(b)B in the areas of maneuvers.

Ключевые слова: Белорусский военный округ; маневры; БССР; подготовка района учений; политико-массовая работа; обеспечение продовольствием; благоустройство населенных пунктов; уполномоченные ЦК КП(б)Б; НКВД; политические репрессии.

Keywords: Belarussian Military District; maneuvers; the Byelarussian SSR; district training maneuvers; politicians and mass work; food security; improving human settlements; authorized by the CP(b)B; NKVD; political repression.

В сентябре 1937 г. в БССР прошли крупнейшие в советской истории межвоенного периода маневры войск Белорусского военного округа (БВО). По некоторым данным, в них было задействовано «150 000 человек, более 1000 танков, 800 с лишним орудий, около 700 самолетов, около 7000 автомоторов, 50 с лишним тысяч лошадей» [1, с. 39]. Но как осуществлялась подготовка к таким масштабным учениям? И как на нее повлияли массовые политические репрессии? Об этом и пойдет речь в данной статье.

Лукашэвіч Андрэй Міхайлавіч — прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і найважнейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук. E-mail: lukashevand@mail.ru

Замысел маневров. Проведение «специальных опытных учений» в БВО в 1937 г. предусматривалось приказом наркома обороны СССР «Об итогах боевой подготовки за 1936 год и о задачах на 1937 год» [2, с. 445—455]. Этот документ был выработан в ходе заседаний Военного совета в октябре 1936 г. Точное время проведения маневров должен был определить начальник Генерального штаба РККА.

Первоначально подготовкой к учениям руководили командующий войсками БВО командарм 1-го ранга И. П. Уборевич и штаб округа во главе с комдивом Б. И. Бобровым. Однако фальсификация партийным руководством СССР дела о так называемом «военно-фашистском заговоре в РККА» привела к массовым репрессиям среди военных. В мае — июне 1937 г. были арестованы, а затем расстреляны И. П. Уборевич и Б. И. Бобров [9; 10].

Решение о дате проведения маневров было принято лишь в середине июля 1937 г., поэтому основная подготовка к ним легла на плечи нового командующего войсками округа командарма 1-го ранга И. П. Белова и начальника штаба комдива А. М. Перемытова. План учений, по директивам Генштаба, разработал начальник 1-го (оперативного) отдела штаба округа *Л. М. Сандалов*, выпускник Академии Генерального штаба [7, с. 22, 23].

По замыслу разработчиков (*Л. М. Сандалова*, *А. М. Перемытова*) во время учений планировалось отработать оборонительные и наступательные действия войск с форсированием крупных водных преград, проверить взаимодействие механизированных, кавалерийских, стрелковых частей, а также авиации и десантных подразделений.

Для проведения маневров было выбрано междуречье Березины и Днепра в окрестностях Жлобина и Рогачева. Оно включало несколько районов БССР (по административно-территориальному делению на 1937 г.) [5, л. 1—45]. Подготовка этого региона к войсковым учениям была возложена на партийное и советское руководство БССР, и проходила она в условиях массовых политических репрессий.

Организация подготовки. Практическая подготовка к маневрам началась в августе 1937 г. Директивой ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 22 августа 1937 г. определялось, что маневры частей БВО имеют «огромное политическое значение» [5, л. 26].

Согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 27 августа 1937 г. всем руководителям партийных, советских и других органов предписывалось «положить в основу партийно-политической и массовой работы среди ра-

бочих, колхозников и всех трудящихся выполнение задач, вытекающих из указаний товарища Сталина о капиталистическом окружении, разъясняя массам и бороться за успешное выполнение решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2-го августа 1937 года» [5, л. 26, 27].

30 августа в ЦК КП(б)Б состоялось совещание [4, л. 1—77], на котором рассматривалась ситуация в районах маневров. По его итогам ЦК КП(б)Б и СНК БССР решили командировать в наиболее проблемные регионы своих специальных уполномоченных. В частности, в Буда-Кошелевский район назначался *Перочинский* [5, л. 1—4], Пропойский — *Бражинский* [5, л. 6—9], Чечерский — *Качуров* [5, л. 10—16 об.], Паричский — *Матусевич* [5, л. 17—17 об., 37—37 об.], Жлобинский — инструктор сельхозотдела ЦК КП(б)Б *Лахман* [5, л. 20—23, 26—35, 44, 45], в Уваровичский — *Семенов* [5, л. 24, 25]. Все они получили широкие полномочия, в том числе по выявлению «враждебных элементов».

В задачи уполномоченных входили: контроль за полит- и культмассовой работой, за благоустройством населенных пунктов и обеспечением районов продовольствием, а также «разоблачение классово чуждых элементов». В «подшефные» районы уполномоченные прибыли 3 сентября [5, л. 24]. Обо всех своих действиях и о подготовке в районах к предстоящим учениям они регулярно докладывали третьему секретарю ЦК КП(б)Б *В. Д. Потапейко* [5, л. 1—17 об.] и исполняющему обязанности второго секретаря ЦК КП(б)Б *А. М. Левицкому* [5, л. 20—45], которые осуществляли общее руководство. Это были новые руководители компартии. И если *В. Д. Потапейко*, избранный секретарем ЦК КП(б)Б 20 июня 1937 г., был представителем местных партийных кадров (в 1935—1937 гг. возглавлял Житковичский райком партии), то 33-летний *А. М. Левицкий* являлся выдвинутым «центра» и был прислан 11 августа из Москвы для борьбы с «национал-фашизмом» в БССР. И оба они, сменяя друг друга, являлись членами «тройки» НКВД по БССР, выносившей смертные приговоры тысячам граждан республики.

Политико-массовые мероприятия. Развертывание политмассовой работы в большинстве районов началось в первых числах сентября [5, л. 17]. Ранее в колхозах и сельсоветах на предстоящие маневры практически не обращали внимания, поскольку решение ЦК КП(б)Б от 27 августа 1937 г. в районах было получено с большим опозданием (в Жлобине — только 8 сентября) [5, л. 29].

В ходе предварительной проверки уполномоченными было установлено, что многие крестьяне не знали «не только политических меро-

приятий вокруг маневров, но даже по целому ряду о выборах в Верховный Совет СССР (колхозы «Ворошилова» и «Ленинец», Гайшинский сельсовет Пропойского района). Причину такого явления уполномоченный Бражинский видел в полнейшей бездеятельности парторгов, которые в этих колхозах «носили только звания, а никакой работы не проводили» [5, л. 6]. И это неудивительно, поскольку крестьян больше волновали вопросы наделения их приусадебными участками, а здесь были «многочисленные искажения» [5, л. 6]. Поэтому среди колхозников и единоличников были проведены беседы и собрания (Чечерский район) [5, л. 15], а 14 сентября — повторный политдень «по проработке решения партии и правительства о помощи белорусскому крестьянству» и ликвидации последствий вредительства. На собраниях также сообщалось, сколько и какого леса передано колхозам.

На популяризацию решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 августа 1937 г. (в районах было напечатано по 500 экземпляров для вывешивания на хатах [5, л. 14, 16]), «поднятие революционной бдительности трудящихся» и очистку «от враждебных контрреволюционных элементов» были направлены заседания в Жлобинском районе [5, л. 29]. А в Паричском районе организовали работу по разъяснению Положения о выборах в Верховный Совет, так как в колхозах не знали «о выборе тов. Сталина» и об отмене хлебозакупок [5, л. 17 об.].

Прибытие уполномоченных из Минска совпало с периодом массовых сельскохозяйственных работ: уборки урожая и сева озимых. Лучше всего обстояли дела в Пропойском районе, где к 10 сентября было сдано государству 99,8 % зерна от плана и приняты меры к окончанию сева [5, л. 6]. В то же время большинство районов отставали от выполнения плана озимого сева. Так, в Пропойском районе к 5 сентября было посеяно 53,4 % [5, л. 13]. «В глубоком прорыве по осеннему севу, по хлебопоставкам» находился и Уваровичский район. Это объяснялось тем, что еще не всем колхозникам нарезали усадебные участки, а поэтому не было «прилива единоличников в колхозы» [5, л. 24 об. — 25].

Хуже всего дело с севом озимых обстояло в Жлобинском районе: к 1 сентября план был выполнен на 15 %, а к 5 сентября — на 59 % [5, л. 21]. Поэтому уполномоченный Лахман 3 сентября на совещании председателей колхозов и сельсоветов заметил, что «настроение у большинства присутствующих было вредное, антигосударственное». «Многие выступали и пытались объяснить кулацко-враждебное сопротивление севу якобы отсутствием тракторов, плохой погодой, недостаточностью тягла и дру-

гими причинами», — сообщал он в Минск [5, л. 20]. При этом повсеместно наблюдались «расхлябанность, пьянство, недисциплинированность и потворство враждебным элементам» со стороны руководства колхозов и района [5, л. 21].

На этом же заседании был «разоблачен» председатель колхоза «Дружба» (Радушский сельсовет) *Яков Дятлов*, «бывший кулак, сознательно саботировавший озимый сев». По словам Лахмана, «этот кулацкий проходимец расхищал колхозное добро и терроризировал колхозников», за что был снят с должности и предан суду. В систематическом расхищении «колхозного добра» был обвинен и председатель колхоза «VII Съезд Советов» (Казимировский сельсовет) *Сергеев*. Чтобы сорвать сев, он «привез из Бобруйска несколько бутылок денатурата и споил колхозников». В результате в течение двух суток «никто не выходил на работу». В итоге «этот вредитель также отстранен от работы и предан суду». Однако и его преемник в должности, *Равич*, оказался не лучше: он оставил колхоз без семян. На собрании колхозников Лахман разоблачил «вражеские подрывные действия Равича», после чего в течение двух дней колхозники на основе соцсоревнования решили «дружно закончить сев» [5, л. 20]. Не удовлетворила Лахмана и работа председателя колхоза «Коминтер» (Четвернянский сельсовет) *Устина Демиденко*, который призывал колхозников «с севом озимых не торопиться». Когда ему запретили устраивать в колхозе выходной для поездки в Минск, Демиденко ответил: «Я не арестант, куда захочу, туда и поеду». Он же продал единоличникам 30 га сенокоса за 4000 р. Поэтому на собрании колхозников Лахман «разоблачил» председателя, который «За кулацкий саботаж сева, спекуляцию колхозной землей и антисоветскую агитацию» был отстранен от работы и предан суду. Для оказания помощи в завершении озимого сева из соседнего колхоза имени Куйбышева в «Коминтер» выслали «буксирную бригаду из пяти человек лучших стахановцев и ударников» [5, л. 20, 21]. В целом, как отмечал Лахман, в Жлобинском районе «работа по разоблачению враждебно-кулацкого сопротивления севу» в парторганизациях почти не проводилась. Партактив выезжал в колхозы и сельсоветы «в виде прогулок» и за свою работу перед райкомом партии не отчитывался. При этом коммунисты возвращались в райцентр когда хотели. Некоторые председатели колхозов уезжали из колхозов неизвестно куда и зачем, а «райком КП(б)Б самоустранился от этой важнейшей хозяйственно-политической работы». Поэтому «озимый сев был пущен, по сути дела, на самотек, а враги тем временем проводили свою

гнусную подрывную работу в колхозах». В итоге пришлось мобилизовать всю парторганизацию района для завершения сева к 8 сентября. Главным виновником провала в районе Лахман считал *С. К. Мирончика* — бывшего второго секретаря РК КП(б)Б, «разоблаченного днями органами НКВД как враг народа». Именно он «скрыл от парторганизации колхозов стражайшее указание секретаря ЦК КП(б)Б т. Волкова на радиоперекличке по вопросу сева» [5, л. 21].

13 сентября для «устранения имеющихся недостатков» было проведено заседание бюро Жлобинского РК КП(б)Б. Кроме постоянных уполномоченных по сельсоветам в каждый населенный пункт, где будут сосредоточены воинские части, назначались коммунисты «для проведения всей работы в связи с маневрами». Было решено также списать с колхозников долги и упорядочить учет их трудовней (со своевременной записью в трудовые книжки) [5, л. 14, 15].

Партийно-политической подготовкой к маневрам не занимались и на железнодорожной станции Жлобин. Политотдел ограничился проведением совещания коммунистов и командиров транспорта по вопросу увеличения грузопотока. Начальник политотдела *Бортников* объяснял это тем, что не было указаний от руководства Белорусской железной дороги. И только утром 8 сентября на совещании в Гомеле политотделы обязали проводить массовые политические мероприятия [5, л. 26].

В целом уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР сконцентрировались на проведении организационных мероприятий: заседаний бюро, президиумов и партийных собраний [5, л. 1]. После этого райкомы высылали своих уполномоченных по сельсоветам и колхозам (от 50 до 130 человек) для подготовки населения к встрече Красной армии. В наиболее «тяжелые», т. е. проблемные, сельсоветы направлялись партийные функционеры, командированные из ЦК КП(б)Б [5, л. 17 об.]. Так, в Кульшицкий сельсовет выехал *Карпусенко*, в Иванищевский и Ржавский — еще два коммуниста (все — Пропойский район) [5, л. 6], в Холлоцкий и Меркуловский сельсоветы (Чечерский район) — *Зуенчек* и *Александров* [5, л. 11], в Сеножатский и Казимировский (Жлобинский район) — *Шкор* и *Жуков* [5, л. 22].

«Значительно веселее жить»: благоустройство населенных пунктов. Для организации порядка в населенных пунктах во время учений назначались *коменданты* сельсоветов и поселений. Их задачи обсуждались на специальных совещаниях, которые состоялись 8 (Буда-Кошелевский и Пропойский районы [5, л. 8]) и 9 сентября (Чечерский район) [5, л. 11].

Для проведения политдня в райцентры для инструктажа вызывались председатели сельских Советов и партторги. В Чечерском районе состоялось совещание директоров школ по вопросу о работе среди детей во время маневров. Рекомендовалось не допускать, чтобы дети бегали по улицам, цеплялись за машины и т. д. Для этого планировалось задействовать учителей [5, л. 9]. Уполномоченный по Пропойскому району Бражинский вместе с секретарем райкома *С. И. Фельдманом* объехали некоторые школы и колхозы и провели инструктаж на месте [5, л. 8].

Для демонстрации *белорусской деревни в благопристойном виде* в населенных пунктах проводились косметические ремонты, которые сводились к очистке и ремонту домов колхозников. Наибольший энтузиазм наблюдался в Пропойском районе. Так, в Васьковском сельсовете было приведено в порядок 550 из 619 изб, в Ржавском — 600 из 720. В Рагинском, Черняковском, Иванищевском, Гайшинском, Кульшицком сельсоветах в порядок привели правления колхозов и даже избы-читальни и клубы, находившиеся до 1 сентября «в ужасном состоянии» [5, л. 7]. Но, как отмечал уполномоченный Бражинский, для окончания этих работ нужны финансовые средства, которые району не выделялись [5, л. 9].

В районных центрах в порядок приводились дома, магазины, заборы, мостовые, электроосвещение [5, л. 1]. Так, в Пропойске все деревья были огорожены, улицы освобождены «от хлама, целого множества ненужных столбов, дороги в большинстве своем приведены в порядок» [5, л. 7]. Специально приглашенные из Минска художники составляли планы художественного оформления райцентров [5, л. 1, 7]. При этом особое значение придавалось украшению их транспарантами и лозунгами. Так, к 12 сентября в Пропойском районе все лозунги были развешаны. Правда, не обошлось без казуса: «в транспаранте было искажено имя и отчество товарища ЕЖОВА» [5, л. 7]. Вероятно, это было сделано неслучайно, поскольку имя руководителя НКВД в это время вызывало у многих ненависть.

В Чечерском районе к украшению населенных пунктов силами школьников приступили 4—5 сентября [5, л. 10]. При этом повсеместно наблюдалась нехватка «красной материи на флаги и лозунги» [5, л. 13]. Впрочем, прошедшие дожди с сильными ветрами сорвали лозунги, и повторное украшение было завершено к 18 сентября [5, л. 14, 15]. В целом колхозы Чечерского района закупали по 100—200 портретов «вождей партии и правительства». И это в то время, когда на селе повсеместно ощущалась нехватка основных продуктов питания и товаров шир-

потреба. Так, в д. Холочи, на шоссе Гомель — Рогачев, были установлены «два больших портрета тов. Сталина и тов. Ворошилова размером 4 × 35 м», в Меркуловичах сделана арка. На ней также установили два больших портрета. Подобные арки сооружались в каждом колхозе, а портреты вождей партии вывешивались «почти на каждой хате» [5, л. 16].

Значительное внимание местные власти уделяли *состоянию колодцев*, большинство которых до подготовки к маневрам пришло в негодность. Так, в Буда-Кошелевском районе к 5 сентября было отремонтировано и приведено в исправность 250 из 317 колодцев и построено 10 новых. Остальные колодцы отремонтировали несколько позже [5, л. 1]. В Пропойском районе по шести сельсоветам отремонтировали и углубили 441 из 444 колодцев [5, л. 7, 8], в Чечерском — выкопали семь новых колодцев и взяли 56 проб воды для анализов [5, л. 12]. А в д. Щедрино (Паричский район) все колодцы заранее были очищены, обгорожены и к ним приделаны крышки [5, л. 17].

Усилия белорусских властей не остались незамеченными. Как отмечал корреспондент газеты «Правда» П. Павленко, «деревни, села и города весело принарядились» для встречи войск и наркома. «Серые избы засияли голубой и желтой краской, — отмечал журналист. — Чисто выбеленные известью изгороди сразу придали деревням очень франтовый вид, вокруг деревьев на улицах выросли штакетные загородочки. Колодцы получили новые журавли и срубы, закрывающиеся крышкой. У колодцев стала охрана» [6]. Особо впечатлило московского гостя состояние Жлобина. «Небольшой городок Ж. (Жлобин. — А. Л.) благодаря... мерам гигиены и порядка стал похож на курортный, — отмечал П. Павленко. — Густая зелень его садов, коряво огороженных старыми жердями, как бы раскрылась за чистым штакетником. На улицах, посыпанных желтым песком, стало веселее гулять. Некоторые, увидевшие городок в новом виде, уже красят яркой краской и сараи за домами, и службы, потому что оказалось — так как-то *значительно веселее жить*» [6].

Обеспечение районов товарами и продовольствием. Одним из недостатков в подготовке районов к маневрам была плохая работа потребительской кооперации. Неудивительно, что она вызывала «справедливые нарекания со стороны колхозников». Как сообщал уполномоченный Перочинский, в Буда-Кошелевском районе отсутствовали такие важнейшие товары, как мел для побелки квартир, обои, блокноты, карандаши, питьевая сода, керосин. При нехватке этих товаров отдельные сельпо и их приказчики «издевательски» относились к колхозникам. Так, в кол-

хозе Энгельса (Губичевский сельсовет) крестьяне жаловались на плохую работу приказчика *Ляхова*. При проверке оказалось, что Ляхов — бывший колхозник, исключенный «за ведение разлагательной работы». Он устроился в центральную лавку сельпо и «издевается над колхозниками, не отпуская им товаров». Справедливые нарекания были и в отношении сельмага того же сельпо. Поэтому колхозники практически не могли приобрести в нем товары [5, л. 2].

Плохо обстояло дело с завозом промтоваров в сельскую кооперацию в Жлобинском районе. «Мануфактура и обувь завозится почему-то по плану только в раймаг (Жлобин) и в два сельмага, а остальные 47 торговых точек на протяжении ряда лет не получают этих товаров, — констатировал уполномоченный Лахман [5, л. 23]. — В районе имеются папиросы только в цены 35 коп. и по 6 р. 50 коп. пачка. Других сортов нет. Чулки и носки совершенно отсутствуют. Сливочного масла, голландского сыра, колбасы и сельдей — нет». Поэтому Лахман просил срочного вмешательства в эти вопросы А. М. Левицкого [5, л. 23].

Только к 18 сентября имеющиеся на складах товары были завезены в сельмаги и ларьки Чечерского района [5, л. 16 об.]. В некоторых районах БССР предполагалось создание больших *армейских складов продовольствия*, при наполнении которых возникли проблемы. В частности, в *Меркуловичах* (Чечерский район) были подготовлены мясной (завезено 150 голов скота), овощной (на 10 сентября не хватало 1 т лука), дровяной и сенной склады [5, л. 12]. Там же открыли «чайную-закусочную» и книжный ларек [5, л. 16 об.]. Для улучшения качества пищи и культурного обслуживания красноармейцев было проведено совещание работников чечерской столовой [5, л. 10, 11].

Однако сроки завоза продуктов для красноармейцев срывались [5, л. 17]. Так, в *Жлобин* к 5 сентября завезли только 1671 из 2100 ц мяса. Не отгрузили запасов в *Дамановичи* (209 ц), *Наровлю* (54 ц), *Лельчицы* (202 ц). Сена заготовили только 1145 т, а недостающие 239 т ожидали из Западной области [5, л. 23]. И в этом вопросе Лахман просил содействия у А. М. Левицкого [5, л. 23].

В некоторых районах в связи с подготовкой к маневрам появились нежелательные для властей слухи. Так, в Майском и Папоротнянском сельсоветах Жлобинского района говорили, что «теперь якобы не маневры проводятся, а начинается война Советского Союза с Польшей». В связи с этим «отсталая часть населения в панике, запасается солью в большом количестве» [5, л. 30]. Так, за август 1936 г. в Жлобинском рай-

оне кооперацией было продано 106,5 т соли, а в августе 1937 г. — 185,5 т, в сентябре 1936 г. — 112,5 т, а за пять дней сентября 1937 г. — 60 т. В Красно-Бережском сельсовете один единоличник купил сразу два центнера соли; а единоличники Апанас Дегтяров и Григорий Байдалов из д. Черная-Вирня Бабовского сельсовета — по шесть пудов каждый [5, л. 23].

«Разоблачение классово чуждых элементов». Наряду с политмассовой работой наибольшее внимание уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР уделяли выявлению и «разоблачению классово чуждых элементов». В условиях, когда в стране развернулись массовые репрессии, людей зачисляли в список «врагов народа» по малейшему поводу. Причем обычные пороки советской действительности — халатность, воровство, некомпетентность должностных лиц, за которые полагалась административная или уголовная ответственность, трактовались уполномоченными как «политические преступления» («вредительство», «подрывная деятельность», «диверсии»), за которые назначалась смертная казнь. Так, в Пропойском районе к 12 сентября в колхозах и сельсоветах «по линии НКВД» было «изъято» около 150 человек «политически неблагонадежных лиц» [5, л. 9]. Все они были репрессированы.

Большинство злоупотреблений носило *хозяйственный характер*, за что были сняты многие председатели колхозов и сельсоветов и члены их правлений. Так, в колхозах «Завет Ильича» и «Сталинский призыв» (Кульшицкий сельсовет) отстранили от должностей 13 человек, в Иваницевицком — четыре, в Лапатицком — шесть. Среди «вражеских элементов» оказались: председатель колхоза «Коммунар» *Якушенко* («бывший офицер белой армии») и счетовод — «дочь попа», которая «развалила всю учетную работу». Кульшицкий сельсовет характеризовался уполномоченным Бражнским как состоящий в большинстве «из бывших бандитов, кулаков, репрессированных, осужденных» [5, л. 9]. Аресту также подвергся председатель колхоза «Ясный прамень» (Добровский сельсовет) Паричского района за «развал» хозяйства [5, л. 17 об.].

Серьезные проблемы в борьбе «с последствиями вредительства в колхозном строительстве» наблюдались в Уваровичском районе, поэтому аресту подвергся директор совхоза «Коммунар» *Куликов* — бывший секретарь Чаусского РК КП(б)Б, имевший родственников в Польше. Были также арестованы «польский шпион» *Кучинский* и работавший с ним заведующий райфо *Переход*. Последний дважды исключался из партии «за искажение линии», а впоследствии «вредительски» начислял налоги и проводил их массовые изъятия [5, л. 25].

Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Семенов обнаружил «орудующих врагов» и в колхозе «Пробуждение» (Сталинский сельсовет). Оказалось, что «за непродолжительное время продано 12 коней», а один конь «неизвестно кем заколот вилами». При этом на работу в колхозе из 67 женщин выходят всего 16—17. А для уборки льна и сена коммунист *Старовойтов* нанимал «одноособников» [5, л. 24 об.].

По мнению уполномоченного Семенова, все это было следствием действий бывшего секретаря райкома *С. Н. Фридмана* — «неразоружившегося троцкиста», исключенного из партии 19 августа 1937 г. Парторганизация же, «имея сигналы о его троцкистской деятельности, не вскрыла этого врага». Ничего не делалось в районе и «по очистке сельсоветов и колхозов от враждебных элементов», а партийная дисциплина была «слабая», и только сейчас «начали выкрывать прихвостней Фридмана, и то недостаточно решительно» [5, л. 25].

Иногда к числу «врагов народа» причисляли даже *обычных калек-попрошак или «сектантов»*. В основном это были инвалиды, которые перемещались из района в район в поисках милостыни. Так, в Науховском сельсовете Чечерского района сотрудники НКВД арестовали «какого-то полунемого», а в Ново-Зареченском сельсовете разыскивали «завезенного из Гомеля для контрреволюционной работы» инвалида «сектанта» (без обеих ног). Но ему удалось скрыться на территории другого района. Все это, по мнению уполномоченного Качурова, свидетельствовало о недостаточной работе среди населения [5, л. 12, 13].

А в д. Галкавка (Старобелицкий сельсовет) Уваровичского района «открыто орудовали сектанты», которыми якобы руководили «бывшие жандармы и белогвардейцы». При этом начальник районного НКВД заявил, что он знает об их деятельности, но пока не планирует ничего предпринимать, «т. к. там дело более серьезное» [5, л. 24 об.].

Очень часто арестам подвергались колхозники или единоличники, которые выказывали *недовольство политикой советской власти*. Все это трактовалось как «нездоровые явления», которые наблюдались во всех районах БССР. Например, во время собрания в д. Успашье (Стенский сельсовет) Паричского района, на котором сообщалось «о потоплении фашистами советского парохода», к докладу отнеслись с молчанием. Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Матусевич объяснял это тем, что в деревне «много высланных кулаков и других политически неблагонадежных элементов, имеющих связи с Польшей», и отсутствием разъяснительной работы [5, л. 17].

А в д. Малиновск (Щедринский сельсовет) уполномоченный обнаружил засилье «польского» населения. Матусевич констатировал, что «в каждом дворе имеют родственников, удравших в час оккупации в Польшу». Когда районное отделение НКВД частично «изъяло таких лиц», оставшиеся на свободе члены семей распространяли слухи «о невинности» задержанных и о том, что «скоро всех арестуют». Во время отправки арестованных из местечка Паричи возле здания НКВД собрались их жены и подняли шум и плач, поэтому Матусевич сделал замечание начальнику райотдела НКВД, и вскоре практика отправки арестантов днем была прекращена [5, л. 17—17 об.].

«Враги» действовали и в д. Красная Дубрава (Телешовский сельсовет) Уваровичского района, где было обрезано «три пролета провода, проведенного красноармейцами-связистами». И хотя дело передали в НКВД, однако оно продвигалось «медленно» [5, л. 24 об.].

«Масштабнее» всего «зачистка» была произведена в Жлобинском районе. Только за четыре дня сентября, по данным Лахмана, было «разоблачено и изъято органами НКВД 150 человек разной к.-р. (контрреволюционной. — А. Л.) фашистской падали». При этом «наиболее крупные террористические к.-р. национал-фашистские группы» вскрыты в Сеножатском, Казимировском сельсоветах и в Жлобине [5, л. 22].

Как сообщал 3 сентября 1937 г. секретарь Жлобинского РК КП(б)Б В. Е. Чернышев и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А. А. Волкову, в районе было обнаружено отравление двух колодцев. Так, в д. Мормоль больные дизентерией колхозники *Семен Иванович Говор* и его жена *Просковья Ивановна Пекурина* бросили в колодец чугуна, «в котором находились их мокроты». После ареста они сознались, что сделали это «с целью заражения колодца». А в д. Белица (Луковский сельсовет) вернувшийся из ссылки *Илья Ильин* вылил в колодец керосин. Он также был арестован «органами НКВД» [5, л. 18]. Жлобинский РК КП(б)Б направил в деревни Мормоль и Белица членов своего бюро «для проведения массовой работы и разоблачения их контрреволюционной деятельности». В целях «мобилизации колхозников и трудящихся на повышение бдительности» об отравлении колодцев было рассказано на совещаниях уполномоченных райкома и комендантов населенных пунктов. Были приняты меры по охране колодцев, выделению дежурных на время маневров. Райком КП(б)Б также просил ускорить «посылку выездной коллегии Верховсуда для организации судебного процесса над всей этой группой диверсантов в ближайшие дни до начала маневров» [5, л. 18].

Мнение В. Е. Чернышева об «исключительной засоренности» Жлобинского района «антисоветскими элементами» поддержал и уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР Лахман. Поэтому за август и восемь дней сентября 1937 г. сотрудниками НКВД было «разоблачено и изъято около 300 человек “врагов народа”» [5, л. 29].

Как отмечал уполномоченный, «наряду с подрывной деятельностью антисоветские элементы пытаются, а кое-где и проводят свою провокационную вражескую работу среди населения». Так, 5 сентября в Верхне-Албянском сельсовете сотрудники НКВД «при попытке к бегству» убили «главаря к.-р. террористической банды» *Купрея Лопатина* [5, л. 22].

В некоторых сельсоветах, где были произведены аресты, «враги» стали распускать слухи, что «НКВД сейчас арестовывает всех, кто был под судом или привлекался к ответственности за малейшие проступки в прошлом» [5, л. 29]. После этого «все ранее судимые перешли на нелегальное положение»: «дома не ночуют, прячутся по соседним домам, на чердаках и в амбарах». Вместе с ними скрывались 14 человек «антисоветских элементов», которых следовало «изъять» [5, л. 29].

Все эти факты, по мнению Лахмана, свидетельствовали о «неудовлетворительном состоянии партийно-политической работы среди трудящихся района и недостаточной еще разоблачительной работе, проводимой парторганизацией на местах» [5, л. 30].

Еще большие «разоблачения» были проведены на *железнодорожной станции Жлобин*. По данным Лахмана, за несколько дней органами НКВД на железнодорожном транспорте было выявлено «29 шпииков, диверсантов и троцкистов». А в депо станции «притаился и вел свою гнусную фашистскую работу... резидент польской разведки — *Граховский*». По словам Лахмана, «этот бандит в 1920 г. занимался шпионажем, а в последующие годы проводил вредительскую работу на транспорте и вербовал антисоветски настроенных лиц польской национальности в шпионско-диверсионную повстанческую фашистскую организацию» [5, л. 22]. Обвинения выдвигались и против начальника отделения тяги станции *Христовича*, ранее исключенного из партии. По мнению Лахмана, он «окружил себя враждебными антисоветскими элементами» и его «необходимо убрать из транспорта» [5, л. 22].

Многочисленные случаи «вредительства» были выявлены и на других станциях железной дороги. В целом же путевое хозяйство от Жлобина до Гомеля, Могилева и Осиповичей находилось «в угрожающем состоянии» [5, л. 27, 28]. Лахман пришел к выводу, что очень слабую

работу проводит начальник политотдела Жлобинского отделения железной дороги Бортников. Уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР просил А. М. Левицкого «командировать одного человека из центрального партактива на ст. Жлобин для помощи в работе политотдела» и воздействовать «на руководство Белорусской дороги» [5, л. 28].

В подтверждение опасений Лахмана 13 сентября в 5 ч 30 мин на станции Жлобин произошло чрезвычайное происшествие — крушение воинского эшелона. В результате пострадало 40 человек, из них 30 получили легкие ушибы, восемь — легко ранены, у двоих были травмы средней тяжести, не опасные для жизни. Причиной аварии послужил «человеческий фактор» — халатные действия молодого железнодорожника, который перевел стрелку не на тот путь. Однако данному происшествию придали политическую окраску. Сотрудники НКВД арестовали десять человек [5, л. 32]. В результате выяснилось, что «на станции Жлобин с осени 1936 г. орудовала террористическая диверсионно-троцкистская к.-р. группа, которая и совершила этот фашистский акт». В ее состав вошли: *майор Ефимов*, бывший военный комендант станции — «белогвардеец» и «польский шпик»; составитель поездов *Иван Минович Парашенко*, который якобы «подготовил крушение воинского эшелона с целью убить красноармейцев»; младший стрелочник *Павел Орехов*, названный «злостным аварийщиком». Последний якобы сознался, что ему «было предложено нач. станции *Тимариным* перевести стрелку на 15-й путь (занятый) с целью аварии воинского эшелона» [5, л. 32—32 об.].

К участию в «диверсионном акте» сотрудники НКВД также приобщили бывшего парторга станции Жлобин *Гусева*, приговоренного в мае 1937 г. к пяти годам за «к.-р. троцкистскую агитацию и подрывную работу на транспорте». В целом Лахман считал, что «Жлобинский узел и поныне еще засорен темными, социально опасными и др. вражескими элементами» и на нем необходимо навести «порядок» [5, л. 32 об.].

«Хлеба и зрелищ»: культмассовая работа во время учений. Тактические учения войск БВО начались 21 сентября 1937 г. и продолжались четыре дня. Они вызвали оживленный интерес со стороны населения республики. Как сообщал уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР по Жлобинскому району Лахман, «во всех населенных пунктах колхозники и трудящиеся единоличники исключительно тепло и радостно, с небывалым подъемом, по-праздничному одетые, с красными флагами, с гармониями, приветственными лозунгами, пением и танцами встречают воинские части». «Особенно дружно» встречали и провожали крас-

ноармейцев в Стрешинском, Радушском, Малевичском, Затонском сельсоветах [5, л. 33]. Прибытие воинских частей превращалось «в грандиозный праздник трудящихся не только данной местности, но и окружающих колхозов». Во всех селах, где останавливались военные, они, по словам Лахмана, «разворачивали культурно-массовую политическую работу». В колхозах командно-политический состав Красной армии проводил собрания колхозников с участием красноармейцев. На них звучали доклады о международном и внутреннем положении СССР, проводились беседы, лекции, громкие читки газет, организовывались радио, звуковое кино, танцы и игры [5, л. 33]. Особой популярностью у белорусских крестьян пользовалось звуковое кино: красноармейцы только за два дня организовали 26 таких сеансов [5, л. 33].

Правда, не всегда красноармейцы несли в крестьянский быт радость. Случались и несчастья, в основном из-за неосторожного обращения с оружием или пьянства. Так, в полдень 21 сентября в д. Цупер (Майский сельсовет) от сигнальной ракеты, выпущенной в воздух, случайно загорелся дом одного колхозника. Огонь перебрался на другие постройки, и три из них сгорели. При активной помощи красноармейцев пожар был быстро ликвидирован, и обошлось без человеческих жертв. Пострадавшим колхозникам местные власти оказали помощь: отпустили страховку и продукты, завезли промтовары, выделили лес и стройматериалы. По распоряжению командования саперная часть незамедлительно приступила к строительству трех новых домов для пострадавших [5, л. 34]. А в ночь на 18 сентября, за три дня до начала маневров, в м. Стрешино (колхоз «1 Мая») произошло и вовсе вопиющее событие: нетрезвые колхозник *Рогов* и лейтенант *Гузов* шли по улице, и на них наскочила грузовая автомашина. В результате наезда Рогов погиб на месте, а Гузов получил перелом левой лопатки [5, л. 34].

Во время маневров были также зафиксированы случаи «враждебных контрреволюционных диверсионных вылазок» — отравлений колодцев. Так, 22 сентября в колхозе «16-летие РККА» (Пиревичский сельсовет) Жлобинского района *Настя Шербакова* «отравила колодец карболовкой». Эта женщина и ее «соучастники» были арестованы. А 23 сентября керосином кто-то отравил один из колодцев в Жлобине [5, л. 35]. Кроме того, в ночь на 23 сентября в колхозе «Вольная праца» (Радушский сельсовет) Жлобинского района возник пожар. В результате сгорело две постройки, хотя и обошлось без человеческих жертв. Пострадавшим была оказана помощь. К выяснению причин пожара приступили со-

трудники НКВД, которые подозревали поджог [5, л. 35]. В завершение маневров в районе Довска состоялся грандиозный парад, на котором присутствовали делегаты от многих населенных пунктов БССР [3].

Судьба организаторов. Судьба многих участников маневров после окончания была трагичной. Это касалось как военных [10; 11], так и гражданских лиц. Одной из первых жертв стал В. Д. Потапейко. Уже 25 октября 1937 г. на партийном пленуме он был освобожден от должности третьего секретаря ЦК КП(б)Б и выведен из состава бюро. Опального партработника назначили управляющим по делам искусств при СНК БССР. Проработал В. Д. Потапейко в этом качестве до 11 августа 1938 г., когда был арестован. 29 мая 1940 г. его приговорили к 15 годам лагерей. 14 декабря 1941 г. он умер в Саратовской тюрьме.

Что касается А. М. Левицкого, то после назначения в Минск П. К. Пономаренко, избранного первым секретарем ЦК КП(б)Б, тот постарался избавиться от «скомпрометировавшего» себя второго секретаря, причем теми же методами. На основании «показаний» арестованных В. Д. Потапейко, секретаря парткома Академии наук БССР Иванищенко и поэта А. И. Александровича А. М. Левицкий был обвинен в принадлежности к «банде» заговорщиков. Поэтому в письме от 17 июля 1938 г. секретарю ЦК ВКП(б)Б А. А. Андрееву П. К. Пономаренко предлагал его арестовать. «Считаю необходимым арест Левицкого и доставку после необходимой обработки его в Москве в распоряжение НКВД БССР», — говорилось в письме [8, с. 28—30]. Впрочем, в Москве посчитали иначе и А. М. Левицкого отправили на учебу в Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Впоследствии он занимал второстепенные партийные и хозяйственные должности, умер в 1964 г.

Что касается уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР, причастных к арестам сотен граждан республики, то судьба каждого из них может быть темой отдельного исследования.

Выводы. Маневры войск БВО в сентябре 1937 г. готовились в напряженной морально-политической обстановке, обусловленной массовыми политическими репрессиями. Это проявилось в постоянном поиске «врагов народа» — «шпионов, диверсантов, вредителей», которые якобы срывали мероприятия партии и правительства. При этом в расчет не принимались последствия репрессивной политики ВКП(б) в отношении крестьянства, приведшей к окончательному обнищанию сельских жителей. В районах остро ощущалась нехватка продуктов пита-

ния и товаров широкого потребления, что вызывало справедливое недовольство населения, поэтому ЦК КП(б)Б и СНК БССР постарались взять ситуацию под контроль в районах проведения учения за счет отправки специальных уполномоченных. Им были предоставлены широчайшие права, особенно в вопросах ликвидации «врагов народа», что привело к очередной волне репрессий. В ходе «зачистки» районов маневров было «изъято» (отстранено от должностей и арестовано) около тысячи человек. А уже через месяц после окончания учений начались аресты многих лиц, ответственных за подготовку БССР к этим масштабным маневрам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. : док. и материалы. М. : РОССПЭН, 2006.
2. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. : док. и материалы. М. : РОССПЭН, 2009.
3. *Король Б., Алексеев А.* Парад войск Белорусского военного округа // Красная звезда. 1937. 27 сент. С. 1.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12014 — Стенограмма совещания [при ЦК КП(б)Б] от 30 августа 1937 г. о политическом положении в районах в связи с подготовкой к маневрам частей БВО.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12112 — Информация о ходе подготовки к маневрам в Красной армии по районам Белоруссии. 1937.
6. *Павленко П.* Поле сражения // Правда. 1937. 25 сент. С. 1.
7. *Сандалов Л. М.* Пережитое. М. : Воениздат, 1961.
8. *Селеменев В., Шимолин В.* Партия и НКВД в 1938 году // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сб. науч. работ / сост.: И. Кузнецов, Я. Басин ; науч. ред. В. П. Андреев. Вып. 3. Минск, 2007. С. 28—44.
9. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М. : ТЕРРА, 1998.
10. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937—1941 : биограф. слов. М. : Кучково поле : Мегapolis, 2012.
11. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937—1941: комбриги и им равные. М. : Кучково поле : Икс-Хистори, 2014.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.

ПРАЕКТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТАРА МІКАЛАЯ ХАВАНСКАГА АБ РАЗБОРЫ І ЎЛАДКАВАННІ БЕЛАРУСКАЙ ШЛЯХТЫ

На падставе архіўных дакументаў разглядаецца дагэтуль невядомы ў гістарыяграфіі сюжэт падрыхтоўкі ў 1823 г. праекта аб разборы і прыцягненні на ваенную службу беларускай шляхты па замове расійскага імператара Аляксандра I. Праект быў падрыхтаваны генерал-губернатарам віцебскім, магілёўскім і смаленскім Мікалаем Хаванскім. Упершыню аналізуецца сам змест праекта, а таксама акалічнасці яго разгляду на вышэйшым узроўні, эвалюцыя поглядаў расійскіх саноўнікаў у канцы XVIII — першай чвэрці XIX ст. на праблему «разбору шляхты» і прыцягнення яе на ваенную службу. Адзначаецца месца і значэнне праекта ў выпрацоўцы палітыкі адносна дробнай шляхты і яго ўплыў на распрацоўку ўказа 19 кастрычніка 1831 г. аб разборы шляхты ў беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх губернях Расійскай імперыі.

In the article, based mostly on the archive sources, the unknown in historiography story about the development on the emperor's request in 1823 the project of segregation of the legal status of Belarusian gentry (drobnaja shlachta) and engaging of this group to the military service is analyzed. The project was consisted by the vitebsk, mohylev and smolensk governor-general Nikolay Novanskiy. It is analyzed not only the contest of the project, but also circumstances of its consideration at the highest level, the evolution of the dignitaries views concerning the gentry's segregation and engaging of this group to the military service during the late 18th — early 19th century. It is defined the place and the role of mentioned project on the development of Russian policy towards gentry and the impact of this project to the development of the decree of 19th October 1831, which concerned the gentry's segregation in Belarusian's, Lithuanian's and Ukrainian's provinces of Russian Empire.

Ключавыя словы: «разбор шляхты»; Хаванскі; беларуская шляхта; ваенная служба; расійская палітыка.

Keywords: gentry's segregation; Havanskiy; Belarusian gentry (shlachta); military service; Russian policy.

Пасля падзеяў Рэчы Паспалітай (РП) шляхта беларускіх, літоўскіх і ўкраінскіх тэрыторый фармальна была ўключана ў склад расійскага дваранства. Аднак яна заставалася вельмі адметнай часткай гэтага саслоўя. Асаблівасці сацыяльнай структуры былой шляхты РП, яе менталітэт,

Макарэвіч Віталь Сяргеевіч — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук. E-mail: witalij@tut.by

мова, традыцыі палітычнай і матэрыяльнай культуры, шматколькаснасць у беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх губернях Расійскай імперыі выразна адрознівалі яе ад уласнарасійскага дваранства. Ужо з моманту ўключэння беларускіх тэрыторый у склад імперыі ўлады імкнуліся скараціць колькасць шляхты праз правядзенне палітыкі «разбору» шляхты. Асабліва гэтыя тэндэнцыі ўзмацніліся ў другой палове 1790-х гг. [1]. Акрамя «разбору» шляхты і спроб абкладання дробнай шляхты падаткамі распрацоўваліся мерапрыемствы па яе перасяленні ў іншыя губерні і на дзяржаўныя землі, а таксама спосабы прыцягнення на вайсковую службу. У першыя дзесяцігоддзі рэалізацыі такой палітыкі яе вынікі былі даволі сціплыя. Тым не менш дзяржаўныя саноўнікі і сам Аляксандр I не пакідалі намеру паспяховага вырашэння пастаўленых задач. Адною з такіх спроб быў праект беларускага генерал-губернатара М. Хаванскага «Аб уладкаванні і ваеннай службе беларускай шляхты», складзены ім па заказе імператара ў 1823 г. Праект Хаванскага ніколі не разглядаўся ў гістарыяграфіі. Толькі глыбокія даследаванні, праведзеныя ў Расійскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Санкт-Пецярбургу, дазволілі выявіць адпаведныя дакументы сярод спраў фондаў Урадавага Сената і адкрыць невядомую старонку беларускай гісторыі, звязаную з палітыкай улад Расійскай імперыі ў адносінах да шляхты Беларусі.

Ідэя падрыхтоўкі комплекснага закона аб уладкаванні шляхты ўзнікла ў 1823 г. у сувязі з неўраджаем 1822 г. у Віцебскай і Магілёўскай губернях. Становішча ўсяго насельніцтва, у тым ліку і дробнай шляхты, вельмі пагоршылася. Мясцовыя ўлады вымушаны былі звярнуцца па дапамогу да цэнтральных. У красавіку 1823 г. пытанне аказання дапамогі насельніцтву разглядалася ў Камітэце міністраў імперыі [2, л. 606, 607]. Было вырашана аказаць дапамогу і мясцовай дробнай шляхце. Адначасова з прыняццем гэтага рашэння Камітэт даручыў новапрызначанаму (заступіў на пасаду ў 1823 г.) беларускаму генерал-губернатару М. Хаванскаму распрацаваць прапановы адносна магчымасці прыцягнення на службу шляхты, якая будзе да яе годнай. Камітэтам міністраў гэта аргументавалася наступным чынам: «...поступившие на службу получили бы способы существования, а остающимся в домах досталось бы назначаемое правительством пособие в большей мере». 14 красавіка 1823 г. імператар Аляксандр I зацвердзіў гэта заключэнне Камітэта міністраў [2, л. 373 адв. — 374, 556 адв. — 557]. У жніўні 1823 г. міністр унутраных спраў паведаміў беларускаму генерал-губернатару М. Хаванскаму, што для забеспячэння харчавання бяднейшай шляхты імператарам выдаткавана па 100 тысяч

рублёў для кожнай губерні, а ўжо ў кастрычніку 1823 г., падчас падарожжа Аляксандра I праз Віцебск, генерал-губернатарам Хаванскім была прадстаўлена імператару «всеподданнейшая» запіска. Змест запіскі ўтрымліваў прапановы адносна мерапрыемстваў па ўладкаванні дробнай шляхты «беларускіх губерняў» [2, л. 557].

Генерал-губернатар прапанаваў падзяліць шляхту беларускіх губерняў на тры класы. У першы, на яго думку, неабходна было ўключыць тыя сем'і, чые доказы на дваранства ўжо былі зацверджаны Герольдыяй або былі б зацверджаны ёй з цягам часу ў будучыні. У другі клас М. Хаванскі прапанаваў уключыць тую шляхту, якая пасля далучэння «*Беларускага краю*» да Расійскай імперыі, у адпаведнасці з імператарскім «*новелением*» ад 22 кастрычніка 1772 г. аб доказе дваранства шляхтай у правінцыйных земскіх судах, а пасля ў дваранскіх дэпутацкіх сходах, была гэтымі ўстановамі прызнана сапраўдным дваранствам. Да трэцяга класа генерал-губернатар прапанаваў залічыць тых шляхціцаў, якія не прадставілі свае доказы на дваранскае званне. Правамернасць прыналежнасці да дваранства такіх шляхціцаў, згодна з думкай генерал-губернатара, павінна была быць разгледжана Герольдыяй.

Далейшыя прапановы генерал-губернатара, пасля таго як шляхта была б падзелена на тры катэгорыі, тычыліся ўжо магчымасці прыцягнення яе на вайсковую і грамадзянскую службу. Паколькі «*по правам и правилам Белорусскому краю предоставленным*», як гэта тлумачылася ў запіскі Хаванскага, шляхта абавязана была выконваць дзяржаўную службу, генерал-губернатар прапанаваў наступнае: па-першае, шляхту, якая была зацверджана ў дваранстве Герольдыяй і здольна выконваць ваенную службу, абавязаць на яе паступаць. Прызнаных няздольнымі выконваць вайсковую службу абавязаць паступаць на грамадзянскую. Тых, хто на вайсковую або грамадзянскую службу не паступіць, па прыкладзе вялікарасійскіх губерняў, называць «*недорослями*». Па-другое, шляхціцы другога класа, здольныя да вайскавай службы, узростам ад 17 да 30 гадоў павінны былі ўжо ў абавязковым парадку прызывацца на такую службу. Прапанаваны Хаванскім тэрмін службы складаў не менш за шэсць гадоў. Тыя, хто за гэты тэрмін атрымалі чын обер-афіцэра, мелі б магчымасць выбару — служыць далей ці адмовіцца ад службы. Шляхту трэцяга класа ад 17 да 30 гадоў генерал-губернатар таксама прапанаваў абавязаць паступаць на службу, прычым тэрмін службы для шляхты гэтага класа ён прапанаваў павялічыць на два-тры гады ў тым выпадку, калі такія шляхціцы не атрымалі ад Герольдыі пацвярджэння дваран-

скага паходжання. Пасля атрымання обер-афіцэрскага чына шляхціцам гэтага класа таксама давалася б права адмовіцца ад далейшай службы. Найбольш бедным шляхціцам, на думку генерал-губернатара, можна было прапанаваць права аддаваць сваіх малалетніх дзяцей у ваенна-сіроцкія аддзяленні і ў будучым вызначыць той тэрмін, які б яны, пасля паступлення на вайсковую службу, павінны былі на ёй знаходзіцца. Палажэнні, якія прапанаваў на разгляд імператару М. Хаванскі, былі толькі агульнымі нормамаі. У далейшым іх прадугледжвалася распрацаваць больш дэталёва.

Пры падрыхтоўцы сваёй запіскі імператару М. Хаванскі меў магчымасць абпірацца на ранейшыя планы аб прыцягненні дробнай шляхты на вайсковую службу, якія распрацоўваліся і абмяркоўваліся ва ўрадавых колах імперыі ўжо ў канцы XVIII — пачатку XIX ст. Так, яшчэ падчас знаходжання на троне расійскай імператрыцы Кацярыны II па прапанове беларускага генерал-губернатара Захарыя Чарнышова быў распрацаваны праект, згодна з якім планавалася сфарміраваць «беларускія харугвы» з вольнанаёмных шляхціцаў. У 1784 г. Кацярына II даручыла князю Г. Пацёмкіну сфарміраваць імператарскую і шэсць шляхецкіх харугваў па 103 чал. кожная ў Магілёўскай і Полацкай губернях. Запіс у харугвы ўсклалі на земскія суды. Ён праходзіў вельмі марудна, таму праект так і застаўся нерэалізаваным [3, с. 39, 40]. Відавочна, умовы службы аказаліся не вельмі прыябнымі для шляхты. У канцы 1788 — 1791 г. зноў сур'ёзна абмяркоўваліся магчымасці арганізацыі як добраахвотнага, так і прымусовага прыцягнення дробнай шляхты на службу, але ад рэалізацыі ідэі зноў вымушаны былі адмовіцца. Беларускі генерал-губернатар Пётр Пасек тады адзначыў, што шляхта *«пожелает лучше в Польше по собственному согласию принять службу, нежели здесь против воли быть взятым»* [3, с. 40]. Магчыма, што з улікам гэтага фактару ў 1796 г. быў распрацаваны і зацверджаны Кацярынай II праект Платона Зубава аб перасяленні часткі чыншавай шляхты ў Екацярынаслаўскую і Херсонскую губерні і стварэнні там з яе вайсковых падраздзяленняў. Смерць імператрыцы перашкодзіла рэалізацыі праекта, а новы імператар Павел I цалкам ад яго адмовіўся. Да абмеркавання новага праекта, ужо Гаўрыіла Дзяржавіна, улады вярнуліся ў 1803 г., але і ён не быў рэалізаваны [4, с.15].

У 1797 г. смаленскім і пскоўскім ваенным губернатарам Мікалаем Філасафавым прадпрымаліся спробы сфарміраваць з «літоўскіх татар», па іх жа просьбе, легкаконны полк па прыкладзе палкоў, якія існавалі ў

часы РП. Аднак паколькі ахвотных татар таксама аказалася недастаткова для фарміравання асобных палкоў, у іх склад пачалі прымаць і чыншавую шляхту. У выніку былі сфарміраваны тры конныя палкі — Літоўскі, Татарскі і Польскі. Дробная шляхта магла паступаць на службу яшчэ ў два палкі, якія фарміраваліся на былых беларуска-ўкраінскіх землях РП з асоб, як было адзначана, «*в подушный оклад не положенных*». Месцам фарміравання аднаго з такіх палкоў быў Мінск [5, с. 47]. 27 ліпеня 1808 г. Неадменны савет зноў звярнуўся да пытання аб стварэнні вайсковых падраздзяленняў з чыншавай шляхты. Што важна, пытанне ў Неадменным савеце разглядалася ўжо комплексна, яно не тычылася толькі вайскавай службы дробнай шляхты, а закранала і пытанне аб «уладкаванні» ўсёй катэгорыі чыншавай шляхты — «*О переписи и устройстве чиншевой шляхты*». Савет разгледзеў усе прапановы па гэтым пытанні і вылучыў дзве асноўныя праблемы: «*устройство вообще состояния шляхты, под разными её именованями в разных губерниях жительствующей*» і «*способы к обращению сего рода в воинскую службу*». Свае меркаванні выказалі Савет, генерал М. Філосафаў, ваенны міністр А. Аракчэеў [5, с. 47; 6, стлб. 744, 754]. Неадменны савет выказаўся за фарміраванне палкоў з не запісанай у аклад чыншавай шляхты. Перад гэтым прапанавалася сабраць звесткі з месцаў, каб распрацаваць умовы яе прыёму ў войска. Збор звестак быў даручаны грамадзянскім губернатарам. Генерал Філосафаў настойваў на добраахвотна-прымусовым наборы — па адным чалавеку з кожных 20-ці пры кожным рэкруцкім наборы, але прымусова набіраць толькі пры адсутнасці добраахвотных жадаючых. Ваенны міністр А. Аракчэеў прапанаваў складаны праект з разборам шляхты на тры групы, перасяленнем часткі беззямельнай шляхты ў рускія губерні, аднак асноўным стымулам для яе вайскавай службы ён лічыў грашовае ўзнагароджанне [5, с. 47, 48].

Нягледзячы на падрыхтоўку праектаў, стварэнне канчатковага варыянта пастаянна адкладвалася. Верагодна, не апошняю ролю ў гэтым адыграла ўтварэнне Варшаўскага герцагства і нежаданне ў такіх складаных знешнепалітычных абставінах церушыць шляхту. Толькі калі Расія пачала падрыхтоўку да вайны з Францыяй, увагу зноў звярнулі на дробную шляхту. У лютым 1811 г. ваенны міністр М. Барклай дэ Толі прапанаваў Аляксандру І даклад «*О комплектовании вербуточных полков чиншевыми дворянами*» [5, с. 48, 49; 7, с. 76—79]. Для таго каб даць ім «*легчайшие способы обратиться к первобытному своему достоянию*», прапанавалася прыцягваць дробную шляхту на пяцігадовую добраахвотную

вайсковую службу, якая давала б шляхце асобныя правы і перавагі. Звернем увагу, што гэты план быў значна больш лагодным да шляхты. Планавалася фарміраванне толькі аднаго палка — 1065 чал. Нягледзячы на тое што план абмяркоўваўся на вышэйшым узроўні, ён так і застаўся на паперы, хутчэй за ўсё па фінансавых прычынах, паколькі «правы і перавагі» такой шляхты каштавалі б для ўрада вельмі дорага. Наступныя спробы арганізацыі як вайсковай службы дробнай шляхты, так і новых правіл арганізацыі прававога і сацыяльнага становішча гэтай сацыяльнай групы адносяцца ўжо толькі да 1823 г. — праекта беларускага генерал-губернатора Хаванскага.

Такім чынам, распрацоўка ў 1823 г. новага плана аб прыцягненні дробнай шляхты на ваенную службу была вяртаннем да ранейшых, не рэалізаваных урадам намераў. Нельга сказаць, карыстаўся ці не пры стварэнні свайго праекта М. Хаванскі ранейшымі распрацоўкамі па прыцягненні дробнай шляхты на службу, але некаторыя палажэнні, як, напрыклад, падзел шляхты на катэгорыі, ужо прапаноўваліся раней у праекце ваеннага міністра А. Аракчэева.

Праект Мікалая Хаванскага быў распрацаваны даволі аператыўна. Імёны яго непасрэдных стваральнікаў, акрамя Хаванскага, нам застаюцца невядомымі. Ужо вясной 1824 г. міністр унутраных спраў Васілій Ланской афіцыйна паведаміў генерал-губернатару Хаванскаму, што 7 сакавіка 1824 г. па рашэнні імператара запіска Хаванскага адносна праекта была перададзена ў Камітэт міністраў, які яе разгледзеў і адобрыў. Грунтуючыся на імператарскім адабрэнні і пазітыўным рашэнні Камітэта міністраў, Хаванскаму было прапанавана скласці больш дэтальны праект — спецыяльнае «Палажэнне» адносна вайсковай службы шляхты беларускіх губерняў.

Адначасова з прапановай скласці «Палажэнне» Камітэт міністраў выказаў і сваё меркаванне, якое ўносіла карэнныя змены ў першапачатковы план Хаванскага, выкладзены ў першай запісцы. Камітэт міністраў выказаў пажаданне, каб у будучым праекце знайшло сваё адлюстраванне палажэнне аб тым, што дробная шляхта абавязваецца служыць у адпаведнасці з чэргамі падчас рэкруцкіх набораў і выконваць павіннасць нароўні з сялянамі [2, л. 557 адв.]. Фактычна гэта ўскладала б на шляхту тыя абавязкі, якія былі ёй неўласцівы, рэкруцкая служба была прымусовай, а не добраахвотнай. Таму прыняцце прапановы Камітэта міністраў карэнным чынам мяняла б прававое становішча такой шляхты.

Прапанова Камітэта міністраў адносна складання праекта зноў паступіла па бюракратычнай лесвіцы на разгляд імператара і была зацверджана ім ужо толькі амаль праз год — 15 студзеня 1825 г. Імператар загадаў генерал-губернатару Хаванскаму скласці Палажэнне аб шляхце беларускіх губерняў ужо з улікам усіх прапаноў і накіраваць яго на далейшы разгляд Урадавага Сената. Сенат, у сваю чаргу, павінен быў зноў устаноўленым парадкам накіраваць «Палажэнне» на зацвярджэнне імператара. Звяртае на сябе ўвагу нязграбнасць і непаваротлівасць расійскага бюракратычнага апарату — на разгляд і зацвярджэнне прапаноў М. Хаванскага Камітэт міністраў, кожны раз звяртаючыся пра зацвярджэнне яго ў імператара, выдаткаваў амаль паўтара года!

Хаванскі распарадзіўся, як і пры распрацоўцы плана аб вайсковай службе чыншавай шляхты ў 1808 г., аб інфармацыі пра шляхту Віцебскай і Магілёўскай губерняў [2, л. 557 адв.]. У выніку было высветлена, што, паколькі неабходна ўстанавіць сямейныя чэргі для выканання рэкруцкіх набораў, трэба мець дакладныя звесткі аб колькасці дробнай шляхты. Калі ж мясцовыя ўлады і маршалкі пачалі ўзгадняць звесткі паводле даных рэвізіі 1815 г. і сабраных з паведаў у 1823 г. падчас раздачы грашовай дапамогі пацярпелай ад неўраджаю шляхце Віцебскай і Магілёўскай губерняў, было ўстаноўлена, што гэтыя звесткі абсалютна не супадаюць, і таму Хаванскі быў вымушаны канстатаваць, *«што ні губернскаія начальствы, ні маршалы дакладных звестак аб яе — шляхты — колькасці не маюць»* [2, л. 558, 559 адв.]. Гэты факт не даваў магчымасці скласці пасямейныя чэргі.

Хаванскі прапанаваў пачаць рэалізацыю свайго праекта з іншага мерапрыемства — правесці разбор шляхты беларускіх губерняў і прыпісаць тую шляхту, якая магла даказаць, што падчас пятай рэвізіі яна знаходзілася ў складзе чыншавай шляхты, у шляхецкія сказкі па месцы пражывання да моманту агульнага, у будучым, яе разбору. Пасля гэтага прапаноўвалася тых са шляхты, хто аказаўся б зацверджаным у дваранстве, абавязаць паступаць на вайсковую або грамадзянскую службу, а тых, хто да 30-гадовага ўзросту не паступіць на яе, лічыць прыналежнымі да катэгорыі *«недарасляў»*. Далей Хаванскі прапанаваў, спаслаўшыся на тое, што *«...многие из белорусских дворян, находясь в крайней бедности, не в состоянии дать приличного детям своим воспитания и приготовить их к государственной службе...»*, прымаць іх у ваенна-сіроцкія аддзяленні [2, л. 559 адв.]. Усю тую шляхту, якая б аказалася няздольнай прадаставіць доказы дваранскага паходжання або, калі яна

ўжо падала доказы, не была б яшчэ зацверджана ў дваранстве, прапаноўвалася перавесці ў падушны аклад і абкласці рэкруцкай павіннасцю нароўні з сялянамі. Ёй, аднак, пакідалася права даказваць прыналежнасць да дваранства.

Вынікам рэалізацыі намечаных мерапрыемстваў М. Хаванскі бачыў наступнае: «...*дворянское сословие белорусских губерний очистится от большого числа таких людей, кои, неправильно присваивая себе звание дворян и находясь у частных людей кучерами, лакеями и в подобных тому услугах, несовместными с дворянским достоинством должностями, унижают оное*» [2, л. 559 адв.]. Як бачым, ідэя аб падзеле шляхты на тры катэгорыі і аддзяленне тых, хто мае дакументальнае пацвярджэнне аб дваранскім паходжанні, ад тых, хто яго не мае, не з’яўляецца вынаходніцтвам Камітэта заходніх губерняў, які распрацаваў вядомы Указ ад 19 кастрычніка 1831 г. аб разборы шляхты. Яна была запазычана Камітэтам, што праўда, са значнымі зменамі, з праекта беларускага генерал-губернатора М. Хаванскага. З архіўных дакументаў вядома, што праект «Палажэння» Хаванскага і яго пазнейшыя перапрацоўкі меліся ў распараджэнні Камітэта заходніх губерняў падчас падрыхтоўкі Указа ад 19 кастрычніка 1831 г.

Для разбору шляхты ў праекце генерал-губернатора Хаванскага прапаноўвалася ўтварыць у Віцебску і Магілёве камісіі ў складзе прызначаных ад кароны чыноўнікаў разам з канцылярыямі. Іх утрыманне прадугледжвалася пакрываць за кошт земскіх павіннасцей. Гарадской і земскай паліцыі трэба было скласці і падаць у камісіі спісы ўсіх асоб, якія называюць сябе шляхтай. Сама шляхта абавязана была на працягу паўгадовага тэрміну прадаставіць доказы таго, што яна зацверджана ўстаноўленым парадкам у дваранскім званні. Такая ідэя — ускласці на саму шляхту абавязак даказваць сваё дваранскае паходжанне — ужо пазней (што праўда, таксама з пэўнымі папраўкамі) перакачавала адсюль і ў праект М. Мураўёва 1831 г., і ва Указ ад 19 кастрычніка 1831 г. Паводле «Палажэння...» Хаванскага тым, хто змог бы прадаставіць доказы аб дваранскім паходжанні, камісіі, утвораныя згодна з праектам, павінны былі выдаць адпаведныя дакументы аб тым, што яны «*суть действительные дворяне*». Тых, хто не змог бы прадаставіць доказы, казённым палатам прадпісвалася запісваць у падушны аклад. З тымі, хто не атрымае дваранскіх дакументаў і не паступіць у аклад, «*и передержателями их поступать как о бесписьменновидных людях и бродягах постановлено*». А гэта значыць, што іх можна было высяляць у аддаленыя губерні імперыі.

Падобнае палажэнне знаходзім таксама і ў праекце Мураўёва, і ва Указе ад 19 кастрычніка 1831 г.

Заставалася яшчэ некалькі пытанняў, вырашэнне якіх Хаванскі прапанаваў на разгляд камісіі: як быць са шляхтай, якая не мае доказаў на дваранства, акрамя доказу таго, што яна была запісана па пятай рэвізіі ў складзе чыншавай шляхты, як быць з тымі, хто быў прызнаны шляхтай былымі правінцыйнымі і павятовымі судамі, і таксама з тымі, хто быў прызнаны ў дваранстве дэпутацкімі сходамі без зацвярджэння гэтага Герольдыяй? Гэта былі адкрытыя пытанні. У такім выглядзе праект Хаванскага быў зноў накіраваны ў Сенат.

Разгляд праекта Хаванскага ў Сенате расцягнуўся на некалькі месяцаў, што, магчыма, было звязана са снежаньскім паўстаннем у Пецярбургу ў 1825 г. і прыходам да ўлады новага імператара — Мікалая I. Вядома, што 17 мая 1826 г. Сенат усё ж накіраваў рапарт разам з праектам Хаванскага і суправаджальнай запіскай міністру фінансаў Ягору Канкрыну, каб той, сумесна з Міністэрствам унутраных спраў, прадставіў у Сенат свае меркаванні адносна гэтага праекта [2, л. 560].

З боку Міністэрства ўнутраных спраў пытанне зноў абмежавалася толькі канстатацыяй таго факта, што праводзіць рэкруцкі набор са шляхты, не маючы дакладных звестак пра яе колькасць, немагчыма. Так, міністр унутраных спраў Васілій Ланской праз міністра фінансаў Ягора Канкрына, у чыё міністэрства на разгляд быў накіраваны праект Хаванскага, паведаміў у Сенат, што *«по неимению верного о количестве всей белорусской шляхты сведения, высочайшая воля в 15 день января 1824 г. последовавшая, о обращении шляхты сей в военную службу по очередям во время рекрутских наборов и о введении их в отправление сей повинности наравне с крестьянами, не может с точностью приведена быть в исполнение, а потому и нужно, по его мнению, сделать белорусской шляхте перепись и разбор»* [2, л. 560].

Міністр унутраных спраў выказаў меркаванне, што тая шляхта, якая не мае ніякіх доказаў на дваранства, не можа зараз быць прылічана ні ў якое іншае саслоўе, акрамя падушнага (якое плаціць падушны падатак. — В. М.). Міністр таксама пагадзіўся з неабходнасцю выдання закона аб кваліфікаванні шляхты, якая ўхіліцца ад запісу ў аклад, як бадзягаў і адпаведнага стасавання ў адносінах да яе закона аб валацугах. Адносна шляхты, зацверджанай толькі правінцыйнымі і павятовымі судамі, за выключэннем чыншавай, і ўзведзенай у дваранства толькі павятовымі судамі, міністр прапанаваў не пераводзіць яе ў падушны аклад да таго

часу, пакуль не будзе атрымана канчатковага рашэння па яе справах ад Герольдыі. Адначасова міністр прапанаваў ускласці абавязак ваеннай службы на гэту катэгорыю ў адпаведнасці з *«высочайшым повелением»* ад 15 студзеня 1824 г., нягледзячы на тое, што гэта катэгорыя насельніцтва фармальна і не знаходзілася ў падушным акладзе.

З моманту перадачы праекта міністру ўнутраных спраў, а пасля і міністру фінансаў Я. Канкрыну, які фактычна прапанаваў свой праект, пачалося «кружэнне» праекта Хаванскага па чыноўніцкіх кабінетах, і ў выніку рознага кшталту дапаўненняў і відазмяненняў праект цалкам згубіў свой пачатковы выгляд. Далей ён перастаў ужо нават называцца праектам Хаванскага і стаў проста праектам па ўладкаванні шляхты ў заходніх губернях. За прыняцце сваёй версіі будучага закона ішла барацьба паміж рознымі міністэрствамі і вышэйшымі саноўнікамі.

Праект Хаванскага ў першапачатковым выглядзе так ніколі рэалізаваны і не быў. Тым не менш многія ідэі гэтага праекта былі выкарыстаны пры падрыхтоўцы праекта разбору шляхты камісіяй, утворанай у 1829 г. для распрацоўкі «Палажэння аб шляхце» [2, л. 601, 602, 630, 631; 8], а пасля і ва Указе ад 19 кастрычніка 1831 г. аб разборы шляхты ў заходніх губернях імперыі [10].

Такім чынам, калі прасачыць эвалюцыю гэтага праекта, можна сцвярджаць, што ён пачаў распрацоўвацца як закон аб прыцягненні дробнай шляхты беларускіх губерняў у расійскую ваенную службу яшчэ ў 1823 г. беларускім генерал-губернатарам М. Хаванскім. Падчас абмеркавання ў Камітэце міністраў, міністэрствах, Сенаце ўзніклі фактычна два новыя праекты — адзін на аснове праекта Хаванскага, другі — праект міністра фінансаў Я. Канкрына, прычым праекты тычыліся ўжо не проста ваеннай службы дробнай шляхты, а разбору шляхты ўсіх заходніх губерняў Расійскай імперыі і яе прыцягнення на вайсковую службу. Пасля доўгіх абмеркаванняў і ўзгадненняў толькі ў 1829 г. была ўтворана спецыяльная камісія для выпрацоўкі канчатковага праекта. З-за адсутнасці дакладных звестак адносна колькасці шляхты і ладу яе жыцця, нязгоды сярод міністраў па асноўных палажэннях будучага ўказа, пастаяннай перапрацоўкі палажэнняў і іх новага зацвярджэння ў міністэрствах выпрацоўка канчатковага праекта закона адкладалася аж да 1831 г. У гэтым яскрава выяўляла сябе нязграбнасць і грувацкасць расійскага бюракратычнага апарату.

Асноўныя палажэнні праекта закона аб разборы шляхты былі канчаткова сфарміраваны толькі членамі Камітэта заходніх губерняў, што

было рэакцыяй на паўстанне 1830—1831 гг. Закон «*О разборе шляхты в западных губерниях империи и об устройстве сего рода людей*», які ўвабраў у сябе і некаторыя ідэі праекта М. Хаванскага, быў падпісаны імператарам Мікалаем I толькі 19 кастрычніка 1831 г. [9].

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Макарэвіч В.* «Цяжкі разбор» — фарміраванне і рэалізацыя палітыкі «разбору» шляхты ў беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх губернях Расійскай імперыі ў 1796—1811 гг. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2015. № 43. С. 83—102.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341, Д. 346. Ч. 2 — Дело о шляхте в губерниях, от Польши присоединенных.
3. *Анішчанка Я. К.* Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796). Мінск : Веды, 1998.
4. *Sikorska-Kulesza J.* Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku. Warszawa : Ajaks, 1995.
5. *Лукашэвіч А. М.* Чыншавая шляхта Беларусі ў ваенных планах Расійскай імперыі (канец XVIII ст. — 1812 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Мінск : БДУ, 2007. Вып. 2.
6. Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3, ч. 1.
7. Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. II. СПб., 1901.
8. О поручении ведомству внутренних дел Комиссии для составления правил о шляхте, находящейся в губерниях, от Польши присоединенных, 10 сентября 1829 г., № 3151 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е : в 55 т. СПб., 1830. Т. 4. С. 646.
9. О разборе шляхты в западных губерниях и об устройстве сего рода людей, 19 октября 1831 г., № 4869 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е : в 55 т. СПб., 1832. Т. 6. Отд. 2. С. 134—138.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19 чэрвеня 2015 г.

ДЗЕЙНАСЦЬ УПРАЎЛЕННЯ ПА СПРАВАХ ЗЕМСКАЙ ГАСПАДАРКІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў 1903—1911 гг.

Разглядаюцца асноўныя напрамкі дзейнасці Упраўлення па справах земскай гаспадаркі на тэрыторыі Мінскай губерні на працягу перыяду яго існавання ў 1903—1911 гг. На падставе шырокага масіву крыніц паказваюцца вядучыя аспекты рэалізацыі сацыяльна-эканамічных і культурных мерапрыемстваў, упершыню ў гістарыяграфіі ацэньваецца эфектыўнасць функцыянавання на беларускіх землях дадзеных мадыфікаваных земскіх органаў зыходзячы з іх рэальных дасягненняў.

The article examines main tendencies of local economy management institution in the territory of Minsk governorate during the period of their existence (1903—1911). On basis of a wide range of sources the author shows principal aspects of realization of socio-economic and cultural activity. Besides, in the history of historiography, this is the first attempt to estimate the efficiency of modified institutions of local authority and their functioning on the assumption of their real achievements.

Ключавыя словы: упраўленні па справах земскай гаспадаркі; Мінская губерня; земская рэформа ў Беларусі.

Keywords: local economy management institutions; Minsk governorate; zemstvo reform in Belarus.

Земская рэформа была рэалізавана ўрадавымі коламі Расійскай імперыі ў 1864 г., але яна не распаўсюджвалася на заходнія губерні краіны, у тым ліку і беларускія. Толькі ў 1903 г., ва ўмовах неабходнасці павышэння эфектыўнасці мясцовага кіравання, у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях (а таксама ў Валынскай, Кіеўскай і Падольскай у 1904 г.) былі ўведзены ўпраўленні па справах земскай гаспадаркі. Палажэнне ад 2 сакавіка 1903 г. стала своеасаблівым эксперымантам з боку ўлад, бо пазбаўленыя выбарнасці новаўтвораныя ўстановы тым не менш захавалі асноўныя функцыі земскіх устаноў іншых губерняў краіны.

Першыя спробы ацэнкі дзейнасці ўпраўленняў у трох беларускіх губернях рабіліся яшчэ ў час іх функцыянавання ў рамках перыядычных выданняў. З ліку сучасных беларускіх вучоных гэта пытанне ў сваіх пра-

цах закраналі В. П. Слабажанін [26], С. А. Талмачова [27] і А. А. Пада-
рожня [24], аднак увага ў іх засяроджана выключна на паўнамоцтвах
дадзенага інстытута мясцовага кіравання. У той жа час даследаванняў,
прысвечаных уласна дзейнасці ўстаноў, на дадзены момант не правед-
зена. Пры гэтым большасць існуючых ацэнак упраўленняў носіць не-
гатыўны характар, агулам адзначаецца іх нізкая эфектыўнасць і непрэс-
тыжнасць. Падобныя меркаванні нават выліліся ў своеасаблівыя назвы
разглядаемага нявыбарнага земства ў перыёдыцы і літаратуры: «марга-
рынавае» [1, с. 65], «спрошчанае» [17, с. 444], «чыноўніцкае» [14, с. 6],
«куртатае» [18, с. 262], «часовае» [24], «паўземства» [28, с. 2], «сухотнае»
і «нібы-земства».

Адной з галоўных сфер дзейнасці Упраўлення па справах земскай гас-
падаркі Мінскай губерні была ахова здароўя. У якасці першаснай зада-
чы на пачатковым і наступным этапах галосныя вызначылі пашырэнне
сеткі лячэбных устаноў, а таксама рамонт і абсталяванне ўжо існуючых.
Зыходзячы з гэтага асноўныя рашэнні 1903 г. выліліся ў выдаткаванне
грошай на пабудову бальніцы ў Астрашыцкім Гарадку, якая стала пятай
у межах Мінскага павета, Слуцку, Баранавічах Навагрудскага павета, а
таксама лячэбніцы ў Азарычах Рэчыцкага павета. Унесла ўпраўленне
свой уклад і ў пабудову Віленскай акружнай лячэбніцы для псіхічнахво-
рых, якая павінна была абслугоўваць усе пяць беларускіх губерняў. На-
ступным крокам з'явілася вылучэнне сродкаў на рамонт шэрагу бальніц:
Лошніцкай і Мсціслаўскай Барысаўскага павета, Ігуменскай і Бярэзін-
скай Ігуменскага павета, трох бальнічных устаноў Мінска [2, арк. 7—
108]. Было значна пашырана фінансаванне на ўтрыманне бактэрыяла-
гічных станцый для лячэння немаёмных, пакусаных шалёнымі жывё-
ламі. Арганізацыя і забеспячэнне фінансамі губернскага з'езда ўрачоў у
Мінску, правядзенне якога было вельмі прагрэсіўнай з'явай для свайго
часу, таксама леглі на плечы Упраўлення па справах земскай гаспадаркі
[2, арк. 72 адв. — 97 адв.].

Улічваючы дрэнную сітуацыю з лекамі на месцах, у 1904 г. галосныя
Мінскага губернскага камітэта вылучылі значныя сумы на набыццё ме-
дыкаментаў для кожнага павета. Разам з тым былі дадзены сродкі на
пабудову бальніцы ў Баранавічах Навагрудскага павета і новага будынка
для земскай бальніцы ў Пінску, а таксама на ўладкаванне бальніцы ў
Лельчыцах Мазырскага павета. Пры гэтым упраўленнем былі куплены
новыя будынкі для Уздзенскай бальніцы Ігуменскага павета і Рэчыцкай
бальніцы. Неабходнай мерай ва ўпраўленні палічылі таксама перанос

губернскай земскай бальніцы і ўладкаванне ў ёй псіхіятрычнага аддзялення і багадзельні [3, арк. 153 адв. — 159 адв.].

Сярод мер па паляпшэнні земскай медыцыны ў 1906 г. можна адзначыць пабудову бальніцы ў Бацэвічах Бабруйскага павета і новага бальнічнага памяшкання ў Лельчыцах Мазырскага павета. У дадатак Мінскім губернскім камітэтам былі вылучаны грошы на рамонт Бярэзінскай бальніцы Ігуменскага павета, абсталяванне Лоеўскай земскай бальніцы Рэчыцкага павета [24, с. 14—112].

У наступным 1907 г. упраўленне адкрыла лячэбніцу ў Філіповічах Слуцкага павета, выдаткавала грошы на пабудову Бягомльскай лячэбніцы; былі прыстасаваны дадатковыя будынкі пад земскую бальніцу ў Рэчыцы, набыты будынкі і ўчастак зямлі былой Пушкінскай лячэбніцы для размяшчэння там невылечна хворых, а таксама нанята дадатковае памяшканне для псіхіятрычнага аддзялення губернскай земскай бальніцы. Пры гэтым па каштарысе на 1908 г. вылучаліся сродкі на рамонт Уздзенскай, Ігуменскай, Навагрудскай, Бярэзінскай, Мінскай губернскіх бальніц і на заканчэнне рамонту будынкаў Скрыгалаўскай і Тураўскай бальніц Мазырскага павета [25, с. 17—151]. У гэты ж час у сваёй дзейнасці ўпраўленню прыйшлося сутыкнуцца з новай пагрозай для мясцовага насельніцтва — эпідэміямі. Мінскі губернскі камітэт своечасова адраагаваў на ўспышку эпідэміі халеры ў рэгіёне, на барацьбу з якой былі кінуты велізарныя сілы і сродкі [25, с. 152].

Перыяд 1908—1910 гг. у рабоце галосных адметны выдаткаваннем грошай на рамонт Віленскай акружнай лячэбніцы для псіхічнахворых і будынкаў Целяханскай земскай бальніцы Пінскага павета, а таксама на абсталяванне дадатковых ложкаў у Азарыцкай земскай бальніцы Рэчыцкага павета [5, арк. 25 адв.; 6, арк. 8; 7, арк. 8 адв. — 9 адв.]. Паралельна ўпраўленне ўключылася ў барацьбу з эпідэміямі сьпзнага тыфу і шкарлятыны, якія пачаліся ў некаторых паветах губерні з восені 1909 г. Тым не менш на старонках газет сучаснікі негатыўна ацэньвалі яго дзейнасць у гэтым напрамку [18, с. 262, 265].

У 1911 г. Губернскім камітэтам былі вылучаны сродкі на барацьбу з халерай, пабудову бальніцы ў Леніна Мазырскага павета, а таксама Віленскай акружнай лячэбніцы псіхічнахворых і Віленскай Пастэраўскай станцыі за лячэнне жыхароў Мінскай губерні [9, арк. 4; 10, арк. 44 адв.; 11, арк. 49 адв.]. Мінскі губернскі камітэт у чарговы раз прафінансаваў арганізацыю з'езда ўрачоў губерні, на якім абмяркоўваліся актуальныя пытанні сферы аховы здароўя. Трэба заўважыць, што ў іншых беларускіх

губернях такіх з'ездаў не праводзілася [20, с. 58]. Значнай падзеяй было і тое, што ў тым жа годзе ў Мінску адкрылася ўласная земская Пастэраўская станцыя, якая займалася лячэннем пакусаных шалёнымі жывёламі. Неабходнасць звяртацца за падобнымі паслугамі ва ўстановы іншых губерняў адгэтуль адпала [21, с. 88].

Другім важным напрамкам дзейнасці ўпраўлення была народная асвета. Яе патрэбы на пачатковым этапе былі вызначаны як вельмі шырокія, таму галосныя вырашылі не спыняцца на нейкім дакладным плане па прычыне значнасці той сумы, што патрабавалася. Губернскі камітэт у 1903 г. абмежаваўся выдаткаваннем на паляпшэнне школьнай справы сумы ў 15 794 р., а ў дадатак па 3500 р. на кожны павет. Тым не менш было пастаноўлена пабудаваць у Ракаве Мінскага павета і Нягневічах Навагрудскага павета ніжэйшыя рамесніцкія школы. Што датычыцца царкоўнапрыходскіх школ, то на іх утрыманне вылучылі суму ў памеры 78 300 р. [2, арк. 67 адв. — 78].

З нагоды нараджэння спадкаемцы прастола Аляксея Мікалаевіча ў 1904 г. Губернскі камітэт пастанавіў адкрыць і ўзяць на ўтрыманне ніжэйшую рамесніцкую школу ў Ракаве Мінскага павета з прысваеннем ёй назвы «Школа Цэсарэвіча Аляксея». Было вырашана адкрыць і даваць палову сродкаў на ўтрыманне мужчынскай чатырохкласнай прагімназіі ў Ігумене, а таксама пабудаваць школы ў Баранавічах і Любані. Узяло на сябе ўпраўленне і расходы па арганізацыі ў губерні народных чытанняў па паляпшэнні вядзення сельскай гаспадаркі [3, арк. 1 адв. — 179].

Асабліва востра стаяла пытанне аб царкоўнапрыходскай адукацыі, якое яскрава дэманстравала наяўнасць міжрэлігійных супярэчнасцей у рэгіёне. Па прычыне недастатковай колькасці школ у цэлым Мінскі губернскі камітэт у 1904 г. пайшоў на падпісанне пагаднення з Царкоўнапрыходскім упраўленнем. У адпаведнасці з ім на наступны год былі вылучаны сродкі для 7 двухкласных і 252 аднакласных царкоўнапрыходскіх школ. Пры гэтым на ўтрыманне браліся выключна свецкія настаўнікі [3, арк. 47 адв., 168 адв.].

Пытанне аб лёсе царкоўнапрыходскіх школ выклікала ажыўленае абмеркаванне на гадавым пасяджэнні Губернскага камітэта 1905 г. У мемарандуме Пінскага павятовага камітэта, прадстаўленым галосным А. А. Скірмунтам, заяўлялася, што гэтыя чыста рэлігійныя школы не павінны быць падтрыманы каталіцкім насельніцтвам і лепш выдаткаваць грошы на школы іншага тыпу. Галосны ад Слуцкага павета Э. А. Вайніловіч у падтрымку адзначаў, што земскія школы ў большай ступені за-

патрабаваны сярод насельніцтва і ўтрыманне іх значна таннейшае. У выніку аргументы з боку галосных каталіцкага веравызнання былі пачуты: фінансаванне царкоўнапрыходскіх школ было скарачана і склала 49 655 р. Грашовая падтрымка ж свецкіх школ на наступны год вылілася ў вылучэнне па 10 000 р. на кожны павет [29, с. 3].

У наступным 1906 г. Губернскім камітэтам было прынята рашэнне хадайнічаць перад Міністэрствам народнай асветы аб пераўтварэнні Мазырскай шасцікласнай прагімназіі ў васьмікласную гімназію, таксама выдаткоўваліся сродкі на ўтрыманне вучылішча для сляпых у Мінску. Паступова ўводзілася ў абарот практыка ўстанаўлення стыпендыяў для дзяцей з маламаёмных сямей, якія б пасля заканчэння навучання маглі працаваць на карысць губерні. Такія стыпендыі былі дадзены ўраджэнцам Крупейкаў Рэчыцкага павета, якія вучыліся ў Гомельскай земскай кошыкавай майстэрні, а таксама бедным навучэнцам Магілёўскай цэнтральнай фельдшарскай школы родам з Мінскай губерні [24, с. 7—126].

Вырашэнню адукацыйных пытанняў павінны былі паспрыяць вучылішчныя саветы, створаныя пры Упраўленні па справах земскай гаспадаркі Мінскай губерні ў 1907 г. Канкрэтныя дзеянні ў сферы народнай асветы выліліся ў пакрыццё часткі расходаў па адкрыцці жаночай настаўніцкай семінарыі ў Навагрудку, грашовую дапамогу для Слуцкай жаночай гімназіі і Ігуменскай прагімназіі, а таксама стварэнне дзесяці стыпендыяў пры Мар’інагорскай ніжэйшай сельскагаспадарчай школе [25, с. 31—104]. У гэты ж час прагучала ініцыятыва з боку Мінскай гарадской думы, якая хадайнічала ва ўпраўленне аб вылучэнні 500 000 р. на ўладкаванне ў Мінску ўніверсітэта. Адкрыццё на беларускіх землях вышэйшай адукацыйнай установы актыўна падтрымалі многія галосныя, аднак большасць членаў Губернскага камітэта ўсё ж прагаласавалі супраць [25, с. 5].

Дзейнасць Упраўлення па справах земскай гаспадаркі па пашырэнні народнай асветы набірала ўсё большыя абароты. Прыкладам можа служыць тое, што ва ўсёй Мінскай губерні, па існуючых даных, у 1908 г. адкрылася 140 новых школ, у той час як у Віленскай, для параўнання, толькі 78 [15, с. 3]. Зыходзячы з нарастаючай патрэбы ў настаўніцкіх кадрах у той жа час была дадзена субсідыя на адкрыццё ў Мінскай губерні педагагічных курсаў [5, арк. 31].

У 1909 г. былі вылучаны грошы на рамонт Бабруйскай школы садаводства і агародніцтва. Ва ўмовах росту патрэб сельскай гаспадаркі і перабудовы жыцця ў вёсцы ў 1910 г. Губернскім камітэтам было прынята

рашэнне аб пераўтварэнні Бабруйскай школы садаводства і агародніцтва ў сельскагаспадарчую з педагагічным аддзяленнем. Адкрылася сельскагаспадарчая школа ў Азарычах Бабруйскага павета, а таксама былі выдаткаваны сродкі на пабудову будынкаў для Веляціцкага і Охаўскага народных вучылішч у Пінскім павеце [7, арк. 8; 8, арк. 30 адв. — 40 адв.]. Важнымі крокамі 1911 г. у галіне народнай асветы стала адкрыццё ў Баранавічах ніжэйшага сельскагаспадарчага вучылішча і выдача дапамогі навучэнцам Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі [10, арк. 50 адв. — 51].

Адначасова сталым напрамкам дзейнасці ўпраўлення з’яўлялася сацыяльная дапамога насельніцтву. Напрыклад, пасля ўступлення Расійскай імперыі ў вайну з Японіяй у 1904 г. перад упраўленнем паўстала праблема з’яеспячэння сямей ніжэйшых чыноў, прызваных у дзеючую армію. Усяго такіх сямей па губерні было ўзята на ўтрыманне 24 346, а памер грашовай дапамогі вызначаўся ў залежнасці ад узроўню іх даходаў [3, арк. 27 адв. — 37].

Паступова пачынала практыкавацца арганізацыя грамадскіх работ. Так, па прычыне спынення выдачы банкамі крэдытаў і ў сілу неспрыяльных эканамічных умоў у 1904 г. будаўнічыя работы ў Мінску скараціліся і каля 1000 рамеснікаў засталіся без працы і сродкаў для існавання. Спробы адміністрацыі знайсці для іх заняткаў засталіся безвыніковымі. Упраўленне прыйшло ім на дапамогу, задзейнічаўшы беспрацоўных у пабудове арыштнага дома ў Мінску і ўладкаванні пад’язных да горада трактаў [3, арк. 1 адв.].

Звычайнай з’явай стала аказанне ўпраўленнем дапамогі пацярпелым ад стихійных бедстваў вясковым жыхарам. Прыкладам можна лічыць задавальненне хадаўніцтва аб выдачы грашовай дапамогі на пракорм жывёлы ў 1904 г. сялян з Бараўлян Барысаўскага павета, гаспадарчыя пабудовы якіх былі вынішчаны пажарам [3, арк. 64 адв. — 65 адв.]. У 1906 г. значная дапамога была аказана разнастайным дабрачынным установам і арганізацыям: Гомельскай Фёдара-Ірыненскай лячэбніцы, якая абслугоўвала Рэчыцкі павет, Мінскаму гарадскому прытулку, праўленню таварыства «Міласэрнасць» і інш. [24, с. 8—80].

Паступова сацыяльная дапамога насельніцтву набывала ўсё большы размах. Губернскім камітэтам у 1907 г. былі дадзены вялікія сродкі на падтрымку сялян Рэчыцкага і Ігуменскага паветаў, што пацярпелі ад затаплення сенакосаў, а таксама аказана грашовае дапамога жыхарам Стоўбцаў Мінскага павета, дзе пажар вынішчыў некалькі сотняў дамоў [25, с. 11, 63]. У той жа час упраўленню прыйшлося сутыкнуцца з на-

ступствамі неўраджаю 1907 г., які выліўся ў сапраўдны голад. Губернскім камітэтам было ўзбуджана хадайніцтва ў Пецяярбург аб вылучэнні харчовай пазыкі ў памеры 200 000 р., на якія планавалася набыць 200—250 вагонаў жыта і прадаваць яго насельніцтву па нарыхтоўчых цэнах [25, с. 99—101]. Міністэрства ўнутраных спраў дазволіла зрабіць пазыку, але з умовай, што сялянам жыта будзе давацца не ў доўг, а за наяўныя грошы [12, с. 7]. Трэба прызнаць, што ў выніку дадзена акалічнасць не спрыяла эфектыўнасці такой дапамогі.

Упраўленнем у той час была аказана грашовая падтрымка і такім арганізацыям, як Мінская абшчына сёстраў міласэрнасці Чырвонага Крыжа, Таварыства ўзаемнай дапамогі настаўнікам і навучэнцам у народных вучылішчах Мінскай губерні, а таксама праўленню таварыства «Міласэрнасць» на ўтрыманне прытулку падкідышаў [25, с. 19—151].

У 1908 г. кампанія па дапамозе галадаючаму насельніцтву губерні працягнулася. Губернскім камітэтам было нават дазволена існуючай пры ўправе харчовай камісіі ў неабходных выпадках прадаваць жыта ніжэй за нарыхтоўчыя цэны [5, арк. 30 адв.]. Аднак голад у Мінскай губерні не адступіў, у многіх месцах нават успыхнула цынга, таму ўпраўленне было вымушана прасіць даслаць у губерню яшчэ 150 вагонаў жыта [13, с. 7].

На завяршальным этапе існавання ўпраўлення, на працягу 1908—1911 гг., аказвалася фінансавая дапамога Мінскаму радзільнаму прытулку, 2-му Дабрачыннаму таварыству, якое займалася ўтрыманнем бездаглядных дзяцей, а таксама праўленню таварыства «Міласэрнасць» на ўтрыманне прытулку падкідышаў; для апошняга было арандавана дадатковае памяшканне [5, арк. 27—29 адв.; 7, арк. 11; 11, арк. 65 адв. — 66].

Адной з мер упраўлення па падтрымцы вядзення мясцовай гаспадаркі стала дапамога ў арганізацыі адпаведных выставак. Так, у 1904 і 1906 гг. вылучаны сродкі на арганізацыю ў Пінскім павеце выставак твораў дробнай сельскай гаспадаркі і кустарных промыслаў, а таксама выдачу ўзнагарод экспанентам [4, арк. 41 адв. — 42 адв.; 24, с. 18]. У 1907 г. атрымала фінансаванне адкрыццё падобных выставак у Лунінцы і Любешаве. За лепшыя сялянскія экспанаты тут прысуджаліся ўзнагароды [25, с. 55].

У 1908 г. Мінскім губернскім камітэтам былі выдаткаваны грошы на адкрыццё сельскагаспадарчых выставак у Слуцкім павеце і Століне Пінскага павета, а таксама на выплаты ўсім іх удзельнікам. Па земскім каштарысе ў 1909 г. вылучаліся сродкі на ўладкаванне двухдзённага

кірмашу ў Слуцку і традыцыйнай сельскагаспадарчай выстаўкі ў Пінску, зноў жа з выдачай на гэтых мерапрыемствах узнагарод за лепшыя прадстаўленыя творы [5, арк. 41 адв. — 42 адв.; 7, арк. 6 адв. — 7].

Паралельна адбыўся шэраг арганізацыйных новаўвядзенняў. Пры губернскай і павятовых управах у 1910 г. былі створаны эканамічныя саветы, мэтай якіх стала далейшае паляпшэнне гаспадарчых умоў у межах губерні, а таксама ўвадзілася дзесяць пасадаў аграномаў: аднаго губернскага і дзевяці павятовых [8, арк. 29 адв. — 30]. У 1911 г. упраўленне прыняло рашэнне аб адкрыцці балотнай станцыі ў Мінску, якая ўключала ў сябе лабараторыю і батанічны кабінет. Разам з тым у гэты час было зацверджана правядзенне сельскагаспадарчых выставак у Капылі Слуцкага павета і Пінску, зноў вылучаліся грошы на выплаты за лепшыя экспанаты [9, арк. 6; 10, арк. 49 — 49 адв.].

Паступова ў межах губерні стваралася сістэма пажарнай бяспекі. У 1906 г. у распараджэнне губернскай управы былі дадзены сродкі на субсідзіраванне пажарных таварыстваў і дружын, забеспячэнне населеных пунктаў пажарнымі машынамі, а таксама на рэалізацыю іншых супрацьпажарных мерапрыемстваў: уладкаванне глінасалямяных дахаў, паляпшэнне сялянскіх печаў і г. д. Значна павялічыліся расходы на супрацьпажарныя мерапрыемствы ў 1907 г.: у распараджэнне губернскай управы паступіла 37 000 р. [24, с. 40; 25, с. 93].

Першапачаткова атрымаць пажарныя помпы і сродкі на наём пажарнай дружны маглі толькі сялянскія таварыствы. Для гэтага з іх боку павінна была паступіць адпаведная просьба да земскага страхавога агента, які вырашаў дадзенае пытанне з павятовай управой. Аднак для павышэння эфектыўнасці сістэмы пажарнай бяспекі з 1910 г. пажарныя машыны пачалі выдаваць не толькі сялянскім таварыствам, але і памешчыкам [8, арк. 52; 16, с. 7].

У 1911 г. Упраўленнем па справах земскай гаспадаркі сума на супрацьпажарныя мерапрыемствы ў губерні была пашырана да 44 000 р. Больш за тое, з мэтай матывацыі насельніцтва ў гэтым напрамку Мінскім губернскім камітэтам было прынята рашэнне аб пачатку выдачы грашовых узнагарод за ўладкаванне глінасалямяных дахаў [10, арк. 70].

Удзельнічала ўпраўленне і ў распаўсюджанні дасягненняў навукова-тэхнічнага прагрэсу. Па ініцыятыве мясцовага павятовага камітэта ў 1909 г. былі вылучаны грошы на ўладкаванне тэлефоннай сеткі ў Рэчыцкім павеце. Планавалася стварыць шэсць тэлефонных станцый, працягласць сеткі павінна была скласці 657 вёрст [7, арк. 49 адв.].

Працягнулася рэалізацыя паступовага ўладкавання тэлефонных ліній у губерні ў наступным 1910 г. У гэты час Губернскі камітэт пастанавіў злучыць тэлефоннай сувяззю Хоінскую воласць з павятовым цэнтрам Пінскам па прычыне складаных тапаграфічных умоў мясцовасці і частай немагчымасці мець прамыя зносіны [8, арк. 40 адв.].

У адпаведнасці з Палажэннем ад 14 сакавіка 1911 г. у трох беларускіх губернях уводзіліся выбарныя земствы, таму перад упраўленнем была пастаўлена задача аб арганізацыі пераходу да новых устаноў, у тым ліку і правядзенне выбараў галосных [9, арк. 4]. У выніку з 1 кастрычніка 1911 г. у губерні пачалі сваю дзейнасць выбарныя земскія ўстановы. Аднак можна канстатаваць, што, паколькі сярод новых земскіх галосных амаль не мелася людзей з вопытам, распачаць эфектыўную працу першапачаткова не атрымалася [22, с. 523]. Па прычыне адсутнасці патрэбнай пераемнасці мясцовае кіраванне губерні вярнулася да сітуацыі 1903 г., калі прызначаныя ва ўпраўленне галосныя часта проста губляліся ў земскіх справах. Каштоўны вопыт папярэдніх устаноў, набыты васьмігадовай працай, у многім не быў выкарыстаны.

Такім чынам, дзейнасць Упраўлення па справах земскай гаспадаркі ў межах Мінскай губерні мела станоўчыя вынікі. Галоснымі і ўсімі супрацоўнікамі ўпраўлення з 1903 па 1911 г. была праведзена велізарная работа, якая адыграла адметную ролю ў паляпшэнні сацыяльна-эканамічнага і культурнага становішча рэгіёна. У той жа час у працэсе свайго функцыянавання ўпраўленню прыйшлося сутыкнуцца з шэрагам праблем, з-за якіх мноства ініцыятыў так і не атрымалася рэалізаваць. Асабліва адчувалася недастатковая колькасць фінансавых сродкаў, а таксама празмерны кантроль і абмежаванні з боку вышэйстаячых органаў. Дадавалі складанасці і прынцыпова розныя падыходы галосных праваслаўнага і каталіцкага веравызнання да вырашэння тых ці іншых пытанняў. Тым не менш існаванне земскіх устаноў такога тыпу стала важнай прыступкай для развіцця мясцовага кіравання на беларускіх землях, таму нельга адмаўляць ці недаацэньваць іх дасягненні.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Аврех А. Я.* Вопрос о западном земстве и банкротстве Столыпина // Исторические записки. М., 1961. Т. 70. С. 61—112.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 323. Воп. 1. Спр. 1 — Журнал I годичного заседания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.

3. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 4 — Журнал II годовичного заседания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
4. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 5 — Журналы обыкновенных заседаний Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
5. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 15 — Журналы VII обыкновенного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства 5 и 6 июня 1908 г.
6. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 18 — Журналы VIII обыкновенного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
7. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 19 — Журналы заседания IX обыкновенного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
8. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 20 — Журналы заседания X обыкновенного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
9. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 22 — Журналы XII обыкновенного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
10. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 23 — Журналы заседания XI обыкновенного заседания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
11. НГАБ. Ф. 323. Воп. 1. Спр. 24 — Журналы заседаний IX годовичного собрания Минского губернского комитета по делам земского хозяйства.
12. Наша ніва. 1907. 7 снеж.
13. Наша ніва. 1908. 14 сак.
14. Наша ніва. 1908. 25 крас.
15. Наша ніва. 1908. 22 мая.
16. Наша ніва. 1908. 23 кастр.
17. Наша ніва. 1909. 23 ліп.
18. Наша ніва. 1910. 15 крас.
19. Наша ніва. 1910. 5 ліст.
20. Наша ніва. 1911. 27 студз.
21. Наша ніва. 1911. 10 лют.
22. Наша ніва. 1911. 13 кастр.
23. *Падарожня А. А.* Стварэнне органаў кіравання мясцовай земскай гаспадаркай у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях на падставе «Палажэння» 1903 г. // Вес. БДПУ. 2012. № 2. С. 23—27.
24. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1906 год. Минск : Паровая типолитография И. и В. Тасьман, 1907.
25. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1907 год. Минск : Паровая типолитография И. и В. Тасьман, 1908.
26. *Слобожанін В. П.* Земское самоуправление в Беларуси (1905—1917 гг.). Минск : Правто і эканоміка, 2003.
27. *Талмачова С. А.* Распаўсюджанне земскай рэформы ў заходніх губернях Расійскай імперыі (1903—1911 гг.) // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2010. № 4. С. 20—24.
28. Kurier Litewski. 1905. 7 września.
29. Kurier Litewski. 1905. 8 września.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

ПРЫВІЛЕІ НА САМАКІРАВАННЕ ГАРАДСКІМ ПАСЕЛІШЧАМ БЕЛАРУСІ 1791—1792 гг.

Разглядаецца пытанне выдання ў 1791—1792 гг. прывілеяў на самакіраванне гарадам беларускіх паведаў Вялікага Княства Літоўскага. Аналізуецца фармуляр названых грамат. Устанаўліваюцца адрозненні прывілеяў, якія выдаваліся кароннай і літоўскай канцэлярыямі Рэчы Паспалітай, а таксама прыкметы згасання магдэбургскага права. У дадатку да артыкула прыводзіцца рускамоўны пераклад прывілея Гайне канца XVIII ст., які публікуецца ўпершыню.

This article concerns the problem of publishing in 1791—1792 of privileges given for the self-government in the Belarusian towns of Grand Duchy of Lithuania. The author gives the analysis to these official documents. The difference of the privileges, which were given by the Royal and Lithuanian offices of Rzeczpospolita and also the signs of disintegration of Magdeburg Law are mentioned. In the supplement you can find Russian translation for the Gajne's privilege written at the end of XVIII century. It should be mentioned that it is published for the first time.

Ключавыя словы: гарадское самакіраванне; магдэбургскае права; Вялікае Княства Літоўскае; Чатырохгадовы сейм; магістрат; прывілеі.

Keywords: city self-government; Magdeburg Law; Grand Duchy of Lithuania; Four Years Sejm; magistrate; privileges.

У другой палове XVIII ст. на хвалі распаўсюджання ідэй Асветніцтва ў Рэчы Паспалітай (РП) прадпрымаліся шматлікія спробы рэфармавання дзяржаўнага ладу, эканамічных і сацыяльных адносін, якія павінны былі вывесці краіну з крызіснага становішча. Большасць рэформ тым ці іншым чынам закраналі гарады і іх самакіраванне. Прагрэсіўныя рэфарматары спрабавалі павысіць ролю гарадоў у жыцці краіны, ураўняць статус мяшчан са шляхтай. Аднак шляхецкая большасць ставілася да гэтага вельмі насцярожана, і таму рэформы ў большасці сваёй насілі абмежаваны характар. Паслядоўнасцю адрозніваліся толькі рэформы, якія праводзіў Чатырохгадовы сейм.

У найбольшай ступені гэты перыяд даследаваны польскімі гісторыкамі: Т. Корзанам, Э. Казлоўскім, У. Смаленьскім, Я. Птасьнікам і інш.

Стрэнкоўскі Сяргей Пятровіч — першы прарэктар дзяржаўнай установы адукацыі «Мінскі гарадскі інстытут развіцця адукацыі», прафесар кафедры кіравання і эканомікі адукацыі, доктар гістарычных навук, дацэнт. E-mail: sstrenkovskiy@mail.ru

[1, с. 75—87]. У сучаснай літоўскай гістарыяграфіі рэфармаванне ўлады ў гарадах Літвы і часткова Беларусі ў 1788—1792 гг. разглядалі Л. Глемжа, Э. Рымша, З. Кяўпа [1, с. 69—72]. Тэма гарадскіх рэформ у Беларусі другой паловы XVIII ст. разглядаецца ў шэрагу прац сучаснага айчыннага гісторыка М. М. Атрушкевіча [1, с. 41, 42]. Аўтар таксама падрабязна разгледзеў сутнасць гарадскіх рэформ, якія праводзіліся Чатырохгадовым і апошнім Гарадзенскім сеймамі РП [1, с. 382—410].

Аднак тэма гарадскіх рэформ 1790-х гг. на сёння далёка не вычарпана. Так, адным з маладаследаваных пытанняў застаецца аднаўленне гарадскім паселішчам іх прывілеяў, большая частка якіх змешчана ў 556-й кнізе Метрыкі ВКЛ, што пабачыла свет як друкаванае выданне ў 2005 г. [2]. Між тым менавіта гэтыя прывілеі закладвалі новую сістэму самакіравання ў гарадскім паселішчах РП, пабудаваную на аснове агульнадзяржаўнага гарадскога заканадаўства, у адрозненне ад папярэдніх фундацыйных грамат, заснаваных на магдэбургскім праве з яго партыкулярызмам. Упершыню адзін з такіх прывілеяў, а менавіта прывілей Барысаву, пабачыў свет дзякуючы Я. Тышкевічу [3, с. 66—73]. Аналагічныя прывілеі шэрагу гарадоў і мястэчак Украіны былі апублікаваны Кіеўскай археаграфічнай камісіяй у 1869 г. [4]. Гербы з прывілеяў выкарыстоўваў у сваіх працах А. К. Цітоў [5]. Аднак да нашага часу агульная колькасць выдадзеных канцылярыямі ВКЛ і Польшчы ў 1791—1792 гг. прывілеяў на аднаўленне ці наданне гарадскіх праў застаецца невядомай па прычыне таго, што не ўсе яны трапілі ў названую вышэй кнігу Метрыкі ВКЛ. Напрыклад, не так даўно айцец Ю. Макарыч апублікаваў прывілей Адэльску, які не мае даты выдання [6, с. 27—30]. У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі намі выяўлены пераклад на рускую мову, зроблены ў канцы XVIII ст., прывілея Гайне, датаванага 1792 г. без пазначэння дня і месяца выдання [7, арк. 4 — 5 адв.] (гл. дадатак).

Тэрміналагічныя вызначэнні згаданых прывілеяў знайшлі сваё адлюстраванне ў канстытуцыях Чатырохгадовага сейма. Менавіта ў сувязі з рэформамі апошняга з’яўляецца новы тып прывілеяў, заснаваны на агульнадзяржаўным гарадскім заканадаўстве. У айчынным гістарыяграфіі ў дачыненні да гарадоў рашэнні Чатырохгадовага сейма зводзяцца ў асноўным да разгляду закона «Гарады нашы каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай» [8, с. 234, 235]. Аднак быў прыняты цэлы пакет канстытуцый, якія датычыліся рэформ гарадскіх паселішчаў [1, с. 388]. У канстытуцыі «Гарады нашы каралеўскія вольныя» 18.04.1791 [9, с. 215—

219] адзначалася, што пры пацвярджэнні былой наяўнасці лакацыйных прывілеяў, якія страцілі моц, гарады атрымаюць аднаўленчыя ці рэнавацыйныя прывілеі (*diploma renovationis*); гарады, у якіх адбываюцца земскія сеймікі, могуць атрымаць лакацыйныя прывілеі (*diploma locationis*), калі іх дагэтуль не мелі; паселішчы, якія заселены вольнымі людзьмі і маюць выгляд горада, могуць атрымаць заснавальныя ці эрэкцыйныя прывілеі (*diploma erectionis*); утвораныя прыватнымі ўласнікамі гарады пры ўмове надання ім зямлі могуць атрымаць канфірмацыйныя прывілеі (*diploma confirmationis*). Па падліках З. Кяўпы, у 556-й кнізе Метрыкі ВКЛ знаходзяцца копіі 41 рэнавацыйнага прывілея, 2 лакацыйных, 21 рэнавацыйнага і лакацыйнага ці, наадварот, лакацыйнага і рэнавацыйнага, 3 — заснавальных ці лакацыйных або, наадварот, лакацыйных і заснавальных, 7 — канфірмацыйных ці канфірмацыйных і лакацыйных [10, с. 160].

Для беларускіх павеатаў ВКЛ агульная колькасць прывілеяў (20) размеркавалася наступным чынам: канфірмацыйныя — 10 % (Ялаўка Ваўкавыскага павеата 18.01.1792 [2, с. 54—56], Радунь Лідскага павеата 23.06.1792 [2, с. 164—166]¹); лакацыйныя і рэнавацыйныя — 10 % (Прывалка Гарадзенскага павеата 24.02.1792 [2, с. 73—75]², Слонім аднайменнага павеата 25.02.1792 [2, с. 82—84]); рэнавацыйныя і лакацыйныя — 25 % (Воўпа Ваўкавыскага павеата 21.01.1792 [2, с. 56—58], Радашковічы Мінскага ваяводства 23.02.1792 [2, с. 67—69], Шарашоў Берасцейскага ваяводства 24.02.1792 [2, с. 75—77], Ашмяны аднайменнага павеата 22.05.1792 [2, с. 138—140], Адэльск Гарадзенскага павеата³); рэнавацыйныя — 55 % (Віжайны (Візаны) Гарадзенскага павеата 14.02.1792 [2, с. 63—65], Ліпнішкі Ашмянскага павеата 25.02.1792 [2, с. 84—86], Гарадная Пінскага павеата 17.03.1792 [2, с. 88—90], Угор’е Браслаўскага павеата 29.03.1792 [2, с. 109—111], Геранёны Ашмянскага павеата 25.05.1792 [2, с. 142—144], Браслаў аднайменнага павеата 02.06.1792 [2, с. 146—148], Перабродзе Браслаўскага павеата 03.06.1792 [2, с. 148—150], Цырын Навагрудскага ваяводства 05.06.1792 [2, с. 150—152], Барысаў Аршанскага павеата 14.06.1792 [2, с. 158—160], Астрына Лідскага павеата

¹ Ялаўка і Радунь адносіліся да дзяржаўных уладанняў і не былі ўтвораны прыватнымі ўласнікамі, адпаведна прывілеі названы канфірмацыйнымі без законных падстаў.

² У Прывалцы ніколі не адбываліся земскія сеймікі, адпаведна прывілеі названы лакацыйнымі без законных падстаў.

³ У Воўпе, Радашковічах, Шарашове, Адэльску не адбываліся павятовыя сеймікі, адпаведна прывілеі названы лакацыйнымі без законных падстаў.

16.06.1792 [2, с. 162—164], Гайна Мінскага ваяводства). Заснавальных прывілеяў выдадзена не было⁴.

Шаблон прывілеяў быў аднолькавы. Усе яны выдаваліся ў 1791—1792 г. ад імя караля Станіслава Аўгуста. Трэба адзначыць, што гарады і мястэчкі беларускіх паветаў ВКЛ уключыліся ў гэты працэс толькі са студзеня 1792 г., у той час як першыя прывілеі, занатаваныя ў 556-й кнізе Метрыкі ВКЛ, былі датаваны 09.11.1791 (лакацыйныя прывілеі Шаўляма са Жмудскага княства і Прэнам з аднайменнага павета).

Для атрымання прывілея дастаткова было арыгіналамі ці копіямі актаў паказаць, што паселішча здаўна з’яўляецца «горадам». У разлік браліся не толькі прывілеі на магдэбургскае права, але і судовыя дэкрэты, рэвізіі і г. д. З. Кяўпа адзначае, што падставамі рэнавацыі нярэдка служылі нават люстрацыі другой паловы XVIII ст. і што патрабаванні, якія прад’яўляліся да гарадоў, недастаткова вывучаныя і зразумелыя, а названыя спасылкі на папярэднія граматы гарадам, якія быццам бы былі дадзены на магдэбургскае права, трэба разглядаць крытычна [11].

Усе прывілеі былі выдадзены на тагачаснай польскай мове і складаліся з традыцыйных частак: загалоўка, інвакацыі, арэнгі, інтытуляцыі, прамульгацыі, нарацыі, дыспазіцыі, санкцыі, карабарацыі, эсхатакола. Аднак пасля прамульгацыі няма інскрыпцыі-адрасата, а таксама пераліку прысутных з падрабязнай тытулатурай у канцы граматы.

У загалоўку вызначаліся сутнасць прывілея і адрасат. Сутнасць фармулявалася лацінскім пазначэннем тыпу прывілея: *diploma confirmationis або locationis et renovationis, renovationis et locationis, renovationis*. Толькі прывілей Браславу мае заглавак на польскай мове: «Diploma, prawa i wolności odnawiające». Вызначэнне адрасата ва ўсіх прывілеях занатавана як назва горада (Ялаўцы, Воўпе, Радашковічам, Ліпнішкам, Ашмянам, Геранёнам, Пераброддзю, Барысаву, Астрыне, Радуні — у давальным склоне, Прывалцы, Слоніму, Гарадной, Угор’ю, Браславу, Цырыну — у родным склоне) з дадаткам «гораду вольнаму (горада вольнага) Рэчы Паспалітай» і лакалізацыі па ваяводствах (калі паселішча знаходзілася ў цэнтральным павеце ваяводства) ці паветах, а ў прывілеях

⁴ Месцазнаходжанне арыгіналаў прывілеяў Ялаўцы, Воўпе, Шарашову, Слоніму, Ліпнішкам, Угор’ю, Ашмянам, Геранёнам, Пераброддзю, Барысаву, Астрыне, Адэльску, Гайне невядома; прывілей Віжайнам знаходзіцца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве; Радашковічам, Браславу, Радуні — у Рукапісным аддзеле бібліятэкі Акадэміі навук Літвы; Прывалцы — у Гродзенскім гісторыка-археалагічным музеі; Гарадной — як мяркуецца, у Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў [2, с. 175—182].

Ялаўкі, Воўпы, Ашмян, Геранёнаў, Браслава, Пераброддзя, Барысава таксама адзначана іх размяшчэнне ў ВКЛ.

Фармальна частка прывілеяў пачынаецца інвакацыяй: «У імя Гасподняе. Амін». За ёй змешчана арэнга: «На вечны ўспамін справы» (адсутнічае ў копіі прывілея Адэльскага). Далей змешчана інтытуляцыя. Ва ўсіх прывілеях яна поўная: «Мы, Станіслаў Аўгуст, з Божае ласкі і волі нацыі кароль польскі, вялікі князь літоўскі, рускі, прускі, мазавецкі, жмудскі, кіеўскі, валынскі, падольскі, інфлянцкі, смаленскі, северскі і чарнігаўскі». Толькі ў адэльскай копіі падаецца скарачэная інтытуляцыя: «Станіслаў Аўгуст, з Божае ласкі і волі нацыі кароль польскі etc. etc. etc.».

Прамульгацыі аднолькавыя ва ўсіх граматах, яны адрозніваюцца толькі назвай віду прывілея: «Азнямяляем гэтым нашым прывілеем (канфірмацыйным, лакацыйным і рэнавацыйным, рэнавацыйным і лакацыйным, рэнавацыйным) усім разам і кожнаму паасобку, каму аб гэтым трэба ведаць, як цяперашняга, так і будучага веку людзям».

Нарацыя прывілеяў складаецца з трох частак: першая і трэцяя — аднолькавыя для ўсіх паселішчаў. У першай занатавана наступнае: «Паведамлена нам праз паноў-раду і ўраднікаў, якія знаходзяцца пры нашым баку, ад імя і на карысць шляхетных бурмістра, войта, радцаў, лаўнікаў і цэлага народа горада нашага Н., размешчанага ў Н-скім ваяводстве, Н-скім павеце, што гэты горад у час найяснейшых папярэднікаў нашых быў горадам і меў нададзеныя сабе вольнасці». У другой частцы нарацыі даецца пералік прадстаўленых актаў з пазначэннем, арыгінал гэта ці копія і (у другім выпадку) з якіх актавых кніг яна зроблена (гл. табліцу).

Назва паселішча	Пералік прадстаўленых дакументаў
Ялаўка	Прывілей Жыгімонта Аўгуста на магдэбургскае права 21.12.1545 (выпіс з кнігі Метрыкі ВКЛ 18.08.1777); прывілей Жыгімонта III 12.01.1589 на пацвярджэнне прывілея Стэфана Баторыя на войтаўства (копія з Метрыкі ВКЛ 16.07.1791)
Воўпа	Прывілеі Стэфана Баторыя 05.11.1586 і 07.11.1587 на войтаўства з наданнем да яго зямлі (выпісы з Метрыкі ВКЛ 1791 г.)
Віжайны	Дэкрэт скарбовага трыбунала 1659 г. з архіва скарбу ВКЛ; прывілей Яна III 11.05.1693 на магдэбургскае права (копія з Метрыкі ВКЛ); інвентар 1665 г. і люстрацыя (выпісы скарбовай камісіі ВКЛ)

Назва пасеі і чы	Педаеік пдадстаўёных дакументаў
Радаў ковічы	Пдывіёей Жыгімонта Аўгуста 08.06.1569 Каёяніцкаму Тыю кевічу на педадачу гоада ў дзяджаву за пазычаныя гдоў ы (копія з Метдыкі ВКЛ 10.02.1792)
Пдываёка	Дэждэт асэсадскага суда 1669 г. паміж Уёадзісёавам Гячкоўскім і пдываёьскімі і дотніцкімі мяю чанамі аб 12 ваёоках зямёі; канфідмацыйны пдывіёей Яна Казіміда 1650 г. на тадгі і кідмаю ы
Шадаю оў	Ліст Жыгімонта Аўгуста 1559 г.; пдывіёей на тадгі і кідмаю ы 1595 г.; дэждэт 1637 г.; кантумацыйны (па пдычыне няяўкі ў суд) дэждэт 1679 г. паміж стадостам Кдыю тафам Кідю эн-ю тэйнам і мяю чанамі
Сёонім	Пдывіёей Жыгімонта Стадога 1532 г. на магдэбурдскае пдава (копія з Метдыкі ВКЛ); канфідмацыйны пдывіёей Уёадзісёава IV 1641 г. (копія з Метдыкі ВКЛ); пдывіёей Жыгімонта III, Уёадзісёава IV, Міхаёа Вю нявецкага (копіі з земскіх кніг Сёонімскага павета)
Ліпнію кі	Пдывіёей Уёадзісёава IV 06.06.1633 на магдэбурдскае пдава ⁵ (копія з Метдыкі ВКЛ 02.01.1792)
Гададная	Канфідмацыйны пдывіёей Міхаёа Вю нявецкага на магдэбурдскае пдава 1670 г.; канфідмацыйны пдывіёей Станісёава Аўгуста 1773 г. на пацвядджэнне пдывіёеяю Міхаёа Вю нявецкага, Яна III, Аўгуста III
Угод'е	Сеймавы дэждэт 1590 г. (копія з Метдыкі ВКЛ); пдывіёей Жыгімонта III 1598 г. на войгаўства (копія з Метдыкі ВКЛ); ёр стдацыі 1765 і 1789 гг.
Аю мяны	Дакументаў не пдадстаўёена, здобёена спасыёка на тое, ю то гэта гоада, у якім здаўна збідар цца зямянскія павятовыя суды
Геданёны	Пдывіёей Аўгуста III 1748 г. ⁶
Бдасёаў	Пдывіёей Аёяксандда Ягеёнчыка 26.11.1500 (7008) (копія з Метдыкі ВКЛ); дэвізодская ўстава 1554 г. (копія з кніг скадбу ВКЛ 27.06.1633, занесеная ў віёенскія гдодскія акты 12.09.1789); дадзена таксама спасыёка на тое, ю то гоада — здаўна месца пдавядзнення з'ездаў, сеймікаў і судоў

⁵ Адзначаны прывілей адносіцца не да Ліпнішак, а да Ліпска ў Гродзенскім павеце.

⁶ На таргі і кірмашы 24.11.1748.

Назва паселішча	Пералік прадстаўленых документаў
Пераброддзе	Ліст Жыгімонта Аўгуста 25.02.1571; люстрацыі
Цырын	Канфірмацыйныя прывілеі Уладзіслава IV, Яна III (адзначана «арыгінал»), Аўгуста II «з датамі ад старасці мала значнымі і прыпаванымі»; дэкрэт асэсарскага суда, выдадзены ў час панавання Уладзіслава IV
Барысаў	Ліст Жыгімонта Аўгуста 10.08.1565 з апісаннем вольнасцей, пацверджаны Стэфанам Баторыем у 1577 г. і Жыгімонтам III у 1595 г. (занесены ў Метрыку ВКЛ у 1606 г.); прывілей Уладзіслава IV 1640 г., які пацвярджае ранейшыя вольнасці
Астрына	Канфірмацыйны прывілей Яна III 28.07.1685 на пацвярджэнне вольнасцей (копія з гродскіх кніг Лідскага павета 06.09.1791)
Радунь	Рэвізорскі дэкрэт 26.09.1633 (копія з зямянскіх кніг Лідскага павета 1792 г.); канфірмацыйны прывілей Аўгуста III 22.11.1744 аб наяўнасці ў 1679 г. пры Яне III магдэбургскага права (копія)

Трэцяя частка ізноў дае агульныя вызначэнні: «Па гэтай прычыне звярнуліся да нас, каб мы зрабілі ласку, на моцы нашага найвялікшага вяршэнства, якое нам дазволена краёвымі правамі, і на падставе канстытуцый, ухваленых пра гарады на цяперашнім сейме, а менавіта пад назвай “Гарады нашыя каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай”, згодна з якой дазволена нам не толькі старым гарадам рэнавацыйныя прывілеі, калі б яны загінулі, выдаваць, але нават калі б на землях нашых каралеўскіх паселішча якое-небудзь, што складаецца з вольных людзей, надало сядзібе сваёй выгляд горада, тады нам, каралю, новы лакацыйны прывілей такому паселішчу, нават з наданнем зямлі, выдаць пакінута магчымасць, а асабліва, калі таксама горад Н. старымі прывілеямі ўшанаваны і як прывілеяваны горад заселены вольнымі людзьмі, а таму прыстойны выгляд горада стварае і з часам можа стаць больш прыстойным і больш вялікім, яму застасаваць прывілей, які зацвярджае старую яго вольнасць на ўзор іншых прывілеяваных гарадоў выдаць і таксама да вольнасці іншым гарадам, якія роўныя падаткі РП выплочваюць; магістрат і судовую юрысдыкцыю гэтага ж горада пацвердзіць, ад усялякай юрысдыкцыі зямянскай, ваяводзінскай, старосцінскай, замкавай вылучыць, усялякія чужыя духоўныя і свецкія юрыдыкі, размеш-

чанья ў межах гэтага горада, скасаваць і пад уладу і юрысдыкцыю магістрата Н-скага падпарадкаваць, ад цяжараў, арбітральна навязаных, звольніць і ўжыванне ўсялякіх свабод, прэрагатываў, ушанаванняў, якія служаць вольным гарадам, дазволіць».

Дыспазіцыя ўсіх прывілеяў аднолькавая. Яе пачатак змяшчае мэты надання грамат: «Да гэтай просьбы як той, што грунтуецца на грамадскім праве, мы, кароль, ласкава схіляючыся і стасуючыся да вышэйзгаданых канстытуцый, ухваленых пра гарады на цяперашнім сейме, і жадаючы названы горад Н. і яго жыхароў запэўніць у вольнасцях і ўшанаваннях, якія дадзены правам, вольнымі людзьмі, якія займаюцца гандлем і рамяством, яго прымножыць, каб такім чынам прывесці горад да добрага побыту і парадку, і, прымнажаючы з цягам часу, павялічыць прыбыткі Рэчы Паспалітай». Далей даецца пералік тых вольнасцей, прэферэнцый, прывілеяў, якія надаюцца:

- аб'яўленне горада вольным;
- прызнанне ўсіх дамоў, вёсак і тэрыторый, якія належалі паселішчу і знаходзіліся ў карыстанні цяперашніх і будучых жыхароў (пры ўмове вольнага стану і прыняцця гарадскога права), іх дзедзічнай уласнасцю (што, аднак, не магло перашкаджаць працягу распачатых раней у дачыненні гэтай маёмасці судовых працэсаў);
- падначаленне магістрату ўсіх жыхароў горада (наяўных і будучых) любой прафесіі і сацыяльнага стану (і мяшчан, і шляхты), якія займаліся рамяством і гандлем і мелі маёмасць; ускладанне на іх абавязку выплочваць роўныя падаткі і наданне магчымасці карыстацца роўнымі вольнасцямі і ўшанаваннямі;
- вызваленне горада ад зямянскай і старосцінскай, ці замкавай, юрысдыкцыі;
- вызваленне жыхароў ад абавязку адказваць перад «чужымі» судамі, падпарадкаванне іх толькі гарадскому суду, выбранаму самімі жыхарамі на падставе ўхваленых сеймам канстытуцый і ў адпаведнасці з імі;
- вызначэнне для незадаволеных рашэннямі гарадскога суда магчымасці звяртацца з апеляцый у адпаведныя апеляцыйныя суды гарадскіх акруг (у Вільні для Віленскага ваяводства, Ашмянскага, Браслаўскага, Лідскага, Вількамірскага і Трокскага павеатаў; у Гродне для Гродзенскага, Ваўкавыскага і Мерацкага павеатаў; у Коўне для Жмудзі і павеатаў Ковенскага, Прэнскага і Упіцкага; у Навагрудку для Навагрудскага ваяводства, Слонімскага і Случарэцкага павеатаў; у Брэсце для Брэсцкага ваяводства і Кобрынскага павеата; у Пінску для Пінскага, Пінска-Зарэч-

нага, Мазырскага і Рэчыцкага паветаў; у Мінску для Мінскага, Полацкага, Віцебскага ваяводстваў і Аршанскага павета) або да караля і ў задворны асэсарскі суд;

- усталяванне для гарадскіх урада і суда, як і для горада ў цэлым, абавязку адказваць толькі перад каралём і задворным асэсарскім судом ВКЛ па справах, якія вызначаліся дзеючым правам;
- наданне гарадам права пабудаваць ратушу, а таксама крамы і цагельню для гарадскога прыбытку;
- падараванне гарадам герба для выкарыстання яго на гарадскіх і судовых пячатках⁷;
- вызначэнне абавязку магістрата збіраць усталяваныя раней падаткі і павіннасці, пацверджаныя рашэннямі задворнага асэсарскага суда ВКЛ, а таксама грамадскія падаткі, якія будуць зацверджаны правам уносіць іх у скарб і атрымліваць адпаведныя квітанцыі;
- дазвол гарадам карыстацца ўсімі іншымі свабодамі, вольнасцямі і ўшанаваннямі, якія вынікалі з краёвага права, усталяванага канстытуцыямі, і магдэбургскага права;
- замацаванне абавязку гарадам падначальвацца вышэйшым уладам краіны.

Змест прывілеяў і канстытуцый Чатырохгадовага сейма гаворыць аб згасанні магдэбургскага права. Па сутнасці, яно заставалася толькі ў якасці крыніцы грамадзянскага, спадчыннага, крымінальнага і працэсуальнага права і згадвалася толькі ў пераліку крыніц свабод і вольнасцей. Прывілеі 1791—1792 гг. не прыгадвалі асноўныя прынцыпы магдэбургскага самакіравання — вызваленне ад улады ўсіх дзяржаўных інстытутаў, акрамя караля, партыкулярнасць права і экстэрытарыяльнасць гарадскіх абшчын. Па сутнасці, гэта прывілеі не на магдэбургскае, а на гарадское права РП. Змяніліся наменклатура і абсяг паўнамоцтваў органаў самакіравання, утварылася гарадская «вертыкаль»: акругі ў горадзе (*cyrkul*), гарады, аддзелы гарадоў на пэўнай тэрыторыі (*wydział*), цэнтральныя органы [1, с. 388—396].

⁷ Некаторыя гербы ўпрыгожвалі патрыятычныя надпісы: «Памерці ці перамагчы — мой дэвіз за Айчыну» (Гайна), «Ex mancipio libertas» (Жослі), «Жышчэ, маёмасць і кроў аддадзім за Айчыну» (Вевіраны), «Спяраша страцім жышчэ, а потым вольнасць» (Эйрагола), «За народ, караля і вольнасць» (Яндсбарк, Рэтаў), «Вечная ўдзячнасць каралю і сябру» (Вількамір), «Штандар вольнасці і адзінства» (Пераброддзе), «Pro lege et libertate» (Шакіні), «Pro libertate» (Акмяна) [2, с. 45, 94, 107, 114, 130, 142, 149, 156, 158].

Санкцыя прывілеяў даволі кароткая: «...засцерагаем, каб у тым ні ад каго не мелі перашкоды». Агульная карабарацыя занатавана наступным чынам: «На што для лепшай веры цяперашні дыплом, падпісаны нашай рукой, загадалі змацаваць пячаткай Вялікага Княства Літоўскага».

У эсхатаколе дзень упісаны арабскімі лічбамі, месяц словам, год таксама арабскімі лічбамі, год панавання караля рымскімі лічбамі. Месца выдання агульнае — Варшава. Прысутнічае толькі подпіс караля («Станіслаў Аўгуст, кароль»), без пазначэння пісара.

Маюцца адрозненні ў фармулярах прывілеяў 1791—1792 гг., выдадзеных канцылярыямі ВКЛ і Кароны. Так, каронная канцылярыя часта поўнасю (Смотрыч (05.07.1792) — выпіс з кароннай Метрыкі прывілея Казіміра IV на магдэбургскае права 15.08.1448; Канеў (09.07.1792) — пацвярджэнне Стэфанам Баторыем 20.10.1576 прывілея Жыгімонта Аўгуста 04.02.1571 на млыны (копія з кароннай Метрыкі 08.10.1791), прывілей Стэфана Баторыя 27.11.1576 на пацвярджэнне зямель, выпісаны з люстрацыі, прывілей Яна Казіміра 20.07.1661 на магдэбургскае права (копія з кароннай Метрыкі 06.10.1777); Чыгірын прывілей Жыгімонта III 15.10.1592 на лакацыю і магдэбургскае права (копія з кароннай Метрыкі 27.01.1791); Крылаў — прывілей Жыгімонта III чэрвеня 1616 г. на лакацыю і магдэбургскае права (копія з кароннай Метрыкі 28.09.1791) ці ў скарачаным пераказе (Смотрыч — рэвізія 1564 г. (копія з кароннай Метрыкі), дэкрэт паміж дзедзічным войтам і старостам 1585 г. з кнігі кароннага асэсарскага суда, люстрацыі 1616 і 1665 гг. з архіва кароннага скарбу; Канеў — «попіс» замка 1552 г. з Метрыкі ВКЛ, ліст караля Стэфана Баторыя да старосты 17.03.1581; Брацлаў — «попіс» 21.08.1545, апісанне замка 1552 г., дэкрэт паміж мяшчанами і старостам 29.08.1639) упісвала ў іх змест прадстаўленых мяшчанами актаў, якія сведчаць стан паселішча як горада. Сярод такіх актаў трапляюцца і згадкі агульнадзяржаўных дакументаў, якія не датычыліся менавіта паселішча: устава Жыгімонта Аўгуста 01.04.1557, пастанова Бельскага сейма 01.07.1564 (Канеў, Чыгірын, Крылаў, Брацлаў, Мядведаўка (Данілаў), Звенігародка), канстытуцыя Люблінскага сейма пра інкарпарацыю ўкраінскіх ваяводстваў 1569 г. (Канеў), трактат з Масквой 1686 г. (Чыгірын). Сярод прадстаўленых дакументаў былі таксама цэлавя прывілеі (Мядведаўка) і нават наданні горада пэўным асобам за службу (Табораў) [4, с. 5—12, 64—77, 82—90, 125—132, 529—545, 549—569]. У прывілеях гарадам ВКЛ трапляюцца толькі падрабязны пераказ «інструмента» на павіннасці Шадавува Упіцкім павеце 26.06.1779, а таксама цытаты з прывілеяў на магдэбургскае права

Людвінову ў Прэнскім павеце, Кяйданам у Ковенскім павеце, Вялёне ў Жмудскім княстве [2, с. 23, 39, 61, 95].

Другой асаблівасцю з’яўляецца пералік у трэцяй частцы нарацыі некалькіх канстытуцый: «Гарады нашы каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай», «Унутранае ўладкаванне гарадоў вольных Рэчы Паспалітай у Кароне і ў ВКЛ», «Камісія паліцыі», «Папярэджанне адносна ўвядзення права аб гарадах нашых, даўней каралеўскіх, а цяпер вольных Рэчы Паспалітай». Таксама адсутнічае палажэнне аб дазvole збудаваць ратушу, крамы і цагельні і, наадварот, маюцца палажэнні аб дазvole (без пераліку канкрэтных пасадак) выбраць магістрат (Брацлаў) з правам «вольнага кіравання і суда» (Смотрыч, Канеў, Чыгірын, Крылаў, Мядведаўка, Звенігародка) ці кіравання праз магістрат, а суда — праз гарадскі судовы ўрад (Корсунь); пасалення вольных людзей «усялякіх хрысціянскіх рэлігій і вызнанняў» (Смотрыч, Канеў, Чыгірын, Крылаў, Брацлаў, Корсунь, Мядведаўка, Звенігародка); пабудовы цэркваў і касцёлаў (Смотрыч, Канеў, Чыгірын, Крылаў, Звенігародка). У гарадах ВКЛ права выбіраць магістрат з пералікам пасадак службоўцаў (бурмістр, войт, радцы, лаўнікі, гмінныя, пісар, сіндык, касір) асобна адлюстравана ў прывілеях Расейнам, Прэнам, Бейсаголе, Пуням, Цяльшам, Румшышкам, Кяйданам, Ушпалям, Вількаміру, Біржам (літоўскія паветы; у прывілеі Прэнам замест «бурмістр» занатавана «прэзідэнт») і Ашмянам [2, с. 14, 17, 18, 20, 26, 33, 40, 87, 139, 141, 153].

У канстытуцыі «Папярэджанне адносна ўвядзення права аб гарадах нашых, даўней каралеўскіх, а цяпер вольных Рэчы Паспалітай» гарадам, лакацыйныя прывілеі якіх загінулі, надавалася магчымасць звярнуцца да канцлераў з доказамі былой наяўнасці (гэтых дакументаў), атрымаць ад караля рэнавацыйныя прывілеі і выбраць магістраты [9, с. 297, 298]. Гэта пытанне было балючым для гарадоў і мястэчак (асабліва ў ВКЛ, пасля таго як магдэбургскае права ў 1776 г. было пакінута толькі ў 11 яго гарадах) і пастаўлена на парадак дня яшчэ ў агульны зварот мяшчан да вышэйшых улад РП: «Слова літоўскіх гарадоў і мястэчак да Найяснейшых сеймавых станаў» (красавік — чэрвень 1789 г.), «Акт аб’яднання гарадоў» (27.11.1789), другая і трэцяя рэдакцыі «Мемарыяла гарадоў» (1—7.12.1789) [12, с. 259—268, 305—320, 339—357]. Не пакінулі па-за ўвагай гэта пытанне і мясцовыя сходы мяшчан. Так, у інструкцыі сходу гродзенскага аддзела гарадоў 11.08.1791 [13, арк. 216—225] адзначалася, што ўпаўнаважаны павінен быў дбаць пра пацвярджэнне прывілея Гродна на магдэбургскае права 1496 г. і ўсіх наступных канфірмацыйных. Тое ж

можна ўбачыць і ў інструкцыі агульнага сходу мяшчан Мерачы 06.08.1791 для дэлегатаў на сход аддзела ў Гродне [14, с. 126].

Назіраецца актыўная барацьба гарадскіх паселішчаў за вяртанне і набыццё гарадскіх праў. У акты гродзенскага магістрата 05.11.1791 унесены даверанасць А. Кашыцкаму на выпраўленне копій прывілеяў мястэчка Лунна з Метрыкі ВКЛ, а затым і знойдзеныя граматы: размежаванне паміж горадам Лунна і землямі Я. Сапегі 1532 г. і канфірмацыі У. Вазы і М. Вішнявецкага [13, с. 382—384, 426, 429]. Занеслі ў акты апеяльцыйнага горада свае рэнавацыйныя прывілеі Пуні, Віжайны, Кальварыя, Прывалка [13, с. 520—525, 544—555, 621—628].

Барацьба гарадоў з эканоміямі за свае правы працягвалася і ў 1792 г. Так, 29.03 і 21.05 датаваны скаргі ў задворны асэсарскі суд магістратаў і мяшчан Ліды, Маркава, Ашмян, Камянца, Трабаў [15, арк. 39—39 адв., 51—55 адв., 57—57 адв.]. Прыведзеныя ў гродзенскіх актах мандаты Ліпска, Мастоў, Адэльска дазваляюць сцвярджаць, што ў іх былі выбраны сіндыкі, адпаведна П. Хільмонік, М. Дэрсан, Р. Шумінскі, якія займаліся судовымі справамі з адміністратарам гродзенскай эканоміі [13, с. 720—728, 765—768, 793]. 15.05.1792 сваю скаргу на эканомію ў акты Гродна занеслі і мяшчане Скідаля [13, с. 811].

Значнасць дзеяння новага гарадскога заканадаўства і прывілеяў 1791—1792 гг. пацвярджаецца тым трывалым следам, які яны пакінулі ў мяшчанскім асяроддзі. Так, калі С. Касакоўскі звярнуўся да полацкіх мяшчан з патрабаваннем прадставіць бурмістраў, яму адказалі, што па новым законе ў горадзе прэзідэнт і радцы. Гараджане Дзісны не прысягалі канфедэрацыі аж да 28.09.1792 і працягвалі кіраваць горадам у адпаведнасці з новым заканадаўствам [16, с. 196, 197]. Лідскія мяшчане ў час паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі скардзіліся ў Цэнтральную дэпутацыю літоўскага народа на дзеянні пратаргавіцкага магістрата і патрабавалі вярнуць той склад гарадскога самакіравання, які быў выбраны згодна з рэформамі Чатырохгадовага сейма [17, арк. 109—110 адв.].

Такім чынам, прывілеі 1791—1792 гг., якія мелі мэтай аднаўленне ці наданне гарадскіх праў, адыгралі важную ролю ў станаўленні новай сістэмы самакіравання ў гарадскіх паселішчах Беларусі. На падставе створанага Чатырохгадовым сеймам агульнадзяржаўнага гарадскога заканадаўства яны замацоўвалі новую структуру самакіравання і прынцыпы яго дзеяння, адхіляючы партыкулярызм магдэбургскага права. Выданне прывілеяў садзейнічала росту патрыятычных настрояў у асяроддзі беларускага мяшчанства і пашырэнню яго праў.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Стрэнкоўскі С. П.* Гарадское самакіраванне на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIV—XVIII ст. : у 2 ч. Мінск : Мін. гар. ін-т развіцця адукацыі, 2013. Ч. 1.
2. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика / Liet. istorijos inst. Vilnius : Versus Aureus, 2005. [Kn. № 556] : (1791—1792). Viešųjų reikalų knyga 35 / parengė L. Baliulis, R. Firkovičius, E. Rimša.
3. *Tyszkiewicz E.* Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiaich i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. Wilno : Marcinowski, 1847. III.
4. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Вольнском генерал-губернаторе : в 35 т. Киев : Университет. тип., 1869. Т. 1 : Акты о городах (1432—1798).
5. *Цімоў А. К.* Гарадская геральдыка Беларусі / маст.: М. М. Купава, Я. С. Кулік. Мінск : Польшыя, 1988.
6. *Макарчык Ю.* Адэльск, 1490—2010 : пер. з пол. / OFMConv. Мінск : Про Хрысто, 2010.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 149. Воп. 3. Спр. 5.
8. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2007—2011. Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII—XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. 2007.
9. Volumina legum : przed. zbioru praw staraniem XX. Pjarow w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Kraków : Nakł. Akad. Umiejętności, 1889. Т. 9.
10. *Kiaupa Z.* Diploma renovationis et locationis — XVIII a. Pabaigos raštininkų sąpaštai // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai / Lietuvos istorijos institutas. Vilnius : Mokslas, 1988. Kn. 3 / [red. kol.: A. Dubonis (pirmininkas) [et al.]. Vilnius : LI, 2001. P. 155—174.
11. *Кяупа З.* [Рецензия] // Новости Литовской метрики [Электронный ресурс]. 2004—2005. № 8. URL: <http://www.istorija.lt/kiaupa2005ru.html> (дата обращения: 21.01.2010). Рец. на кн.: Lietuvos Metrika. Knyga № 556 (1791—1792). Viešųjų reikalų knyga 35 = Lithuanian Metrica. Book of Public Affairs 35 = Metryka Litewska. Księga Spraw Publicznych 35. = Литовская Метрика. Книга № 556 (1791—1792). Книга публичных дел 35 / parengė A. Baliulis [et al.]. Vilnius : Versus aureus, 2005.
12. Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego / Opracowali i przygotowali do druku Janusz Woliński, J. Michalski, E. Rostworowski. Wrocław : Zakład imienia Ossolińskich : Wydawn. Pol. Akad. Nauk, 1955. Т. 2. Wrocław, 1959.
13. НГАБ. Ф. 1761. Воп. 1. Спр. 15.
14. *Glemža L.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų sąjūdis 1789—1792 m. Kaunas : Vytauto Didžiojo Univ. I-kla, 2010.
15. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. Ф. SA («Старажытныя акты»). Спр. 2481.
16. *Glemža L.* Instrukcijos miestų deputatams į lietuovs didžiosios kunigaikštystės apygardų miestų suvažiavimus 1791 m. // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai / Lietuvos istorijos institutas. Vilnius : Mokslas, 1988. Kn. 3 / red. kol. : A. Dubonis (pirmininkas) [et al.]. Vilnius : LI, 2001. P. 113—132.
17. НГАБ. Ф. 1718. Воп. 1. Спр. 4.

Рэнавацыйны прывілей Станіслава Аўгуста Гайне⁸

НГАБ. Ф. 149. Воп. 3. Сп. 5. А. 4—5 адв.

[арк. 4] Переводъ Прывилегій Гаенъской:

Во Имя Господне аминь. = Для вечной дела памяти.]

Мы Станиславъ Августъ Божею Милостию и согласіемъ | народа Король Польскій, великій Князь Литовскій, Рускій Пру|скій Мазовецкій, Самогицкій Кіевскій волинскій, Подольскій | Подляскій Лифляндскій Смоленскій Северскій и Черниговскій⁹ |

Объявляемъ симъ нашимъ дипломомъ возобновленія, всимъ въ | обще и всякому особенно, кому объ томъ знать надлежитъ. такъ | ныннешнаго, какъ и въ предъ будущаго века людемъ. Докладывано | намъ чрезъ Господь Советниковъ и Урядниковъ пры боку нашомъ | пребывающихъ: Именемъ ѳ по делу Шляхетныхъ Бургомистра | войта. Ратмановъ, Лавочниковъ¹⁰ и всего общества Города нашего | вольнаго Гайна въ воеводстве Минскомъ Лежашаго: что подь | владеніемъ предместниковъ нашихъ сіе местечко существо | свое имело, в доказательство чего представлено намъ казен|ной декретъ съ Мещанами Гаенскими, подь владеніемъ Сигмунта | третего. отъ 1600го Года, М(еся)ца Маія 2го дня произведенной | Экстрактномъ съ Метрыкъ великаго Княжества Литовскаго | сего 1792го Года М(еся)ца Маія 10го дня выписанный, верное суще|ство местечка Гайна означающий. Почему прошено насъ, дабы | Мы по силе всевысочайшаго начальства нашего, народowymi пра|вами намъ дозволеннаго; сходственно съ Конституцією на нынне|шномъ Сейме о Городахъ учрежденною: а именно подь Заглавіемъ | «Города нашы Королевскіе вольные въ областяхъ республики¹¹» | по силе коихъ позволено намъ, нетокмо старыннымъ городамъ пры|вилегій возобновленія, будебы оныя загинулы выдавать, но даже когда | бы на грунтахъ нашихъ Королевскихъ: какоелибо селеніе, людьми | вольными поселенное, въ поселеній своемъ изобразило видъ города. | въ ту пору нам Королю, Новую прывилегію Ліюкаціонную, съ на|даніемъ даже Земли, таковому селенію выдать власть оставлена. А понеже Местечко Гайно, существа своего верными | доказательствами

⁸ Вынасныя літары вылучаны курсівам. Скарачэнні раскрыты ў круглых дужках. Вялікія літары, знакі прыпынку і прабелы паміж словамі дадзены як у арыгінале. Кірылічныя літары, якія ў сённяшнім алфавіце не існуюць, заменены сучаснымі. Радкі аддзелены прамой лініяй, аркушы — дзвюма прамымі лініямі.

⁹ Усё ад пачатку вылучана больш вялікім шрыфтам, а «Мы Станіславъ Августъ» яшчэ большым.

¹⁰ Трэба «лавников».

¹¹ Рэчы Паспалітай.

выпробовало, и какъ Городъ упривилегированный Людьми вольными пополненося, и по тому изрядный | выдѣ¹² Города изображать zaczynaеть, а со временемъ прыстой|нейшой и обшырнейшой зделается можетъ; Оному Диплому | возобновленія, съ наданіемъ Городскихъ правъ, по примеру прот|чихъ упривилегированныхъ городовъ, выдать, къ вольному из|бранію Магистрата, по силе конституцій на нынешномъ Сейме | сочынненной, допистить¹³, отъ всякаго начальствія. Земянскаго | воеводинскаго, Старостинскаго Замковаго исключить, Юридики | всякіе чужые Духовные и Свецкіе, въ обмежованіи сего Города | находящыеся уничтожить, и оные подъ власть и начальство | Магистрату ||

[арк. 4 адв] Магистрату¹⁴ Гаинскаго поддаты, отъ тягостей самовольно | наложенныхъ освободить, и употребленія всякихъ свободъ пользы и | преимуществъ вольнымъ городамъ служащихъ дозволить соизво|лили: къ коему прошенію какъ сходному съ общимъ изаконе|ніемъ¹⁵ Мы Король¹⁶ благоскланяясь: въ следствіе выше имян|нованной Конституцій на нынешномъ Сейме учрежденной, | о Городахъ¹⁷; къ тому желая имяннованное Местечко Гайно | и его обывателей, въ вольностяхъхъ и преимуществахъ права|ми дозволенныхъ утвердить, оное вольными людьми купечест|вомъ и рукоделиемъ упражняющымыся умножить, и тимъ | образомъ сей городъ к лутчему порядку и состоянію довести | а умнающыыеся со временемъ доходы Республики¹⁸ прыбавить: | Имяннованной Городъ Гайно вольнымъ узнавъ, всякихъ обыва|телей въ ономъ Городе такъ нынне оседлыхъ, какъ и въ предъ | поселяющыыхся, а крепостно до никого ненадлежащихъ и | къ Городскому праву прысоединенныхъ Людьми вольными, | Землю въ обмежованіи сего города находящуюся, и черзь ихъ оседлую | ихъ дома, деревни, и прынадлежности, буде какіе къ онаму Го|роду Законно нынне належать, За ихъ собственность на|следственную прызнаемъ, что недолжно препятствовать | начатимъ а неоконченнымъ деламъ. всякихъ обывателей | имяннованного Города Гаинскаго, дворанскаго или мещан|скаго рода Людей, упражняющыыхся купечествомъ или руко|делиемъ, или шынкомъ¹⁹ питающыыхся, или какимъ небудь | промысломъ живущихъ, и въ ономъ городе такъ нынне по|местіе имеющыыхъ, какъ и въ предъ поселится могущыыхъ | какого бы небыли достоинства чына и Званія, начальству | Городовому, и Городскому Магистрату сегождъ города, да и рав|нымъ податямъ вольностямъ и преимуществамъ подвлас|тными иметь же-

¹² Трѣба «вид».

¹³ Трѣба «допустить».

¹⁴ «у» выпраўлена з «а».

¹⁵ Трѣба «узаконениемъ».

¹⁶ Абодва словы вылучаны больш вялікім шрыфтам.

¹⁷ Слова вылучана больш вялікім шрыфтам.

¹⁸ Рэчы Паспалітай.

¹⁹ Трѣба «шынком».

лаемъ, и имяннованное Местечко Гайно | въ месте съ его обывателями, отъ всякаго начальства Зе|мянскаго, воеводинскаго Старостинскаго Замковаго, по силе права нынне о Городахъ учрежденнаго иземляемъ, и что ни одынь | изъ обывателей сего города, ни въ какомъ деле, съ Городска|го ли владения, или, съ персональности последовавшомъ, | ни предъ какимъ общимъ судомъ, даже ни предъ Замковымъ | Старостинскимъ отвечать нестанеть, но только предъ | начальствомъ Городскимъ, по предписанію ныннешнаго уза|коненія, о Городахъ учрежденнаго, чрезъ оседлыхъ в томъ | Городе обывателей избраннымъ отвечать должень. Пред|писуемъ: А буде кто декретомъ начальства город|скаго Гаинскаго, шчытальбы себя обиженнымъ²⁰, въ ту | пору в апелляціонный судъ въ Городе Минске. ||

[арк. 5] для городовъ воеводства Минскаго, по ныннешнаго Сейму предп|санію, за окружной означеннымъ, или въ Судахъ нашихъ Задворныхъ | Ассесорскихъ, великаго Княжества Литовскаго, по роду дель въ узако|неній изображенныхъ, властенъ будетъ выносить апелляцію | Начальство же и Городскій Судъ, за начальство и определенія²¹ | сегожь Города, да и целой имяннованной Городъ Гайно²² негде | боля, какъ только передъ нами и судомъ нашимъ Задворнымъ | Ассесорскимъ великаго Княжества Литовскаго, по деламъ въ уза|коненій предписаннымъ, отвечать обязаны будутъ: Къ то|му, дабы сей городъ въ публичномъ рынке, Ратушу для совета | и Городскихъ Судовъ, да еще въ похожихъ на то местахъ, ятки | и лавки въ пользу города, и Городской Кирпичный Заводъ выстроили, оному дозволяемъ. Дабыже сей Городъ Гайно, такъ по | деламъ судебнымъ, какъ и подвластнымъ Городскому началь|ству, своимъ отличнымъ пользовался преимуществомъ, такой | оному Гербъ надаемъ, какой здесь начертень находится. тоестъ | Герой на Лошади, въ оружій и шышаке, въ правой руке обнажен|ную саблю держашый²³, съ надписю, Умереть или победить | есть мой Лозень за Отечество²⁴. Коего то Герба на печат|яхъ и всякихъ делахъ ономуже Городу употреблять | дозволяемъ. Какая же дань съ сего Города и Грунтовъ | къ оному прынадлежащихъ по праву прынадлежащ|ми окажутся, и оная определениемъ Судовъ нашихъ Зад|ворныхъ Ассесорскихъ великаго Княжества Литовскаго, во | исполненіе Законовъ по сему делу на ныннешномъ Сей|ме учрежденныхъ, въ денежной уплате определени будутъ: таковыя Магистратъ сего города, отъ обывате|лей избирать, и туда куда Законы повеливають вносить | Квитаций съ уплаченныхъ въ обще даннинъ, на имя | Города отберать будетъ: а кроме тыхъ: данинъ, како|вые общественные подати, по предписаній Законовъ состо|ять, или

²⁰ Трэба «обиженнымъ».

²¹ Трэба «определения».

²² Вылучана больш вялікім шрыфтам.

²³ Трэба «держашый».

²⁴ Увесь надпіс падкрэслены.

будуть означенны, таковыя въ казну Республики²⁵ | вносить сеиже Городъ обя-
занъ будеть: Протчыхъ всякихъ | свободъ вольностей и преимуществъ, каковые
общественнымъ узаконеніемъ Городамъ вольнымъ дозволены суть: | и каково-
му правленію сійже вольные Города касатель|но высочайшей власти, подвлас-
тенны быть должны, | всё то, въ вольномъ семъ Городе Гайне, Зделанно и | ис-
полнено иметь желаемъ: за и всякими преимуществами, такъ изъ народоваго
узаконенія а²⁶ особливо Кон|ституціовъ на Сеймахъ учрежденныхъ, какъ изъ
пра|ва Городскаго Магдебурскаго последовавшими Меща|намъ Гайнскимъ пол-
зуются дозволяемъ, и дабы въ томъ | отъ никаго ||

[а. 5 адв] отъ никаго, нималейшаго неимели препятствия остере|гаемъ: въ
чемъ для лутчей вероятности и вазности²⁷ | сию диплому рукою нашею подпи-
савъ: Печатью великаго Княжества Литовскаго скрепить велели. — | Дана въ
варшаве 20²⁸ дня М(еся)ца²⁹ Лета Господ|няго 1792го Панованія нашего 28го Года.
|Подлинная подписана тако: Станиславъ Августъ | Король Диплома возобнове-
ния Города вольнаго | Республики³⁰ Гайна въ воеводстве Минскомъ лежаща|го. —
Переводилъ философій Докторъ Иванъ Сухецкій³¹

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16 чэрвеня 2015 г.

²⁵ Рэчы Паспалітай.

²⁶ Выпраўлена з «и».

²⁷ Трэба «важности».

²⁸ Лічба прапушчана.

²⁹ Далей назва прапушчана.

³⁰ Рэчы Паспалітай.

³¹ Пад апошнім словам росчырк.

САЦЫЯЛЬНАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ БЕЛАРУСКАЙ САВЕЦКАЙ ВЁСКИ Ў 1921—1939 гг.

Аналізуюцца важнейшыя змены ў сацыяльнай структуры вясковага насельніцтва БССР у 1921—1939 гг. Вызначаюцца суадносіны «самадзейнага» і «несамадзейнага» насельніцтва. Прасочваюцца тэндэнцыі развіцця падаткаабкладання, працэсы дыферэнцыяцыі сялянства. Акрэсліваюцца падыходы ўладных структур да вызначэння такой сацыяльнай групы як «кулак». Аналізуюцца сацыяльная структура беларускай вёскі з пачаткам сучаснай калектывізацыі.

The article analyzes the changes in the social structure of the rural population of the BSSR in 1921—1939. The correlation of «economically active» and «non-active» population. The tendency of taxation processes and differentiation of the peasantry. Approaches are outlined authorities to defining a social group like a «fist». Analyzed the Belarusian village social structure at the beginning of complete collectivization.

Ключавыя словы: новая эканамічная палітыка; сацыяльная дыферэнцыяцыя сялянства; «самадзейнае» і «несамадзейнае» насельніцтва; індывідуальнае падаткаабкладанне; сацыяльная структура беларускай вёскі.

Keywords: new economic policy; social differentiation peasantry; «amateur» and «non-active» population; individual taxation; the social structure of the Belarus village.

Лёс сялянства Беларусі меў вызначальнае значэнне для захавання і развіцця беларускай нацыі. Бальшавікі, апынуўшыся ва ўладзе пры падтрымцы пераважнай большасці вясковага насельніцтва, вымушаны былі пэўны час захоўваць саюз з левымі эсэрамі, а пасля дэклараваць ураўняльнае размеркаванне зямлі ў першай Канстытуцыі РСФСР. Палітычныя сілы, што змагаліся за ўладу ў Беларусі, таксама ў сваіх праграмных дакументах адмаўляліся ад прыватнай уласнасці. Аднак адсутнасць абшчынных адносін акрэслівала перавагу тых сацыяльных груп, якія адстойвалі пазіцыю размеркавання зямлі згодна з працоўным прынцыпам.

Спроба бальшавікоў захаваць буйных вытворцаў збожжа праз трансфармацыю памешчыцкіх гаспадарак у савецкія, а часткова — у камуны і арцелі сустрэла жорсткае супрацьстаянне сялянства. Ва ўмовах заха-

Ходзін Сяргей Мікалаевіч — прарэктар па вучэбнай рабоце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, загадчык кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт. E-mail: skhodzin@mail.ru

вання харчовай развёрстка малаземелле абвастрала сацыяльныя супярэчнасці на вёсцы. Улада бальшавіцкай партыі апынулася пад пагрозай.

Урэшце бальшавікі вымушаны былі прызнаць не толькі доўгае існаванне сялянства як асобнага класа, але і неабходнасць уліку яго інтарэсаў. Такі падыход запатрабаваў значнай перапрацоўкі тэарэтычных палажэнняў, якімі кіравалася бальшавіцкая партыя. Важнейшым з іх стала прызнанне індывідуальнай гаспадаркі пры ўмове развіцця кааперацыі. Неакрэсленасць зместу новай эканамічнай палітыкі ў далейшым дазволіла абгрунтаваць адступленне ад марксісцкіх пастулатаў як планамерны рух да пабудовы сацыялізму. Але сутнасць новай эканамічнай палітыкі ў часы «Кароткага курсу...» адышла ад рыначных адносін, арыентаваных на гаспадарчы інтарэс, да нетаварных форм адносін паміж горадам і вёскай. Гэта дало магчымасць трактаваць X з'езд партыі як важнейшы рубаж на шляху рэалізацыі нэпа ў сельскай гаспадарцы.

Калі 1928—1929 г. акрэсліваюцца як перыяд згортвання і канчатковай адмовы ад нэпа, то 1921—1927 г. да нядаўняга часу вылучалі як пераважна аднародны па сваім змесце перыяд фарміравання і развіцця новай эканамічнай палітыкі. Але ўжо на рубяжы XX і XXI стст. М. А. Бяспалая вызначыла 1921—1923 г. як своеасаблівы для Беларусі этап гісторыі, што характарызаваўся развіццём беларускай дзяржаўнасці ў межах шасці павеатаў былой Мінскай губерні. Па меркаванні Марыі Аркадзьеўны, першае ўзбуйненне ў 1924 г. «выклікала пэўныя змены ў дзяржаўнай палітыцы» [1, с. 7]. Можна пагадзіцца з перыядызацыяй М. А. Бяспалай з улікам таго, што змест новай эканамічнай палітыкі не быў акрэслены і істотна змяняўся ў 1921—1922 г. У 1921—1923 г. у Беларусі складваліся перадумовы для разгортвання таварна-грашовых адносін. Адбываліся змены ў кіраўніцтве і палітыцы наркамата земляробства БССР (саюзна наркамат да 1929 г. адсутнічаў). Перыяд з 1924 г. амаль усе даследчыкі выразна атаясамліваюць з Д. Ф. Прышчэпавым (які фармальна быў зацверджаны на пасадзе наркама земляробства толькі ў 1925 г.). У той час рэалізаваліся магчымасці свабоднага выбару форм землекарыстання, арэнды і найму рабочай сілы. Урэшце, істотнае значэнне для фарміравання таварна-грашовых адносін і развіцця прыватнага інтарэсу мела стабільнасць грашовай рэформы. На пэўны, хоць і невялікі перыяд 1925/26 бюджэтнага года падатак быў зніжаны на 43 % у параўнанні з папярэднім бюджэтным годам (калі саюзныя органы ўстанавілі разрады ў сярэднім на 1/4 вышэй запланаванага) [2, с. 34].

Падатковая палітыка ў 1920-я гг. выступала важнейшым рэгулятарам сацыяльных адносін у вёсцы ў дачыненні да розных груп насельніцтва. У залежнасці ад аб'екта абкладання і спосабу выняткаў падаткі падзяляюць на прамыя і ўскосныя. Прамыя падаткі выплачваліся непасрэдна з даходаў ці маёмасці падаткаплацельшчыка. У 1920-я гг. да іх адносіліся падаходныя, сельскагаспадарчыя, прамысловыя і некаторыя іншыя выплаты. Менавіта прамыя падаткі вызначалі сутнасць падатковай палітыкі дзяржавы.

Ускосныя падаткі вызначаліся як надбаўка да цаны ці тарыфу. Афіцыйным суб'ектам плацяжу прызнаваўся ўладальнік тавару, а фактычным яго носьбітам з'яўляўся пакупнік. Нягледзячы на тое што ў 1920-я гг. перавага надавалася прамому падаткаабкладанню, налічвалася больш за 10 плацяжоў разам з мясцовымі зборамі. У якасці аб'ектаў падаткаабкладання вяскоўцаў выступалі землі, жывёла, іншая маёмасць, прыбытак. Пры гэтым структура плацяжоў, памер ставак і іншыя паказчыкі змяняліся на некалькі разоў на працягу года. Такое становішча не толькі не стымулявала вытворцаў сельскагаспадарчай прадукцыі, а, наадварот, выступала дэматывуючым фактарам. Падаткаабкладанне вёскі характарызувалася ў 1920-я гг. найперш эвалюцыйнай харчовага падатку: з 1922 г. ён стаў адзіным, з 1923 г. мог часткова выплочвацца грашыма, з 1924 г. — поўнасю ў грашовай форме. Пры гэтым калі ў 1924 г. прысутнічалі тры стаўкі падаткаабкладання, то ў 1928 г. уводзіўся прынцып параённага вызначэння ставак. Такі падыход дазваляў улічыць рэгіянальную спецыфіку, але па-ранейшаму перадвызначаў залежнасць памеру падатку ад пазіцыі сельскіх Саветаў. Другая палова 1920-х гг. у цэлым характарызуецца імкненнем дзяржавы павялічыць прыбыткі за кошт сялянства. У 1926 г. аб'ектам падаткаабкладання сталі другасныя сялянскія заробкі, а ў 1928 г. было ўведзена падаткаабкладанне заможных гаспадарак. Напрыканцы XX ст. (1993) Л. М. Сярпінскі зрабіў вывад аб тым, што такая падатковая палітыка падштурхоўвала селяніна да раздзелаў, каб быць бедным, і перадвызначыла прымусовую калектывізацыю [3].

Адной з важнейшых праблем развіцця беларускай вёскі было малазямелле. Імкненне беларускага селяніна да працы на зямлі вызначала іншыя формы прыбытку як спекулятыўныя. Складальнікі перспектыўнага плана аднаўлення сельскай гаспадаркі Віцебскай губерні пазначалі, што ў рэгіёне з 3 194 847 дзес. зямлі маецца толькі 2 718 450 зручных для апрацоўкі. «Аднак фактычна няўдобнай больш, — пісалі яны, — бо выкарыстоўваюць кожны кавалачак, прылескі і г. д.». Неабходна пазна-

чыць такую важную для вяскоўцаў акалічнасць, як пераход лясоў (сялянскіх) у дзяржаўны лясны фонд. Гэта не толькі істотна паменшыла сялянскае землекарыстанне, але і стварыла шмат цяжасцей па аднаўленні сялянскай гаспадаркі [4, л. 2, 6]. У выніку па Віцебскай губерні сяляне мелі зямлі на душу 1,439 дзес., на двор — 8,16 (з іх ворыўнай — 5,0, сенажаці — 2,0). Паралельна з працай па адшуканні запаснога фонду і дадатковага земленадзялення было прынята рашэнне аб абрэзцы, якое закранула больш-менш развітыя гаспадаркі, за кошт якіх данадзялялася бядняцкая частка вёскі. Адначасова ўстанаўліваліся максімальная і мінімальная нормы, разлічаныя асобна для кожнага сельскагаспадарчага раёна. Арэнда ў сялянскай гаспадарцы БССР у 1920-я гг., згодна са сцвярджэннямі А. М. Сарокіна [5, с. 128–137] і М. А. Бяспалай [2, с. 42], шырокага распаўсюджання не атрымала. У адрозненне ад Зямельнага кодэкса РСФСР 1922 г. беларускі Кодэкс БССР 1924 г. забараняў наём рабочай сілы арандатарам. У адпаведнасці з п. 30 Кодэкса арэнда дазвалялася толькі працоўная — арандатар павінен быў апрацоўваць зямлю выключна сіламі сваёй гаспадаркі [6].

Сялянская дробнатаварная вытворчасць залежала ад прыродных умоў, наяўнасці працоўных сіл у гаспадарцы, забяспечанасці інвентаром і рабочай жывёлай. Менавіта апошняе было першай і асноўнай задачай селяніна, без чаго набыццё тэхнічных прылад не мела сэнсу. Большая частка сельскагаспадарчай тэхнікі ў 1920-я гг. была арыентавана на вытворчасць збожжа і ў хлебаспажываючых раёнах СССР, у тым ліку БССР, не атрымала істотнага распаўсюджання [7, с. 10, 11]. Адным з важнейшых фактараў, што затрымліваў распаўсюджванне складанай сельскагаспадарчай тэхнікі, найперш трактароў, з'яўляўся прыродна-кліматычны. Таму наём і здача ў наём земляробчага інвентара ў Беларусі, па даных гнездавога перапісу 1927 г., з'яўляліся шмат ніжэйшымі, чым у РСФСР ці ва Украіне [8, с. 74].

Ступень прыцягнення вяскоўцаў да працы і характар сацыяльных узаемаадносін у сярэдзіне 1920-х гг. паказваюць вылучэнне самадзейнага і несамадзейнага насельніцтва. Паняцце «самадзейнае насельніцтва» прымянялася ў перапісах 1920—30-х гг. і ў міжнароднай статыстыцы працы да 1947 г. (зараз — «эканамічна актыўнае насельніцтва»). Да гэтай групы адносяць асоб, занятых вытворчай дзейнасцю, уключаючы тых, якія ў дадзены момант не маюць працы па незалежных ад іх прычынах. Да «самадзейнага насельніцтва» далучаюць таксама сезонных, замежных рабочых, дыпламатаў за мяжой і ваеннаслужачых [9].

Каб разумець сітуацыю, неабходна мець на ўвазе, што да самадзейнага адносяць не толькі тых, хто мае прыбытковы занятак (гаспадары, наёмныя работнікі), але і тых, хто на бязвыплатнай аснове ўдзельнічае ў сямейным прадпрыемстве (асобна пазначаны як «дапамагаючыя»). Ад колькасці ўсяго сельскага насельніцтва БССР у 1926 г. самадзейнае складала 2 759 635 чалавек (66,7 %), а несамадзейнае — 1 375 775 чалавек. Такім чынам, калі лічыць толькі гарадское насельніцтва, то на двух вяскоўцаў прыходзілася менш за аднаго чалавека, якога яны кармілі. Заўважна, што БССР згодна з рэгіянальнай спецыялізацыяй станавілася хлебаспажываючай рэспублікай. Пераважную ролю набываюць мяса-малочная вытворчасць і тэхнічныя культуры. Пры правядзенні перапісу 1926 г. да «самадзейнага» адносілі і тую частку насельніцтва, што мела ўласны заробак, але часткова спажывала сродкі сваіх блізкіх.

Асаблівую катэгорыю вясковага насельніцтва складалі асобы, якія працавалі па найме, найперш на пэўны тэрмін («тэрміновыя»). За два гады ў параўнанні з 1926 г. іх колькасць узрасла, але амаль выключна ў дачыненні да найму, які ажыццяўляўся сельскай грамадой [10, с. 30]. Гэта істотна змяняе аргументацыю на карысць росту прадпрымальніцкай часткі вёскі ў сярэдзіне 1920-х гг. Рост грамадска-групавога найму выклікаўся павелічэннем колькасці жывёлы, працэсамі землеўпарадкавання і зніжэннем празмернай нагрузкі на пастуха пад уплывам прафсаюза сельгаслесрабочых [11, с. 31]. У структуры наёмнай працы адпаведна скарачалася колькасць «палявых рабочых» і павялічвалася колькасць іншых. Пры гэтым такія працэсы адбываліся і пры індыўідуальным найме, галоўным чынам з-за пагрозы пазбаўлення выбарчых праў за эксплуатацыю наёмнай сілы [11, с. 32]. Змены ў структуры найму паўплывалі на дынаміку палавога і ўзроставага складу батрацтва і пастушаства. Паступова скарачалася колькасць жанчын і ўзрастала — мужчын, найперш з прычыны эканамічнай — непаўналетніх асоб (пастухоў, падпаскаў, сторажаў і г. д.) [11, с. 33, 34].

Вывучэнне сацыяльнай структуры ў вёсцы 1920-х гг. ускладняецца тым, што перапіс 1926 г. фактычна не ўлічваў заняткі па гаспадарцы і ўдзел у выхаванні дзяцей. Абсалютная большасць вяскоўцаў працавала ў сельскай гаспадарцы (99 %). Сярод астатніх груп можна вылучыць будаўнікоў, транспартнікаў, саматужнікаў, служачых, гандляроў. Неабходна адзначыць, улічваючы ўдзельную вагу групы насельніцтва да 19 гадоў, высокі ўзровень самадзейнага насельніцтва. Ён быў абумоўлены тым, што на вёсцы захоўвалася сталая традыцыя прыцягнення да ўдзелу ў

сельскагаспадарчых работах з маленства. М. В. Доўнар-Запольскі, характарызуючы ўдзел дзяцей у працы ў залежнасці ад узросту і полу, пісаў: «Дзеці з ранніх гадоў выконваюць тэя або іншыя гаспадарчыя абавязкі, і чым меншая сям’я, тым раней сялянскі падлетак знаёміцца з суровай працай. З пяці гадоў дзіця няньчыць сваіх маленькіх братоў і сясцёр, з 7—8 — ён ужо пастух, ідзе за возам і інш., з 12 гадоў для хлопчыка пачынаюцца пешыя практыкаванні ў земляробстве: ён заграбае сена, барануе, з 15 гадоў бярэцца за цэп, касу, а яшчэ гады праз два і за саху, так што да 20 гадоў ён ужо хлебароб, які прайшоў усе акадэмічныя курсы сялянскай гаспадаркі» [11, с. 24].

Па меркаванні часткі саміх вяскоўцаў, мелася толькі тры групы сялян. Такія сведчанні бачым у адной з лістовак (люты 1927 г.) в. Казіміраўка Рэчыцкага павета БССР, якая шмат цытавалася на розных партыйных і савецкіх форумах. «...Па-мойму, найбольш дакладным, адпавядаючым рэчаіснасці, — пісаў невядомы, — было б дзяленне сялян на такія групы: 1) сялян найбольш працоўных, што выбіваюцца з сіл; 2) сялян сярэдніх, якія не асабліва працуюць, і разумных; 3) на дурных і лайдакоў, што не жадаюць працаваць, а чакаюць падтрымкі ад улады, — беднякоў» [12, л. 430]. «Кулакоў няма, — сцвярджалі сяляне, — хто такі кулак? Як пада-так плаціць, дык мы — а як сход, дык для беднякоў» [13, л. 58].

Працэсы дыферэнцыяцыі, што адбываліся на вёсцы, сталі прадметам жорсткай ідэалагічнай барацьбы ў 1920-я гг., якая знайшла адлюстраванне не толькі ў літаратуры, але і ў партыйна-савецкім асяроддзі. Па гэтай прычыне неабходна асабліва ўважліва даследаваць верагоднасць звестак крыніц і літаратуры 1920-х гг. [14]. У прыватнасці, Д. Ф. Прышчэпаў імкнуўся даказаць адсутнасць «небяспечнай канцэнтрацыі зямлі ў кулака, як аб гэтым крычаць апазіцыянеры» [15, с. 25]. Пытанне аб дыферэнцыяцыі сялянства ў 1920-я гг. абмяркоўвалася не толькі ў партыйных кабінетах, яно стала прадметам вывучэння вядучых эканамістаў-аграрнікаў [16, с. 417, 426; 10].

У 1920-я гг. дзякуючы звесткам Наркамата фінансаў ЦСУ ўзнікла дастаткова магчымасцей для ўдакладнення даных. Аналізуючы іх, неабходна згадзіцца з большасцю даследчыкаў (найперш з М. Я. Стральцовым) у тым, што на працягу 1920-х гг. назіраліся працэсы асераднявання вёскі [17]. Пры гэтым нельга не заўважыць пэўнае зніжэнне землезабеспячэння на адну гаспадарку. Сітуацыя пагаршалася марудным аднаўленнем саматужнай прамысловасці, дзе вяскоўцы маглі б атрымаць дадатковыя заробкі, што пашырала працэсы адыходніцтва. Тра-

дыцыйныя яго цэнтры (Польшча і Рыга) сталі недаступнымі, у выніку актывізаваўся працэс перасялення ў Сібір [18, 9 зв., л. 32, 34—37].

На вясковых нарадах пры ЦК КП(б)Б у 1928 г. канстатавалася пашырэнне сярэдніх слаёў сялянства. Так, колькасць беспасяўных гаспадарак з 9,8 % у 1917 г. зменшылася да 1,4 % у 1926 г.; гаспадарак з надзеям больш за 8 дзес. знізілася з 19,5 % у 1917 г. да 7,3 % у 1926 г., а сярэднепасяўных — узрасла з 55,3 % у 1917 г. да 66,5 % у 1926 г. Пры гэтым удзельнікі вясковай нарады, што адбылася ў красавіку 1928 г., вымушаны былі канстатаваць тое, што «палітыку партыі сераднякі ў многіх выпадках не падтрымліваюць» [19, л. 9 зв.]. Заможнасць гаспадароў разглядалася як прыклад, а сераднякі нярэдка выступалі супраць ільгот «гультаям» [20, л. 20].

З 1928 г. заканадаўствам была вылучана група сялянскіх гаспадарак, што абкладалася падаткамі ў індывідуальным парадку. У дачыненні да класічнай трыяды «бядняк», «серадняк», «кулак» яна характарызавалася толькі падатковымі крытэрыямі. Промысламі найчасцей займаліся гаспадаркі, якія мелі недастатковы ўзровень забеспячэння зямлёй. Буйныя гаспадаркі арыентаваліся на земляробства. Сярэднепасяўныя імкнуліся атрымаць дадатковы прыбытак ад жывёлагадоўлі. Адсутнасць істотнага росту забеспячэння жывёлай дазваляе меркаваць, што гэты прыбытак яны павялічвалі за кошт памяншэння спажывання мяса-малочнай прадукцыі ў такіх сем'ях у параўнанні з буйнапасяўнымі гаспадаркамі [19, л. 34—37]. Акрэсліць прыбыткі дадзенай катэгорыі было вельмі складана, таму індывідуальнае падаткаабкладанне выступала пэўнай абмежавальнай формай для такога роду дзейнасці. Палітычныя вызначэнні «кулака» напрыканцы 1920-х гг. выглядалі больш шырокімі і ахоплівалі сферу не толькі эканамічных, але і сацыяльных узаемаадносін. Кулаком мог быць пазначаны бядняк ці серадняк, які, да прыкладу, выступаў супраць калектывізацыі. Паступова гаспадарка, якая абкладалася ў індывідуальным парадку, напачатку ў вачах мясцовых улад, а пасля і сялянства, бачылася кулацкай. Удзельная вага гэтай катэгорыі сялян на працягу разглядаемага перыяду няўхільна змянялася. Змяняліся і прыкметы індывідуальнага падаткаабкладання. Калі на мяжы 1920—30-х гг. галоўнымі з іх з'яўляліся арэнда зямлі, прымяненне наёмнай працы, наяўнасць складаных сельскагаспадарчых машын, млына, заняткі гандлем, ліхвярства ці наяўнасць іншых непрацоўных даходаў, то ў далейшым на першы план выйшлі «злоснае невыкананне» пэўных дзяржаўных абавязкаў і «спекуляцыя». Апошняя магла ўключаць самыя

розныя дзеянні найбольш актыўнай групы сялянства — ад продажу сваёй прадукцыі да перапродажу прамысловых тавараў. Такая гандлёвая дзейнасць у Беларусі не мела шырокага распаўсюджвання: у 1920-я гг. — з прычыны наяўнасці разгалінаванай сеткі прыватнага гандлярства, у 1930-я гг. — у большай ступені праз традыцыйнае адчужэнне сельскагаспадарчага насельніцтва ад падобнага роду дзейнасці. Заўважныя розныя адценні такой з’явы: для мясцовага сялянства сам занятак гандлем — справа нядобрая, а для дзяржавы дрэнным было тое, што сялянін здаваў прадукцыю не па дзяржаўных цэнах, а імкнуўся атрымаць прыбытак. Гэта не садзейнічала імкненню насельніцтва да прадпрымальніцкай дзейнасці і пашырыла працэсы міграцыі сялянства ў гарады [21].

Такім чынам, паняцце «кулак» у літаратуры дакладна не вызначана, яго змест трансфармаваўся на працягу першай паловы XX ст. Найчасцей да кулакоў адносілі заможных сялян, якія выкарыстоўвалі наёмную працу. На вёсцы так вызначаўся той, хто атрымліваў пераважную частку прыбытку не з зямлі, а з ліхвярства, гандлю і г. д. І ўсё ж, на наш погляд, нельга згадзіцца з Г. Ф. Дабраножанка ў тым, што неабходна адмовіцца ад паняцця «кулак» толькі на той падставе, што ў 1930-я гг. у яго ўкладваўся пераважна сацыяльна-палітычны змест [22, с. 28—41]. Кулак вызначаўся рэальным увасабленнем класавага ворага, эксплуатацыйнага ў сялянскім асяроддзі. Выяўленне прысутных яму характарыстык было незавершаным і змянялася ад абставін часу. Станавіліся іншымі і формы барацьбы ўлады з кулакамі: у другой палове 1920-х гг. пераважалі эканамічныя, а з 1930-х гг. пачалося фізічнае знішчэнне. Масавыя пратэсты сялянства падштурхнулі ўлады да барацьбы з перагібамі ў калектывізацыі і ў сферы падаткаабкладання. ЦВК і СНК СССР у сваёй пастанове ад 23 ліпеня 1930 г. пазначылі недапушчальнасць індывідуальнага падаткаабкладання сярэднякоў. Пад гэтым лозунгам у саюзных і аўтаномных рэспублік было адабрана права пашыраць у агульнасаюзным Палажэнні аб сельгаспадатку пералік прыкмет залічэння адзінаасобнай гаспадаркі ў шэрагі кулацкіх. Але істотнае змяншэнне ці знікненне такой катэгорыі вызначалася як адсутнасць класавай пільнасці.

Па сведчанні Л. М. Мазур, паняцце заможнасці мела значэнне толькі ў параўнанні з астатняй масай сялянства, ніжэй якой па ўзроўні жыцця знаходзілася хіба што шматмільённая армія ГУЛАГа [23]. «Знікненне кулака» прымушала шукаць яго нават сярод жабракоў. У дакладной запісцы АДПУ начальніка пагранатрада (Петрыкаўскі раён) пазначалася, што кулацтва праводзіла агітацыю, сумяшчаючы яе з папрашайніцтвам. За-

можнае сялянства ў такім выпадку выкарыстоўвала розныя стратэгіі выжывання. Здараліся выпадкі, калі, уступаючы гаспадаркай у калгас, частка членаў сям’і па-ранейшаму займалася адыходніцтвам і промысламі, захоўваючы істотны ўзровень прыбытку. Гэта, зразумела, выклікала зайздрасць у іншых членаў калектыву, паколькі з’яўлялася, па іх меркаванні, непрымальным. На пачатку 1930-х гг., у перыяд барацьбы з «перагібамі», такія выключэнні разглядаліся як помста правяраючымі камісіямі ЦК КП(б), і падобныя сітуацыі вызначаліся для выпраўлення [24, л. 165—169].

Для мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі патрэбны былі сродкі, і ўзяць іх магчыма было толькі з вёскі. Ва ўмовах недахопу машыннай тэхнікі ўзнікала патрэба ў вялікай колькасці танных рабочых рук. У далейшым стымуляванне калектывных гаспадарак (дазвол падсобнай гаспадаркі, спісанне запазычанасцей) суправаджалася наступам на аднаасобніка. Улады ўстанавілі адначасовы падатак на індывідуальныя гаспадаркі, пры гэтым неземляробчыя і рыначныя даходы ўключаліся ў абкладаемы даход. Мяса павінны былі пастаўляць усе аднаасобнікі, нават тыя, што не мелі жывёлы і птушкі [25]. Незадаволенасць ліквідавалася традыцыйным спосабам — выяўленнем і пакараннем «перагібаў» на месцах. Пры гэтым ужо выкарыстоўваўся папулярны ў далейшым тэрмін «шкоднікі».

Прыняцце ў лютым 1935 г. на II з’ездзе калгаснікаў-ударнікаў Прыкладнага статута сельскагаспадарчай акругі дало аднаасобнікам магчымасць пры ўступленні ў калгас спадзявацца на захаванне падсобнай гаспадаркі. У спалучэнні з наступам на індывідуальную гаспадарку гэта садзейнічала росту калектывізацыі ў многіх рэгіёнах, у тым ліку ў БССР [26, с. 45, 46].

Сацыяльнай структура грамадства, па меркаванні М. А. Безніна і Т. М. Дзімані, ускладнялася, выявілася ў фарміраванні пяці буйных сацыяльных груп, характэрных для калгасна-саўгаснай вытворчасці: протабуржуазія (якая мела найбольшыя правы ўласнасці на сельскагаспадарчыя рэсурсы — старшыні калгасаў, дырэктары саўгасаў і МТС), менеджары (упраўленцы і распарадчыкі рэсурсаў — брыгадзіры, якія кіравалі аддзяленнямі, і інш.), інтэлектуалы (уласнікі ведаў — аграномы, заатэхнікі, інжынеры-механікі і інш.), рабочая арыстакратыя (тыя, хто працаваў з тэхнікай — асновай той эканомікі, якая капіталізавалася, — трактарысты, камбайнеры, шафёры і інш.), сельскі пралетарыят (найбольш аддалены ад улады і ўласнасці) — «працаўнікі конна-ручнай працы» [27, с. 90—102].

У 1930-я гг. сельскія спецыялісты з-за сваёй малалікасці найчасцей аказвалі толькі кансультацыйныя паслугі. Старшыні калгасаў з прычыны традыцыйнага сялянскага недаверу да такога роду тэарэтыкаў-кансультантаў не прыслухоўваліся. А ў кіраўніцтве МТС найчасцей не было зацікаўленасці ў паспяховасці аграрнамічнай справы [28, с. 35]. Аднак з цягам часу роля і адказнасць сельскагаспадарчай інтэлігенцыі павялічваліся. З 1930-х да сярэдзіны 1950-х гг. інтэлігенты з'яўляліся служачымі і працавалі на ўмовах найму. На пачатку 1930-х гг. гэтая частка вяскоўцаў мела пашпарты і магчымасць свабодна перамяшчацца. Імкненне замацаваць кадры перадвызначыла ва ўмовах адсутнасці іншых эканамічных стымулаў інстытут «размеркавання» (1933). Выпускнікі ВНУ згодна з пастановай ЦВК і СНК СССР ад 15 верасня 1933 г. павінны былі адпрацаваць у пэўнай гаспадарцы не менш за пяць гадоў. Выпускнікі тэхнікумаў не мелі права паступаць у ВНУ, калі не адпрацавалі тры гады. Рэальная аплата працы ветэрынараў, заатэхнікаў, аграрномаў была вышэйшай, паколькі акрамя грашовай прысутнічала яшчэ і «натуральная» частка аплаты. Найперш гэта тычылася бясплатнага жылля, ацяплення і асвятлення. У другой палове 1930-х гг. ім была павышана зароботная плата, на іх была распаўсюджана дзяржаўная сістэма сацыяльнага страхавання [29].

Нягледзячы на пэўную сацыяльную адасобленасць, пры ўмове добрых адносін да сваёй справы, чуласці і прафесіяналізму сельская інтэлігенцыя інтэгралася ў вясковае асяроддзе. У такіх выпадках яна карысталася павагай і разуменнем сваёй працы. Істотнай з'яўлялася культурная складаючая гэтай сацыяльнай групы — яе прадстаўнікі больш чыталі, актыўна цікавіліся палітычнымі падзеямі. Што адносна адзення, то з часам яны набліжаліся да паўсядзённага выгляду сельскага жыхара. Зароботную плату напачатку атрымлівалі толькі рабочыя саўгасаў і некаторых камун. З другой паловы 1930-х гг. уводзіцца гарантаваная аплата працы ў арцелі: яе атрымліваюць асобныя са старшынь калгасаў (праз «цвёрдыя стаўкі» ў працоўных), калгасныя рахункаводы, прадстаўнікі «рабочай арыстакратыі» (трактарысты і інш.) [30].

Вызначаліся як павышаныя выплаты за перапрацоўку, так і спагнанні за недастатковы ўзровень дысцыпліны і якасці працы. З 1 студзеня 1934 г. аплату трактарных брыгадзіраў прапаноўвалася вызначыць адпаведна стаўцы 150 рублёў у месяц, у той час як у аплаце трактарыстаў захоўваліся змешаныя формы. Фіксаваную зароботную плату атрымлівалі ад дзяржавы з пачатку 1930-х гг. і сельскагаспадарчыя інтэлектуалы (агра-

номы, заатэхнікі і інш.), якія (за пэўным выключэннем) з’яўляліся на той час наёмнымі працаўнікамі дзяржаўных арганізацый [31, с. 104].

Такім чынам, мадэрнізацыя аграрнай сферы вытворчасці перадызначала ўскладненне сацыяльнай структуры грамадства, якая асабліва выявілася з пачаткам поўнай калектывізацыі вёскі.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Бяспалая М. А.* Беларуская вёска ў першыя гады нэпа (1921—1923). Мінск : Беларус. ун-т культуры. 1999.
2. *Бяспалая М. А.* Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады нэпа (1921—1927). Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009.
3. *Серпинский Л. Н.* НЭП: практика налогообложения крестьянства // Вестн. МГУ. Сер.: Экономика. 1993. № 5. С. 39—49; *Мерль Ш.* Аграрный рынок и новая экономическая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925—1928. Вена, 1981. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечеств. история. 1995. № 3. С. 101—135.
4. Народный комиссариат земледелия РСФСР // РДАЭ. Ф. 478. Воп. 2. Спр. 211.
5. *Сарокін А. М.* Арэнда зямлі ў Савецкай Беларусі (20-я гады) // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі : зб. арт. Мінск : БДУ : Ін-т гісторыі АН Беларусі, 1992. С. 128—138.
6. Земельный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики. Минск : Изд-во Агитпропа Белбюро ЦК РКП, 1924.
7. ЦСУ СССР. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР.
8. ЦУНХУ СССР. Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б). 2-е изд. М., 1932.
9. *Борисов А. Б.* Большой экономический словарь. М. : Книж. мир, 2003.
10. Батрачество и пастушество в СССР / Центр. стат. упр. СССР. М. : Статиздат ЦСУ СССР, 14-я тип. «Мосполиграф», 1929.
11. *Довнар-Запольский М. В.* Исследования и статьи [Электронный ресурс]. Киев, 1909. Т. 1 : Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. С. 14. URL: <http://books.google.com> (дата обращения: 10.09.2013).
12. Доклады, обзоры, справки, информации о состоянии партийно-массовой и культурно-просветительной работы в совхозах и колхозах БССР // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 4215.
13. Документы об итогах обследования работы предприятий БССР (протоколы, доклады, выводы и др.). 23 сентября — 23 декабря 1925 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 2292.
14. *Макаров Н. П.* Дифференциация крестьянского хозяйства // Пути сельск. хоз-ва. 1927. № 3. С. 103—111; *Челинцев А. Н.* К вопросу о дифференциации крестьянства // Пути сельск. хоз-ва. 1927. № 4. С. 114—115; *Чаянов А. В.* О дифференциации крестьянских хозяйств // Пути сельск. хоз-ва. 1927. № 5. С. 113—115.
15. *Прышчэпаў Зьм.* Дыферэнцыяцыя беларускай вёскі // Савец. будаўніцтва. № 11. С. 13—25.
16. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство : избр. тр. М., 1989.
17. *Стрельцов М. Е.* Социальные группы в крестьянстве Белоруссии к концу восстановительного периода : докл. конф. секций Научного совета по проблеме «История БССР». Минск, 1969.

18. Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26—1929/30 гг. (Утвержден Правительством). Минск : Наркомзем БССР, 1927.

19. Проект постановления ЦИК и СНК БССР о реорганизации окружного, районного, городского и сельского советского аппарата Витебского опытно-показательного округа, протоколы совещаний при отделе по работе в деревне ЦК КП(б)Б, заседаний Комиссии ЦСПСБ по работе в деревне, бюро фракции КП(б)Б ЦП профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих БССР и Белколхозсоюза, планы работы бюро и секретариата на январь — июнь, сентябрь — декабрь и отдела по работе в деревне ЦК КП(б)Б на июль — декабрь 1928 г., доклады о работе Суражского райкома КП(б)Б с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1928 г., итогах обследования работы Бобруйского, Горещкого и Черейского кредитных товариществ, сведения о перевыборах сельских и местечковых Советов БССР в 1929 г., сети колхозов по округам БССР на 1 декабря 1929 г., список секретарей совхозных и колхозных ячеек КП(б)Б на октябрь 1929 г. и др. док-ты // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 4211.

20. Документы о ходе подготовки и предварительных итогах весенней посевной кампании в Гомельском окр. (постановления, резолюции, протоколы, информация). 18 января — 25 мая 1928 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 4111.

21. СЗ СССР. 1928. № 24. Ст. 212; СЗ СССР. 1929. № 34. Ст. 301; СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886; СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886.

22. *Доброноженко Г. Ф.* Кто такой кулак : трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX — 20-х гг. XX в. // Стратификация в России: история и современность / отв. ред. Ю. М. Рапопорт. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 1999.

23. *Мазур Л. М.* Зажиточное и колхозное крестьянство: парадоксы социально-экономической дифференциации (по материалам Среднего Урала 1950—1960-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сес. симп. по аграр. истории Восточ. Европы. Вологда : ВГПУ : Русь, 2001.

24. Доклад комиссии ЦК КП(б)Б, выехавшей в Полоцкий район по проверке правильного исключения колхозников из колхоза // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 60.

25. СЗ СССР. 1934. № 40. Ст. 321, № 48. Ст. 370, № 49. Ст. 380.

26. *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933-й — первая половина 1935 г.) // Отечество. история. 1993. № 3. С. 35—55.

27. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930—1980-х гг. // Социс. 2011. № 11.

28. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930—1980-х гг. // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 1. Т. I : Гуманитарные науки. С. 29—41.

29. Постановление СТО СССР от 21 сентября 1933 г. № 827 [Электронный ресурс]. URL: www.sawmix.ru/SSSR/15555 (дата обращения: 10.12.2013).

30. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Становление «зарплатного» способа эксплуатации труда в российской деревне 1930—1980-х гг. // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 102—109.

31. Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сес. симп. по аграр. истории Восточ. Европы. Вологда : ВГПУ : Русь, 2001.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2015 г.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941—1944 гг.)

Рассматриваются основные направления и виды разведывательной работы органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Освещаются наиболее результативные разведывательные мероприятия на оккупированной территории Беларуси.

The article is devoted to main directions and types of state security bodies' intelligence activity during the Great Patriotic War. It covers the most successful intelligence campaigns being held on the occupied territory of Belarus.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; разведка; органы государственной безопасности; партизаны; партизанское движение; партизанские формирования.

Keywords: Great Patriotic War, intelligence; state security bodies; partisans, partisan movement; partisan detachments.

Добытию разведывательных сведений о намерениях противника с первых дней войны придавалось важнейшее значение. Уже 29 июня 1941 г. в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» НКГБ СССР помимо организации партизанских отрядов и диверсионных групп, борьбы со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок предписывалось приступить к организации разведывательной работы в тылу врага [11, с. 121—123].

Разведывательная информация должна была обеспечить руководство страны сведениями о военно-политическом положении на оккупированной территории и другими данными, необходимыми для принятия оптимальных решений. Командование Красной армии и руководство органов госбезопасности, а также штабы партизанского движения нуждались в сведениях, которые способствовали бы осуществлению успеш-

Шьманская Наталля Анатольеўна — аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: shima-777@mail.ru

ных боевых операций Красной армии на фронте, а также развертыванию борьбы с тыла фашистских войск в Беларуси. В частности, Красной армии требовались постоянные достоверные данные о резервах врага — живой силе и технике, дислоцировавшейся на оккупированной территории Беларуси, и их передвижении.

Со временем разведка приобретала более стратегическое значение, особенно в июле — сентябре 1942 г., когда через территорию Беларуси велось интенсивное передвижение германских войск в направлении Сталинграда и информация о них представляла огромную ценность для командования.

В приказе И. В. Сталина от 5 сентября 1942 г. № 00189 «О задачах партизанского движения» даны указания о создании партизанами в тылу противника мощной агентурной разведки, внедрении ее во все органы фашистского управления, сформированного ими на оккупированной территории, а также введении агентуры во все предприятия и коммуникации противника [12, с. 210, 211].

Для решения этих задач приказ требовал «партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной армии: 1) особо отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей; 2) непрерывно следить за местом расположения и за передвижением войск и грузов по железнодорожным и грунтовым дорогам, выяснять численность, род войск и нумерацию частей, количество и характер боевой техники, направление движения и время следования, устанавливать порядок и силу охраны воинских эшелонов и транспортов; 3) устанавливать точное место расположения войск и штабов, их наименование и нумерацию, а также учреждений и органов оккупационных властей; 4) разведывать аэродромы противника, устанавливать место их расположения, количество и типы самолетов, постоянно или временно базирующихся на данном аэродроме, аэродромное оборудование, вспомогательные и специальные автомашины, запасы горючего и масел, а также охрану аэродрома на земле и с воздуха; 5) организовать разведку городов и крупных населенных пунктов в целях установления количества войск в гарнизонах (численность

по родам войск, наименование, нумерация, командование); противовоздушной обороны; воинских складов и мастерских, военной промышленности; высшей военной и гражданской администрации; б) выяснять, где и какие оборонительные рубежи уже построены, их оборудование в инженерном отношении, вооружение, устройство связи, имеются ли там гарнизоны; 7) следить и точно фиксировать результаты бомбардировок нашей авиацией; 8) при всех возможностях захватывать приказы, донесения, оперативные карты и прочие документы противника.

Данные агентурной и боевой партизанской разведки незамедлительно сообщать Центральному штабу партизанского движения» [12, с. 210, 211].

Таким образом, разведывательная работа организовывалась в различных направлениях.

Создание Белорусского штаба партизанского движения (БЩПД) и формирование в октябре 1942 г. в его составе разведывательного отдела способствовали усовершенствованию разведывательной деятельности в тылу врага, структуры, форм и методов работы партизанской разведки. Разведотдел был укомплектован квалифицированными работниками из числа кадровых офицеров военной разведки и органов государственной безопасности. Первым важнейшим его мероприятием явилась разработка общего плана разведывательной работы на оккупированной территории Беларуси на ноябрь 1942 — апрель 1943 г. [9, с. 31, 32].

Большое внимание проблемам организации и ведения партизанской разведки и контрразведки уделил февральский (1943) пленум ЦК КП(б)Б, рассмотревший вопрос «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии». Пленум предложил бюро ЦК КП(б)Б направить в крупные партизанские соединения квалифицированных чекистов и разведчиков, которые должны оказать практическую помощь в организации разведывательной и контрразведывательной работы [9, с. 32, 33].

Требования к разведдеятельности в тылу противника особенно резко повысились весной 1943 г., когда советское командование, удерживая за собой стратегическую инициативу, наметило план боевых действий на летне-осенний период. В приказе «Об улучшении разведработы в партизанских отрядах» от 19 апреля 1943 г. вскрывались существенные недостатки в организации разведки в тылу врага (ограничение ее зачастую небольшой глубиной, не всегда умелое обобщение добываемых сведений) и ставилась задача регулярного и непрерывного обеспечения армии разносторонней и достоверной развединформацией [9, с. 33].

Выполняя приказ, партизанские разведорганы настолько активизировали свою деятельность, что с апреля 1943 по май 1944 г. численность агентов белорусских партизанских формирований выросла с 2 до 18 тыс. человек. В соответствии с этим документом на должности заместителей командиров партизанских формирований по разведке должны были назначаться квалифицированные специалисты, имевшие опыт разведывательной и агентурной работы [14, с. 276, 277].

23 апреля 1943 г. ЦК КП(б)Б в порядке реализации приказа от 19 апреля принял специальное постановление «Об усилении разведывательной и контрразведывательной работы в партизанских отрядах Белоруссии». Он обязал БШПД, подпольные областные комитеты партии и уполномоченных ЦК КП(б)Б по областям обеспечить организацию во всех бригадах и отрядах на должном уровне разведывательной и контрразведывательной работы, для чего в распоряжение подпольных обкомов КП(б)Б направлялась группа чекистов и во всех бригадах и отрядах вводилась должность заместителя командира по разведке [9, с. 34].

Большой вклад в организацию разведки партизан и подпольщиков Беларуси внесли разведывательно-диверсионные группы, сформированные и направленные на временно оккупированную территорию республики наркоматами внутренних дел и госбезопасности БССР и СССР.

Многие из них базировались в расположении партизанских бригад и отрядов, что давало им возможность маскировать свою работу в общей разведывательной деятельности партизан, облегчало связь с разведчиками, работавшими на вражеских объектах. Например, опергруппа «Юрий» НКГБ СССР дислоцировалась при 1-й Минской бригаде, спецгруппа «Кочубей» НКГБ БССР — при штабе Борисовского зонального соединения. Такая тактика вполне себя оправдала. Так, в Полоцком районе Витебской области спецгруппа под командованием А. И. Бабушкина, базировавшаяся при партизанской бригаде им. В. И. Ленина, сумела, опираясь на помощь местных жителей, выявить 3 фашистские разведшколы, 4 карательных формирования, 12 заброшенных в советский тыл диверсантов [14, с. 280].

Прибывшие в начале июля 1942 г. в партизанскую зону диверсионно-разведывательные отряды им. Дзержинского и «Вперед» также влились в ряды партизан. Перед ними стояла задача оказывать помощь местным партизанам, объединять мелкие группы и регулярно сообщать в Москву о боевых действиях всех партизанских отрядов. 6 июля 1942 г. на совещании партизанских командиров и комиссаров было принято

решение о создании объединенного координационного штаба всех партизанских сил зоны во главе с командиром отряда «Вперед» П. Г. Шемякиным, а также о введении в отрядах должности заместителя командира по разведке [10, с. 60—62].

Верховное главнокомандование требовало от ЦШПД, республиканских штабов партизанского движения и партизанского командования охватить разведывательной работой всю временно оккупированную врагом территорию, значительно улучшить качество разведки, повысить ее эффективность [9, с. 30].

Для активизации разведывательной деятельности в отдельных регионах Беларуси созывались специальные совещания, во время которых проходил профессиональный инструктаж всех участников разведывательной работы, что повышало ее качество. Так, 11 сентября 1943 г. такое совещание проводилось на базе спецгруппы НКГБ БССР «Медведева» в Полесской партизанской зоне. В нем принимали участие все руководители партизанской разведки. «Это совещание, — вспоминал руководитель спецгруппы «Медведева» Г. И. Слепов, — длилось два дня. На нем присутствовало около 40 работников партизанской разведки и контрразведки. Оно явилось своеобразным семинаром по их работе и положило начало организованной чекистской работе в области разведки. Все присутствовавшие товарищи высказали полное удовлетворение оказанной им квалифицированной помощью». С октября 1943 г. Г. И. Слепов вместе с другими оперативными работниками спецгруппы мог оказывать конкретную помощь партизанам с учетом складывающейся на Полесье обстановки [15, с. 60; 16, с. 64, 65].

Подобная практика сложилась и в других партизанских зонах. Это улучшало взаимодействие спецгрупп и отрядов органов госбезопасности с партизанами и повышало качество разведывательной работы.

Таким образом, с прибытием чекистов разведывательная деятельность партизанских формирований была несколько реорганизована и усовершенствована. Координация действий каждого партизанского отряда и ее согласование через штаб с планами соседей положительно сказались на результативности партизанских сил. Разведывательную работу возглавили профессионалы, что также повысило эффективность деятельности местных партизанских отрядов.

По мнению исследователя К. И. Доморада, к лету 1943 г. в подавляющем большинстве партизанских формирований, действовавших на территории Беларуси, были завершены организационное оформление

разведки и централизация руководства ею. В каждой партизанской бригаде был заместитель командира по разведке, который во многих случаях возглавлял и контрразведку, или начальник особого отдела, руководивший одновременно и разведкой [9, с. 25, 26].

В мае — июне 1943 г. организационная сторона разведывательной работы чекистских подразделений, действовавших в Беларуси, была в целом значительно укреплена, и развединформация стала поступать в Центр регулярно и в значительном количестве [15, с. 58; 16, с. 63].

Вместе с тем необходимо отметить и отдельные проблемы, имевшиеся при организации разведывательной работы в тылу врага.

В силу серьезных недостатков и упущений в подготовке органов госбезопасности БССР к действиям в случае войны на оккупированной территории сотрудники оказались в трудных условиях. Это было следствием общей ошибочной доктрины, предусматривавшей борьбу с агрессором лишь на вражеской территории, не допускавшей возможности захвата территории СССР. В результате организовать сразу и повсеместно активную разведывательную и иную боевую работу в тылу врага силами специальных групп и отрядов с участием сотрудников органов государственной безопасности оказалось сложным [15, с. 9; 16, с. 38].

Серьезной проблемой в начальный период войны было то, что партизанские формирования практически не имели раций для поддержания регулярной связи с Большой землей. Так, например, Герой Советского Союза Н. А. Михайлашев, направленный в тыл врага в начале июля 1941 г. в составе небольшого чекистского отряда с задачей поднимать население на вооруженную борьбу с захватчиками, в своих мемуарах указывал: «Быстро летели весенние дни и недели сорок второго года, а мы все еще не могли сообщить в Москву о своих делах: во всей партизанской зоне не было ни одной рации. В результате ценнейшие разведывательные данные, добытые нашими партизанами и подпольщиками, оставались мертвым капиталом» [10, с. 57].

Такая ситуация вынуждала руководство отдельных бригад и отрядов периодически направлять за линию фронта своих представителей с разведанными о противнике. Однако вид связи, применявшийся во время перехода линии фронта, был сопряжен с большими трудностями и требовал значительных временных затрат, в силу чего связь осуществлялась эпизодически и далеко не всеми партизанскими формированиями, тем более что она не всегда давала необходимый эффект, так как доставленные разведанные порой успевали потерять свою актуальность.

Еще одной проблемой была нехватка квалифицированных кадров при организации разведывательной деятельности в отрядах и бригадах, особенно в начальный период войны, в связи с чем велась работа по подготовке разведчиков. В частности, в декабре 1942 г. по решению Витебского подпольного обкома партии были проведены десятидневные курсы, на которых занималось 25 партизан. В ряде партизанских бригад Витебской, Минской, Могилевской и других областей в 1942—1943 гг. бойцы разведывательных подразделений изучали разведдело на занятиях по боевой и политической подготовке [9, с. 24].

В первый период войны агенты органов госбезопасности имели ограниченные возможности для сбора развединформации о противнике. Кроме того, результативность агентурной разведки была невысокой также потому, что агенты иногда получали неконкретные задания, у них не было достаточно прочных связей с местным населением, они не располагали необходимыми документами прикрытия. Агенты часто стремились выполнить задания самостоятельно, без помощи местного населения. Не имея документов прикрытия, они постоянно испытывали трудности в передвижении по оккупированной территории [14, с. 282].

Однако, несмотря на определенные проблемы, имевшиеся в начале войны, разведывательная работа постепенно была усовершенствована и начала давать ощутимые результаты. Штаб хозяйственной инспекции гитлеровской группы армий «Центр» в обзоре о последствиях партизанской деятельности за период с весны до осени 1942 г. вынужден был признать: «Повсюду сидят доверенные лица партизан, разведаппарат которых работает ошеломляюще быстро и надежно» [9, с. 17].

Основные усилия органов госбезопасности в тылу противника в годы войны были направлены на добывание разведывательной информации о планах фашистского командования, дислокации, численном составе и вооружении соединений и частей противника, пунктах расположения его штабов, аэродромов, баз и складов с горючим, оружием и боеприпасами, местах строительства оборонительных сооружений, о режимных, политических и хозяйственных мероприятиях немецко-фашистского командования и оккупационной администрации [13, с. 15, 16].

В этих целях использовалась как *агентурная разведка*, так и *разведка силами личного состава* спецгрупп и отрядов органов государственной безопасности, а также партизанских формирований.

Разведработа в тылу противника велась в различных направлениях. Исследователь А. К. Соловьев в зависимости от объекта разведки и осо-

бенностей ее ведения выделяет основные из них: на транспортных магистралях, во вражеских гарнизонах, на аэродромах, складах и базах.

Добывание информации *о работе железнодорожного, автомобильного, речного и гужевого транспорта*, необходимой для выявления замыслов противника и планирования деятельности советских войск, было одним из важнейших направлений разведывательной работы.

Так, спецгруппа «Северная», действовавшая в Вилейской области, сообщала о передвижении вражеских поездов и перевозимых грузах через станцию Сморгонь, передавала планы скопления техники, готовившейся к переправке на фронт [1, л. 58].

Для ведения разведки спецгруппы и отряды НКВД устанавливали связь с местными подпольщиками. Например, разведывательно-диверсионный отряд «Местные» под командованием С. А. Ваупшасова (псевдоним «Градов») в течение 1942—1943 гг. регулярно получал от подпольной группы, созданной в Минске К. Л. Матузовым, достоверные данные о продвижении воинских эшелонов противника к фронту в направлении Орши и характере перевозимых грузов [9, с. 204].

С помощью разведки воинских эшелонов собирались сведения о количестве и характере перевозимых грузов, направлении их движения. Добытые разведчиками графики прохождения воинских составов, данные о порядке охраны железнодорожных коммуникаций использовались при подготовке и осуществлении диверсий.

Командующие и военные советы фронтов, давая высокую оценку разведдеятельности чекистских органов, все чаще обращались в НКГБ за информацией о противнике. Так, командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский в телеграмме от 24 декабря 1943 г. поставил задачу НКГБ СССР собрать данные о мероприятиях противника в районах Минска, Бобруйска, Пинска, железнодорожных станций Старушки и Лунинец. С помощью агентурной разведки была собрана и передана информация о дислокации и передвижении немецко-фашистских войск, о строительстве оборонительных сооружений в полосе наступления 1-го Белорусского фронта [14, с. 283].

Не менее важной была *разведывательная работа во вражеских гарнизонах*, которые находились практически во всех городах, крупных населенных пунктах, во многих деревнях. В них располагались представляющие разведывательный интерес воинские и административные учреждения, узлы связи, военные склады и другие важные объекты противника. Разведчики органов государственной безопасности с помощью

партизан и местного населения вели наблюдение за всеми крупными гарнизонами, располагающимися на территории Беларуси, а порой и за ее пределами.

Постоянный интерес представляла развединформация *об авиации противника, местах ее базирования и состоянии военной техники.*

В результате разведывательной работы на оккупированной территории Беларуси на основании добытой информации об авиации неприятеля были составлены схемы и планы практически всех наиболее крупных аэродромов и посадочных площадок гитлеровцев. Серьезную помощь в этой работе спецгруппам оказали партизаны и местное население [15, с. 74; 16, с. 76].

Исключительно важная информация о противнике, его военно-воздушных силах на центральном участке советско-германского фронта была получена разведкой партизанской бригады «Дяди Коли» под командованием П. Г. Лопатина в мае — июне 1943 г. от подпольщиков. Руководитель колодищенской подпольной партийно-комсомольской организации М. Ф. Малакович вместе с подпольщицей А. С. Старостиной и партизанкой-разведчицей Г. В. Финской в течение месяца «подбирали ключи» к инженеру связи немецкого штаба военно-воздушного округа «Москва», созданного фашистским командованием на центральном направлении советско-германского фронта и обслуживавшего группу армий «Центр», обер-лейтенанту Карлу Кругу. Он занимался сооружением в Колодищах радиотелеграфных средств связи округа и проживал в офицерском общежитии гарнизона Уручье. Подпольщицы В. Табулевич и В. Власова, работавшие в этом общежитии уборщицами, установили, что К. Круг регулярно слушает радиопередачи из Москвы на немецком языке и иногда в беседах с ними выражает антифашистские пораженческие настроения. Об этом через Г. В. Финскую немедленно было поставлено в известность командование партизанской бригады «Дяди Коли» [9, с. 139].

Вскоре М. Ф. Малакович получила от командира бригады П. Г. Лопатина задание установить более тесные контакты с К. Кругом и попытаться как можно скорее добыть через него немецкий противогаз новейшего образца. Верховному главнокомандованию было известно о подготовке Германии к химической войне, и ЦШПД и БШПД поставили перед партизанскими формированиями задачу добыть новый немецкий противогаз и, если представится возможность, образцы химического оружия [9, с. 139, 140].

Табулевич и Власова, ежедневно видевшие Круга в офицерском обществе, устроили ему встречу с Малакович в крестьянской избе недалеко от Колодищ. В беседе с Малакович Круг сообщил о себе некоторые данные. До прихода Гитлера к власти он был членом Союза социалистической рабочей молодежи, имеет университетское образование, по специальности инженер электротехники и точной механики. С 1935 г. служит в системе связи военно-воздушных сил Германии. В 1940—1942 гг. находился на Западном фронте, в октябре 1942 г. переведен на службу в штаб военно-воздушного округа группы армий «Центр» [8, с. 226, 227].

По поводу встречи с М. Ф. Малакович К. Круг впоследствии писал: «Добрались до деревни, вошли в крестьянскую избу. Хозяйку, худощавую женщину среднего роста, звали Елизаветой. Из-за стола поднялась другая женщина по имени Марина. Разговор шел в атмосфере настолько доверительной, что казалось, будто встретились хорошие друзья. Говорили об ужасах войны и, естественно, о Советском Союзе, о коммунизме. Я выглядел как ученик на экзамене. Мои знания по сравнению со знаниями этой молодой женщины были мизерными. Одно объединяло нас: ненависть к фашизму и страстное желание приблизить его разгром. Я выяснил, в каких сведениях нуждаются партизаны, и пообещал помочь» [9, с. 140, 141].

Встреча Круга с Малакович закончилась тем, что немец заявил о своем твердом намерении перейти на сторону партизан.

10 мая 1943 г. К. Круг, прихватив два портфеля секретных документов штаба военно-воздушного округа «Москва» и противогаз новейшего образца, только что выданный всем штабным офицерам, под предлогом встречи со знакомой девушкой (из портфеля были видны бутылки с вином) выехал на легковой машине из гарнизона Уручье в д. Старина Минского района. Чтобы не вызвать подозрений, выехал вместе с Табулевич и Власовой, как это иногда делал раньше. Когда Круг отправил машину, к нему подошли Малакович, Старостина и Финская, и все вместе они направились в лес. Их встретило отделение партизан-разведчиков бригады «Дяди Коли» под командованием И. К. Автушенко, которое было выделено для охраны и сопровождения Круга. Малакович и Старостина возвратились в Колодищи, а Круг, Финская, Табулевич и Власова вместе с отделением партизан почти неделю добирались через леса и болота к месту дислокации бригады — в район озера Палик [9, с. 141].

Исчезновение Круга вызвало в гарнизонах Колодищи и Уручье сильный переполох и растерянность. Из опроса местного населения гитлеровцы установили, что инженер связи вместе с девушками ушел на прогулку в лес. Полагая, что он находится вблизи Колодищ, немцы более суток с овчарками прочесывали окрестные леса и кустарники. Поиск был прекращен лишь тогда, когда прибывшее из Минска военное начальство пришло к выводу, что Круг схвачен партизанами [9, с. 141].

В связи с начавшейся во второй половине мая 1943 г. карательной операцией «Коттбус» против партизан отправка Круга в советский тыл самолетом с Бегомльского партизанского аэродрома осложнилась. Поэтому наиболее важная информация, имевшая стратегическое значение, которую он сообщил руководству партизанской бригады, была немедленно передана по радию в Центр и 23 мая 1943 г. представлена в Государственный Комитет Оборона СССР. Самого же Круга вместе со всеми документами и противогазом удалось отправить только 13 июня со срочно оборудованной на обширной поляне вблизи д. Домжерицы посадочной площадки [9, с. 141, 142].

В Наркомате государственной безопасности СССР Карл Круг сообщил достоверные данные о подготовке германскими войсками крупномасштабного наступления в районе Орла и Курска с применением новейшей техники — танков «Тигр» и самоходных штурмовых орудий «Фердинанд». Кроме того, он предоставил информацию о дислокации 32 аэродромов военно-воздушных сил группы армий «Центр» (17 действующих и 15 строящихся), сосредоточении на них около 1000 боевых самолетов и системе противовоздушной обороны, подтвердил, что штаб ВВС Центрального фронта находится в Орше. Определенную ценность имели представленные им чертежи и секретные инструкции по радиотелеграфной службе военно-воздушного округа «Москва», схема устройства засекреченной центральной радиостанции военно-воздушных сил в районе Уручья, корректировавшей радиосигналами полеты самолетов для бомбардировки военных и промышленных объектов в советском тылу [9, с. 142].

К началу освобождения Беларуси разведка чекистских подразделений располагала достаточно полными сведениями, характеризующими взлетно-посадочные полосы, командные пункты, метеорологические службы аэродромов, жилые и служебные помещения летного и технического состава, склады и бензохранилища, постоянно уточняя и дополняя добываемую информацию. Имели место случаи разведки аэро-

дромов с момента начала их строительства и на протяжении всего времени их эксплуатации гитлеровцами [15, с. 74; 16, с. 76].

Важной частью разведывательной работы чекистов Беларуси была *разведка воинских складов и баз*. Постоянное наблюдение за выявленными хранилищами с военным имуществом, вооружением, боеприпасами, горюче-смазочными материалами давало возможность прогнозировать намерения оккупантов. Кроме того, данная информация использовалась для совершения диверсий на указанных объектах.

Объем информации, переданной из Беларуси спецгруппами и отрядами, был весьма значительным. Накануне освобождения Минска спецгруппа «Охотники» в шифрограмме от 24 мая 1944 г. подробно сообщала о нескольких складах с боеприпасами и бензоскладе, расположенных в окрестностях Минска. Спецгруппа «Активные» разведала базу горючего в подземных резервуарах в Красном Урочище и склад боеприпасов около д. Тростенец. Спецгруппой «Болотные» выявлен большой склад с боеприпасами в районе м. Ганцевичи площадью более 2 км². Крупные склады боеприпасов в районе Лиды установила спецгруппа «Западные», склады с бензином — спецгруппа «Отважные» и т. д. [15, с. 78, 79; 16, с. 79, 80].

Спецгруппы и отряды вели также постоянное наблюдение за складскими помещениями, которыми распоряжалась ранее Красная армия, и информировали Центр об использовании их оккупантами.

Разведка складов боеприпасов и горючего по сравнению с другими направлениями разведывательной работы была более сложной и сопряжена со значительными трудностями. Это обстоятельство обуславливалось тем, что указанные хранилища располагались, как правило, в местах малонаселенных, в лесных массивах, в заболоченных местностях, в других труднодоступных местах. Лица, появляющиеся в окружении объекта, вызывали подозрение и подвергались порой угрозе расстрела на месте. В связи с этим разведка чаще всего осуществлялась через людей, имевших доступ к данным складам (охранник, грузчик).

Таким образом, спектр объектов разведывательного интереса органов государственной безопасности и партизанских формирований был весьма широк. Серьезная работа органами госбезопасности проводилась по добыванию информации о новом вооружении и технике противника. В частности, спецгруппами и отрядами НКГБ были получены достоверные сведения о новых танках «Тигр» и «Пантера», которые перевозились по территории Беларуси к фронту.

Полученная оперативными группами разведывательная информация о дислокации немецко-фашистских войск, расположении военных предприятий, местах строительства оборонительных сооружений, характере оккупационного режима и политико-моральном состоянии населения в захваченных противником областях Советского Союза докладывалась в Государственный Комитет Оборона, ЦК ВКП(б), командованию и военным советам фронтов [14, с. 284—286].

Разведывательная работа — особый вид деятельности, требующий специальной подготовки и особых умений и навыков. Михаил Ильич Четвериков, работавший до войны в органах НКВД БССР, был командиром разведки сначала партизанского отряда «Боевой», а затем бригады «За Родину» им. А. К. Флегондова, действовавшей в 1943—1944 гг. на территории Минской и Брестской областей. В своих воспоминаниях он пишет: «Жизнь, сама действительность, походные будни устраивали каждому из нас буквально ежедневный экзамен: можешь ты быть разведчиком или не можешь? Если не можешь — переходи в другое подразделение, воюй, сражайся, но не в разведке! Потому что от разведчиков, от каждого из них ежеминутно зависит не только боеспособность, но и дальнейшая судьба всех его боевых товарищей, всего отряда! Готовеньких, прирожденных разведчиков, к сожалению, не бывает. Их приходится искать и находить среди десятков, иногда сотен рядовых партизан, а потом воспитывать и обучать нашему отнюдь не простому и не легкому делу» [9, с. 52; 17, с. 48].

Помимо добывания вышеуказанных сведений велась разведывательная работа по выявлению вражеских агентов в партизанских формированиях, собиралась информация о пособниках оккупантов в местной немецкой администрации [2, л. 147—150; 3, л. 7—25; 4, л. 46, 79—81; 5, л. 79].

Так, командование Пинского партизанского соединения в июле 1943 г. требовало от всех командиров, комиссаров и начальников особых отделов бригад «увеличить сеть осведомителей и агентурной работы... Сетью охватить все населенные пункты, немецкие учреждения и гарнизоны противника... Выявлять всех лиц, находящихся на службе немецкого фашизма: полицейских, добровольцев, бургомистров и лиц, работающих в немецких учреждениях...» [6, л. 1]. В связи с активизацией деятельности немецких контрразведывательных служб по расширению агентурной сети в партизанских отрядах в декабре 1943 г. рекомендовалось «путем усиления агентурной и боевой разведки выявлять и

вылавливать агентов и шпионов, находящихся в гарнизонах противника, а также засланных в партизанские зоны» [7, л. 24].

Таким образом, на оккупированной территории Беларуси добывались важные сведения, которые использовались командованием чекистских подразделений и партизанских отрядов как в интересах собственной деятельности, так и для обеспечения руководства страны сведениями, необходимыми при планировании действий советских войск. Можно констатировать, что разведывательная деятельность органов государственной безопасности велась в различных направлениях и приносила весомый результат. Однако она не смогла бы быть эффективной без взаимодействия с партизанами и без помощи местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Минской области (ГАМн). Ф. 4233. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАМн. Ф. 622. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАМн. Ф. 623. Оп. 1. Д. 187.
4. ГАМн. Ф. 625. Оп. 2. Д. 34.
5. ГАМн. Ф. 635. Оп. 2. Д. 3.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 12.
7. НАРБ. Ф. 1407. Оп. 2. Д. 27.
8. *Борисов И. С.* «Сатурн» на ладони: о разведке и разведчиках. Минск : Беларусь, 1994.
9. *Доморад К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941—1944 гг. / под ред. И. М. Игнатенко. Минск : Навука і тэхніка, 1995.
10. *Михайлашев Н. А.* Буря гнева. Записки чекиста. Минск : Беларусь, 1971.
11. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. Т. 2, кн. 1 : Начало (22 июня — 31 августа 1941 г.). М. : Русь, 2000.
12. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. Т. 3, кн. 2 : От обороны к наступлению (1 июля — 31 декабря 1942 г.). М. : Русь, 2003.
13. ОНАЗ. От бригады особого назначения — к «Вымпелу». 1941—1981 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
14. *Попов А. Ю.* Спецназ НКВД в тылу врага: диверсанты Сталина. М. : Эксмо : Яуза, 2013.
15. *Соловьев А. К.* Они действовали под разными псевдонимами / под ред. С. М. Симонова. Минск : Навука і тэхніка, 1995.
16. *Соловьев А. К.* Хроники тайной войны : исторические материалы. Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2011.
17. *Четвериков М. И.* Разведка ведет поиск // Рейдовая в походе. Воспоминания партизан-флегондовцев / сост. Ф. Ф. Тараненко. Минск : Беларусь, 1984.

О. В. БРИГАДИНА

О ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫМ ОБЕЩАЛИ ЖИЗНЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

Рассказывается о феномене поколения советских людей, которым была обещана жизнь при коммунизме. Анализируется концепция «развернутого строительства коммунизма» как образец официального мифотворчества. Описываются условия труда, уровень заработной платы, жилищно-бытовые условия, культурные запросы, предметный мир различных социальных групп советского общества.

The article attempts to understand the phenomenon of generations of Soviet people, who had been promised life under communism. The concept of «full-scale construction of communism» as an example of the official myth-making is analyzed. The article the working conditions, wages, living conditions, cultural questions, the objective world of different social groups of Soviet society are described.

Ключевые слова: коммунизм; новый человек; общественные фонды потребления; предметный мир; социальная дифференциация.

Keywords: communism; a new man; the social consumption funds; the objective world; the social differentiation.

В предисловии к книге «Время секунд хэнд», завершающей художественно-документальный цикл «Голоса Утопии», С. А. Алексиевич писала: «У коммунизма был безумный план — переделать “старого” человека. И это получилось... За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип — *homo soveticus*... Все мы, люди из социализма, похожие и непохожие на ос-

Брыгадіна Вольга Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук. E-mail: brigadinaol@mail.ru

тальных людей — у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках... Государство стало их космосом, заменило все, даже собственную жизнь... Отец вспоминал, что он лично в коммунизм поверил после полета Гагарина. Мы — первые! Мы все можем! Я тоже помню: после школы мы собирались всем классом поехать на целину... до слез жалели, что революция, гражданская война — все случилось без нас. Мы были люди с одной коммунистической памятью. Только советский человек может понять советского человека... Разочарование пришло позже» [1, с. 7—9].

Идеологические ориентиры. В качестве главных политических вех «славного десятилетия Н. С. Хрущева» рассматриваются XX—XXII съезды КПСС. После XX съезда партии (февраль 1956 г.) начались процессы десталинизации в обществе, реабилитация приобрела массовый характер, восстановлена автономия депортированных народов и многое другое. На внеочередном XXI съезде КПСС (январь — февраль 1959 г.) было заявлено о вступлении СССР в период развернутого строительства коммунизма. Общество получило хотя и утопическую, но привлекательную программу действий: достичь в стране такого объема производства продукции на душу населения, который обеспечил бы самый высокий уровень жизни народа, и таким образом одержать «всемирно-историческую победу социализма в мирном соревновании над капитализмом» [6, с. 270]. XXII съезд (октябрь 1961 г.) продолжил советское официальное мифотворчество. Концепция «развернутого строительства коммунизма» стала ядром третьей программы КПСС, принятой на съезде.

Символом наступавшей новой эпохи стал построенный в Москве Кремлевский дворец съездов. Наступление коммунизма признавалось неизбежным общемировым законом, утверждалось, что к светлому будущему рано или поздно придут все народы. Строительство коммунизма в программе КПСС рассматривалось как сложный и многогранный процесс, охватывающий все стороны жизни общества: экономику, политику, социальную структуру, идеологию, культуру. Была сформулирована сущность «коммунистического рая»: «это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества... все источники общественного богатства польются полным потоком, и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и созидательных тружеников, в котором утвердится

общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [12, с. 274]. Построение коммунизма в СССР КПСС связывала с решением «триединой задачи»: созданием материально-технической базы нового общества, развитием коммунистических общественных отношений и воспитанием нового человека. В первое десятилетие (1961—1971 гг.) предполагалось опередить США по производству продукции на душу населения, а к 1980 г. намечалось создать изобилие материальных и культурных благ для всего населения. Однако уже к середине 1970-х гг. пафос выветривался, коммунизм, по образному выражению А. М. Буровского, «напоминал проткнутую автомобильную шину или баню, из которой вышел пар» [4, с. 260].

Очердным идеологическим ориентиром для советского общества стала концепция «развитого социализма», которая была закреплена в Конституции СССР 1977 г. Причем стратегическая цель государства — построение бесклассового коммунистического общества — не подвергалась сомнению. Однако несоответствие официальных установок реальному положению дел в стране в 1970—80-е гг. становилось все более очевидным. В этот период началась открытая борьба с инакомыслием, сформировалось диссидентское движение, ужесточился контроль во всех сферах жизни населения. Происходило это на фоне триумфальной атмосферы партийных съездов, военных парадов, торжественных официальных церемоний, расширения номенклатурных привилегий. Напряжение в обществе постепенно возрастало.

С избранием в ноябре 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем Ю. В. Андропова появились новые ориентиры. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», говоря о переходе к коммунизму, Ю. В. Андропов заявил: «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа», а в частном порядке высказывался более радикально: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся» [2, с. 20].

Экономические ресурсы страны для строительства коммунизма были ограничены, если не сказать недосыгаемы. Создание материально-технической базы новой общественной формации предполагало: полную электрификацию и комплексную механизацию всех производственных процессов, развитие новых эффективных отраслей, рациональное использование трудовых и материальных ресурсов, высокий культурно-

технический уровень трудящихся, экономический расцвет колхозного строя и т. д. Однако на рубеже 1950—60-х гг. налицо были явные провалы в государственной экономической политике. План шестой пятилетки выполнить не удалось, в результате он был пересмотрен и разработан новый семилетний план развития народного хозяйства (1959—1965). Для его реализации началось развитие ускоренными темпами прогрессивных отраслей, прежде всего химии, наращивание энергетических мощностей, создание нового оборудования, вовлечение в хозяйственный оборот вновь открытых природных ресурсов. Особое значение придавалось новым административным реформам в сфере управления. В целом советское индустриальное общество было крайне несбалансированным. Сориентированная на добычу сырья и производство вооружений, разбросанная по огромной территории промышленность оказалась слабо восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса. Использование традиционных административных методов в сфере трудовых отношений отрицательно сказывалось на стратегиях поведения населения, становилось условием для роста социальной напряженности. Свидетельством полного провала внутренней политики Н. С. Хрущева явились трагические события в Новочеркасске (июнь 1962 г.), дефицит продовольствия, введение карточной системы распределения основных продуктов питания во многих городах страны.

Не внушало оптимизма состояние сельского хозяйства. Из воспоминаний советского экономиста академика Е. С. Варги: «Колхозное крестьянство саботирует работы на общественной земле и прежде всего обрабатывает свои небольшие земельные участки. Крестьяне воруют в колхозе все, что могут: корма, дрова, удобрения. Они сознательно оставляют часть урожая колхозного зерна, картофеля, свеклы, кукурузы неубранными в надежде позже использовать их для своего скота. Система такова, что у трудящихся нет никакой — ни материальной, ни моральной — заинтересованности в росте производства в общественном хозяйстве... Ход рассуждений высшей бюрократии примерно таков: мы — избранная часть общества... мы ответственны за советское государство... Мы, политики, понимаем все лучше других людей... Мы должны... мы призваны... мы определяем...» [12, с. 85, 86].

Временный экономический эффект был связан с реформами 1965 г., поддержанными А. Н. Косыгиным и рядом ученых-экономистов. Оживить производство намечалось интеграцией в планово-директивную экономику таких экономических рычагов, как цена, прибыль, кредит,

премия. На некоторое время прекратилось падение темпов промышленного производства, а восьмая пятилетка (1965—1970), по мнению многих экспертов, стала наиболее удачной за годы советской власти. Окончательный отказ от «косыгинской реформы» состоялся на Пленуме ЦК КПСС (декабрь 1969 г.). Система возвращалась к исключительно административным методам (укрепление дисциплины, жесткий режим экономии ресурсов, четкая вертикаль управления экономикой и т. п.). Несмотря на значительные изменения в мировой экономике, в СССР технократические идеи вступили в противоречие с идеологическим контролем и «“бастионами советской бюрократии” — министерствами и ведомствами» [9, с. 275].

В 1970-е — начале 1980-х гг. экономическая ситуация в стране стабилизировалась за счет продажи за границу нефти и газа. В связи с мировым энергетическим кризисом доходы СССР от экспорта сырья выросли за десять лет на 272 %. Только от продажи нефти государство получало ежегодно около 16 млрд долл. США [9, с. 318]. Однако добывать топливо в северных районах страны становилось все труднее. С 1984 г. объемы добычи начали снижаться. «Нефтедоллары» тратились расточительно. На валюту закупали товары народного потребления, продукты, машины и оборудование, которое не всегда использовалось эффективно. Значительная часть бюджетных средств «замораживалась» на складах и так называемых «долгостроях» (незавершенных строительных объектах). Большая часть советской продукции была неконкурентна на Западе. Многочисленные программы (Продовольственная программа, Программа освоения Нечерноземной зоны РСФСР, Комплексная программа научно-технического прогресса), целевые и долгосрочные проекты не давали необходимого результата.

Низкая эффективность экономики, кроме прочего, подрывалась участием в гонке вооружений, расходами на содержание огромной армии, атомного арсенала, военных баз в Европе и Азии, поддержкой «прогрессивных» режимов в развивающихся странах, войной в Афганистане. К середине 1980-х гг. стагнация проявлялась во всех сферах общества.

Образ коммунизма в массовом сознании. По мнению Б. А. Грушина, общественное мнение, «как зеркало жизни», дает возможность судить о различных фактах действительности: говорить о том, каковы в обществе экономика, политика, культура, быт, мораль; выяснить, с какими проблемами общество сталкивается, как их решает и т. д. При этом часто проявляется «неготовность самого народа» к восприятию и поддер-

жке происходящих цивилизационных изменений [6, с. 6, 7]. Различные слои населения по-своему реагировали на происходившие в СССР процессы, в основном стараясь приспособиться и использовать те возможности, которые предоставляла жизнь. Можно выделить по крайней мере два образа коммунизма в сознании населения: на рубеже 1950—60-х гг. преобладало представление о «светлом будущем»; позднее доминировало мнение, лаконично выраженное в «самом коротком анекдоте: коммунизм» [11, с. 475]. Наличие «оптимистического» и «скептического» взглядов нашло подтверждение в литературе, воспоминаниях современников эпохи, других исторических источниках. Так, журналист Ф. Бурлацкий в своих мемуарах «Глоток свободы» писал, что в победе коммунизма «были уверены, кажется, все». Противоположное мнение у писателей-эмигрантов П. Вайля и А. Гениса: «...никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной... Но зато каждый нашел в Программе желаемое для себя» [5, с. 13].

Народные образы коммунизма разнообразны. Самым популярным и распространенным среди населения был «потребительский коммунизм»: говорили о том, что будут бесплатными проезд в транспорте, коммунальные услуги, заводские столовые, лечение в санаториях для ветеранов и пенсионеров. Предлагалось «в виде эксперимента создание коммун, где будут иметь место коммунистические отношения в производстве и в быту... образовать опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым... построить города-лаборатории, поселить туда молодежь, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так» [11, с. 483]. Нередко раздавались призывы к коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, изымать предметы роскоши, дачи, гаражи, издать законы, запрещающие иметь свои дома, ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых граждан и повысить для малообеспеченных: «Одни уже сейчас имеют по потребностям, и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки» [11, с. 485]. Население хотело равенства и требовало проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах, «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству, а в будущем постепенно заменить наличные деньги именными лимитными книжками» [11, с. 485]. Все, что не соответствовало массовым представлениям о коммунистической спра-

ведливости, должно было как можно скорее быть изжито, а потому каждый руководящий работник обязан был отработать один месяц в году в качестве рабочего. Некоторые извлекали из текста Программы те моменты, которые были им близки и понятны, другие, наоборот, предлагали властям проводить разъяснительную работу с населением: снять кинофильм «Программа КПСС», подготовить учебники или брошюры, написанные популярным языком, и изучать их, «как таблицу умножения» [11, с. 481].

Согласно результатам социологического опроса, проведенного в 1998—1999 гг., были уверены в победе коммунизма в СССР 51—55 %, не сомневались в сроках его построения через 20 лет 35—37 % населения. Число скептиков, не поверивших в «светлое будущее», составило 16—18 % [11, с. 477]. Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества было связано с надеждой на лучшее: «В хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться — коммунизм или нет — для нас не важно» [11, с. 478].

Дискуссионным в современной российской историографии остается вопрос об оценках качества жизни и отношении к своему недавнему прошлому поколения, активная часть жизни которого выпала на 1970-е гг. Диапазон мнений многомерен. Для одной части советских людей были девальвированы такие понятия, как «долг», «совесть», «честь». Несмотря на победоносные рапорты с трибун партсъездов об успехах страны «развитого социализма», в общество внедрялась психология застоя. Размывание нравственных критериев — это реальность времени. «Я не знаю ни одной такой идеи, чтобы стоило биться головой о стенку, бороться» — такое признание, сделанное героем документального фильма Ю. Подникса «Легко ли быть молодым?», — закономерное следствие изменения представлений о смысле жизни. Для других жизнь в застойные годы представляется «золотым веком» СССР. По убеждению А. М. Буровского, «это величайшая, счастливейшая, самая созидательная, успешная эпоха... Это было время спокойно, эпически разворачивающихся судеб. Жили мы небогато, но спокойно и зажиточно. Прокормиться было нетрудно, жить — безопасно... Мы совершенно не ценили того, что имели...» [4, с. 4, 297]. Подобные оценки можно обнаружить и в исследовании Ф. Спаффорда: «Подавляющее большинство советского населения на самом деле было довольно своим правительством (Брежневым)... Работа была бессмысленной, но нетрудной... Успехи СССР, не сходявшие с экранов телевизоров, были приятным

зрелищем... Жизнь была не так уж плоха. Если ты никого не беспокоил, то и тебя не беспокоили. Казалось, все установилось, вылилось в некий статус-кво, который может длиться вечно» [10, с. 385].

Советская жизнь давала достаточно оснований как для оптимизма, так и для скепсиса. Большинство граждан привыкло к небогатому, но гарантированному существованию на небольшую зарплату. Средняя месячная заработная плата неуклонно повышалась: в 1956 г. она составляла 67 р., в 1970 — 113, в 1975 — 146, в 1980 — 170, а в 1985 г. — 240 р. С 1970 по 1985 г. реальные доходы на душу населения, по официальным данным, возросли вдвое. Но повышение зарплат не было подкреплено ростом производительности труда. В обществе появилось выражение: «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем» [7, с. 476].

Советский человек хотя и роптал на недочеты системы, но предпочитал жить на государственном иждивении, имея жилье и минимальный достаток. Забота о повышении благосостояния населения с середины 1960-х гг. выражалась в искусственном «подтягивании» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню зарплаты. Постепенно сокращался разрыв между оплатой труда рабочих в промышленности и колхозников, повышался размер пенсий по старости и инвалидности, стипендий для студентов вузов и техникумов. К началу 1980-х гг. базовый размер стипендии составлял 40 р. Студенты, сдавшие сессию на «хорошо» и «отлично», получали надбавку в 25 %; только на «отлично» — 50 %. Стипендию в целом по стране получали примерно 78 % студентов [8, с. 25]. Часть расходов населения компенсировалась за счет общественных фондов потребления (ОФП) в виде денежных выплат, материальных благ и услуг. Роль ОФП заключалась в обеспечении удовлетворения первоочередных потребностей людей (содержание нетрудоспособных, образование, культура, здравоохранение, жилье, отдых) на минимально необходимом уровне. В 1970-е гг. из ОФП было расходовано: на социальное обеспечение — 37 %, на образование — до 30 % и здравоохранение — около 15 %. К середине 1980-х гг. расходы ОФП на одного учащегося в год составили: в общеобразовательных школах — свыше 200 р., в техникумах — свыше 750 р., в вузах — около 1200 р. Более 80 % расходов на пребывание ребенка в детском саду оплачивало государство [8, с. 26].

Менялась среда обитания населения. Постепенно решался жилищный вопрос. В городах исчезли бараки, с 1956 г. все больше строилось кооперативных квартир и бюджетного жилья. Однако в начале 1980-х гг.

из-за появления нового городского слоя — «лимитчиков» — жилищный вопрос несколько обострился. Этим людям по согласованным квотам нанимали на малоквалифицированную и непрестижную работу многие предприятия. Они довольно быстро получали квартиры, тогда как коренные горожане могли десятки лет ждать своей очереди. Это создавало ситуацию социального напряжения между горожанами и «лимитой».

Приблизительно со второй половины 1970-х гг. начал меняться к лучшему предметный мир населения. В квартирах появилась техника длительного пользования (телевизоры, холодильники, стиральные машины). Низким по-прежнему оставался уровень обеспеченности транспортными средствами: менее 11 % имели мотоциклы и всего 2,3 % — автомобили [6, с. 350]. Стремление сделать свое существование более комфортным превращало жизнь большей части населения в бесконечную цепь унижающих человеческое достоинство поисков импортных дефицитных товаров. Их не «покупали», а «доставали» по «блату» благодаря связям с работниками торговли, приобретали на «черном рынке». Можно говорить о росте материальных и духовных запросов населения, но также справедливо утверждение о формировании советского варианта «общества потребления». Становилось престижным иметь не просто обычный радиоприемник, а аудиотехнику высокого качества; не обычный телевизор, а цветной; о достатке семьи свидетельствовали ковры, хрусталь, модная одежда, импортная косметика и многое другое. Необеспеченность денежной массы товарами вела к росту цен, стала проявляться скрытая инфляция. В стране несколько раз проводилось официальное повышение цен на товары повышенного спроса (золото, меха, автомобили, бытовую технику). Накануне подобных операций полки магазинов, торгующих такими товарами, полностью опустошались.

Несмотря на тотальный дефицит, люди все же довольно успешно благоустраивали свои квартиры, были прилично одеты, сервировали праздничные столы гастрономическими деликатесами. Достигалось это благополучие во многом благодаря «блату» — особой системе отношений, основанной на оказании взаимных услуг. Часть населения регулярно обращалась к подпольным предпринимателям («цеховикам»). Наибольшее количество их было в сфере бытового обслуживания, ремонтно-строительных работ, обслуживания автомобилей и радиоэлектроники. По советскому законодательству за незаконную деятельность можно было получить срок до четырех лет лишения свободы, но подпольный бизнес только развивался.

Потребности советских людей не ограничивались материально-бытовыми благами. Приметой времени стал повышенный спрос у части населения на билеты в театры и престижные кинофестивали. Люди стали покупать и коллекционировать книги, картины, предметы старины. И этот процесс, как отмечал А. К. Соколов, постепенно из элитарного становился массовым, в него втягивались широкие слои относительно обеспеченной интеллигенции. В разряд дефицита попали книги. Счастьем для всей семьи было «достать» подписку на приложение к журналу «Огонек». Буквально «до дыр» зачитывали толстые литературные журналы — «Новый мир», «Иностранную литературу», «Неву». Социально престижным было не только иметь модные издания, но и уметь поддержать разговор о прочитанном [9, с. 301, 302].

К 1980-м гг. достигла своего апогея социальная дифференциация в обществе. Уровень жизни основной массы населения не был напрямую связан с трудовыми усилиями и результатами работы. Все более существенное влияние оказывала близость к распределительной системе или обладание определенными льготами и привилегиями. Достаточно обеспеченно жили партийные и советские руководители, известные деятели науки и культуры, военные и дипломаты, составлявшие советскую номенклатуру. Примечательной особенностью правящей элиты СССР в 1930—50-е гг. являлось ее периодическое обновление. Реформы Н. С. Хрущева, его попытки сократить численность управленцев, ввести регулярную ротацию (обновление) руководящих кадров дестабилизировали положение правящей элиты. Взятый Л. И. Брежневым курс на стабильность стал для номенклатуры «золотым веком». В 1966 г. из Устава КПСС был изъят введенный при Хрущеве пункт о нормах обновления партийного руководства и предельных сроках пребывания на выборных должностях. Так, для сталинской номенклатуры было характерно перемещение в среднем каждые два-три года. С конца 1960-х гг. обновление руководящих кадров, так называемая «вертикальная мобильность», резко замедлилось. В 1962—1968 гг. его темпы составляли 11 лет, в 1969—1973 гг. — 14, в 1974—1984 гг. — 18 лет. Приток кадров со стороны составлял лишь 6 % [6, с. 312]. Сформировалась особая социальная группа, численность которой к 1985 г. достигла около 18 млн человек. Как отмечал Ф. Спаффорд, «если ты принадлежал к настоящей элите, лично тебе полагалось небольшое исключение из правил...» [10, с. 387]. Закрытость элиты проявлялась в отработанным десятилетиями механизме отбора кадров и слабой информированности населения о ее

жизни. Специфической была атмосфера и в самой номенклатурной среде. Характерны воспоминания Н. И. Рыжкова: «Любые отношения... за пределами рабочих кабинетов не продолжались... встречаться вне рабочего времени считалось неприличным». Он был удивлен разобщенностью, особым кодексом поведения партийных товарищей, в этой среде было не принято собираться по какому-либо праздничному поводу и выстраивать более тесные личные контакты [3, с. 117].

Замкнутый и корпоративный характер приобрела система подготовки руководящих кадров (Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профдвижения, Высшая комсомольская школа, Дипакадемия и др.). При приеме на работу молодые кадры обязаны были давать расписку о молчании по поводу своих служебных обязанностей и, в большинстве случаев, не вступать в контакт с иностранцами. Рабочий день был, как правило, ненормированным и длился в среднем восемь — десять часов, а иногда приходилось уходить с работы за полночь. Зарплата была относительно невысокой (в среднем у партработника 216 р.), ответственность и затраты рабочего времени в середине 1980-х гг. — огромными. Компенсацией служила система льгот и привилегий, причем масштабы и качество услуг росли по мере продвижения работника по службе. Если на низшем уровне речь шла о специальных поликлиниках и санаториях, качественных продовольственных заказах и получении вне очереди элитной квартиры и товаров длительного пользования, то у представителей высшей элиты появлялись «в порядке исключения» новые возможности: например, заказывать товары по каталогу из-за границы, получать квартиры для детей и родственников. Члену Политбюро или секретарю ЦК КПСС полагалась охрана, «ЗИЛ» с радиотелефоном и большая дача с обслуживающим персоналом (два повара, четыре официантки, два садовника). На даче — кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад [3, с. 116, 117]. Феномен бывшей советской элиты нуждается в более объективных исследованиях. В годы застоя «номенклатура легко адаптировалась к смене ситуации, использовала широкий набор средств и способов достижения своей цели, умело лавировала в зависимости от своих личных и корпоративных интересов» [9, с. 331].

Привлекательная, но оторванная от жизни абстрактная идея коммунизма стала стержнем всей советской пропаганды, определяла внутреннюю политику власти, формировала целую гамму чувств и стратегий поведения советских людей. Однако между коммунистическим мифом

и реальной жизнью лежала глубокая пропасть. Неудачные попытки реформировать общество привели к сложному периоду застоя. Накапливались противоречия, углублялись кризисные явления практически во всех сферах общества. Менялись образ жизни и менталитет населения, который не всегда можно объяснить с точки зрения логики и абстрактных теорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексиевич С. А.* Время секунд хэнд. М. : Время, 2013.
2. *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 3—27.
3. *Березкина О.* СССР: номенклатура или партийная элита? // Родина. 2014. № 9. С. 115—118.
4. *Буровский А. М.* Брежнев без лжи. Да здравствует «Застой». М. : Яуза : Эксмо, 2013.
5. *Вайль П., Генис А.* 60-е: мир советского человека. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 1998.
6. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. М. : Прогресс, 2006. Кн. 2, ч. 1 : Эпоха Брежнева.
7. История России. XX век. 1939—2007 / под ред. В. Вдовина. М. : Прогресс, 2009.
8. *Мямяченко В. Н.* Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946—1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2012.
9. *Соколов А. К., Тяжельникова В. С.* Курс советской истории. 1941—1991. М. : Высш. шк., 1999.
10. *Спаффорд Ф.* Страна изобилия : пер. с англ. М. : Астрель : CORPUS, 2012.
11. *Фокин А. А.* «Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всемирного обсуждения» третьей Программы КПСС) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сб. науч. тр. / редкол.: М. Н. Барышников [и др.]. СПб. ; К. ; Минск, 2008. С. 472—487.
12. Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995) / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М. : Владос, 1996.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ — ПУТЬ К ВОЙНЕ 1812 г.

Рассматривается влияние экономического фактора на характер отношений между Россией и наполеоновской Францией. Вынужденное подписание Россией Тильзитских договоров в 1807 г. ограничивало свободу внешнеполитических действий страны, а присоединение к организованной Наполеоном континентальной блокаде Англии противоречило сложившимся экономическим интересам империи. Возникшая в силу этих и других обстоятельств острота противоречий между Россией и Францией оказалась настолько глубокой, что разрешить ее дипломатическими методами было невозможно. Выход из сложившейся ситуации оба императора (и Александр I, и Наполеон) видели только в вооруженном конфликте, к которому обе страны стали усиленно готовиться с 1811 г.

The article discusses the impact of economic factors on the nature of relations between Russia and Napoleonic France. Forced Russia signing the treaties of Tilsit in 1807 restricted freedom of foreign policy actions of the country, and joining organized Napoleon's continental blockade of England was contrary to established economic interests of the Empire. Due to these and other circumstances, the acuteness of the contradictions between Russia and France was so deep that allow her diplomatic means was impossible. The way out of the situation both of the Emperor Alexander I and Napoleon saw only in armed conflict, to which both countries began preparing hard since 1811.

Ключевые слова: Александр I; Наполеон; император; Россия; Франция; континентальная блокада; экспансия; коалиция; договоры; отношения; война; система; дипломатия.

Keywords: Alexander I; Napoleon; Emperor; Russia; France; the continental blockade; the expansion; coalition; contracts; relations; war; system; diplomacy.

Первая половина XIX в. в истории народов Европы изобилует острыми событиями, наложившими свой отпечаток на процесс последующего развития большинства стран континента. К числу таких событий относится и война 1812 г., явившаяся следствием сложного узла противоречий в отношениях между крупнейшими государствами Европы — Англией, Францией и Россией.

Павел I, разочаровавшись в надежности союзников по антифранцузской коалиции, в 1800 г. разорвал отношения с Лондоном (это уско-

Літвіноўская Юлія Іванаўна — дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук. E-mail: litwinowski@yandex.by

рило захват Англией Мальты) и предпринял действия по восстановлению дипломатических контактов с Францией. При новом российском императоре 8—10 октября 1801 г. в Париже графом Морковым были подписаны два важнейших документа: договор о мире между Францией и Россией и секретная межгосударственная конвенция, в которой было зафиксировано согласие Наполеона на российское посредничество в решении ряда территориальных проблем между Францией и сопредельными государствами, а также обеспечение свободы морей [1, с. 462].

В последующие годы Россия пыталась дипломатическими средствами остановить французскую экспансию на континенте. Но эта политика не принесла положительных результатов. Между Парижем и Петербургом вновь возникла напряженность. Захват французскими драгунами в Бадене члена французского королевского дома Бурбонов герцога Энгиенского, произошедший в нарушение всех норм международного права, обвинение его в покушении на жизнь первого консула и расстрел 21 марта 1804 г. привели к окончательному разрыву отношений между Россией и Францией.

Несмотря на наличие серьезных разногласий, правительство Александра I восстановило на антифранцузской основе отношения с Англией. Длившиеся несколько месяцев двусторонние переговоры завершились подписанием в Петербурге 11 апреля 1805 г. англо-российского союзного договора. «Поелику бедственное положение, в котором находится Европа, требует быстрого врачевания, — отмечалось в документе, — их величества... пришли к соглашению приискать средства к прекращению оною, не выжидая случаев новых захватов со стороны французского правительства» и «согласились употребить самые действенные и самые быстрые средства к образованию всеобщей лиги европейских государств... с тем, чтобы побудить французское правительство добровольно или по принуждению согласиться на восстановление мира и равновесия в Европе» [1, с. 467].

Целью будущей коалиции государств должно было стать «установление такого порядка вещей в Европе, который бы в действительности гарантировал безопасность и независимость различных государств и представлял твердую опору против будущих узурпаций» [1, с. 467]. Иными словами, речь шла о возвращении Франции к ее прежним границам и восстановлении в Европе прежних монархических порядков.

Главной задачей внешней политики России в начале XIX в. являлось сдерживание французской экспансии в Европе. Глобализм устремлений

наполеоновской Франции не мог оставить равнодушным правительство Александра I. С 1805 г. Россия вместе с Англией, Швецией и другими европейскими державами приняла участие в двух антифранцузских коалициях, стремясь сохранить неизменной карту Европы и усилить свое влияние в различных регионах континента. Однако, несмотря на огромный военный и экономический потенциал, коалиции держав терпели поражение.

Полководческий гений Наполеона и революционный дух его армии неизменно приводили Францию к победам. Тем не менее Англия и Россия оставались ее непримиримыми противниками. Не имея возможности нанести непосредственный удар по Англии, Наполеон решил сломить ее путем экономической войны, закрыв англичанам европейский рынок. 9 (21) ноября 1806 г. он издал в Берлине декрет, который лег в основу политики, получившей название континентальной блокады. Декрет, разосланный по всем союзным Франции дворам, устанавливал блокаду Британских островов. Всякая торговля и всякие сношения с Англией, вплоть до почтовых, воспрещались. Англичанин, обнаруженный на территории, контролируемой французами, объявлялся военнопленным, а все товары, принадлежащие английским подданным, подлежали конфискации. Запрещалось принимать в европейских портах суда любой национальности, идущие из Англии и ее колоний или в обратном направлении. Впоследствии этот декрет дополнялся другими актами Наполеона, направленными на ужесточение блокады. Париж требовал от всех зависимых от него государств строжайшего соблюдения правил континентальной блокады Англии [2, с. 118, 119].

Россия чрезвычайно интересовала Наполеона как союзник в борьбе с Англией. Потерпев поражение в очередной военной кампании против французских войск (при Фридланде, 2 (14) июня 1807 г.), Россия вынуждена была подписать 26 июня (8 июля) 1807 г. Тильзитские договоры с Францией [3, с. 467, 468]. Они появились в итоге личных переговоров Александра I с Наполеоном и были результатом французских побед в войнах с европейскими коалициями. В специальной инструкции, данной князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, которого Александр I послал к Наполеону просить о прекращении военных действий в Восточной Пруссии и мире, царь писал: «Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний... только он может обеспечить счастье и покой мира... Совсем новая политическая система должна заменить ту, которая существовала...» [1, с. 472].

Договоры закрепили установление французской гегемонии на континенте и определили новый политический порядок в Европе — Тильзитскую систему международных отношений. Александр I дал согласие на присоединение России к континентальной блокаде — системе экономических и политических мероприятий, направленных на борьбу с Англией.

Тильзитские договоры, признание Россией всех изменений, которые произвел или произведет в будущем в Западной Европе Наполеон, предусматривали обязательства России и Франции по ведению совместных действий в войне против любой европейской державы. Россия должна была разорвать дипломатические отношения с Англией, если последняя не согласится до 1 ноября 1807 г. заключить мир. Англия отвергла предложение Александра I о посредничестве в примирении с Францией, и Россия вынуждена была объявить ей войну [3, с. 468].

Континентальная блокада пагубным образом сказалась на состоянии европейской экономики, и неудивительно, что она постоянно нарушалась. Ущерб наносился и некоторым отраслям промышленности самой Франции, что заставляло Наполеона прибегать к системе выдачи лицензий на право приобретения запрещенных товаров. Однако, невзирая на все, Наполеон стремился добиться от всех государств Европы строгого соблюдения положений континентальной блокады. Это стало основополагающим принципом его внешней политики, который в скором времени превратился в важнейшую причину обострения отношений на континенте, в том числе и войны 1812 г.

Тильзитские договоры были восприняты в российском обществе как национальное унижение. Православная церковь нарекла Наполеона «антихристом». Договоры вызвали широкую оппозицию в стране. Это было отступление от внешнеполитического курса государства, ориентированного на Англию и Австрию. После победоносного XVIII в. Россия вступала в новое столетие побежденной страной. Договоры не только ущемляли достоинство империи в международных отношениях, но и противоречили экономическим интересам страны. Включение России в континентальную блокаду Англии наносило жестокий удар по русской экспортной торговле, а это пагубно сказывалось на состоянии всей экономической жизни державы. До заключения Тильзитских договоров Россия в области внешнеэкономических связей имела активный торговый баланс — экспорт превышал импорт. Основными ее внешне-торговыми партнерами были Англия, Германия, Франция и Китай.

В 1802—1806 г. из каждых 100 купцов, вывозивших товары из Петербурга, 63 были англичане. Основой русского экспорта были сырье и сельскохозяйственные товары: хлеб, лен, пенька, сало, лес, кожи, которые составляли 80—90 % всего вывозимого из империи. Среди ввозимых товаров преобладали ткани, бумага, пряности, сахар, предметы роскоши, инструменты. Импорт на 70 % состоял из готовых изделий [4, с. 215].

Разрыв торговых отношений с Англией сразу же вызвал заметный спад внешнеторгового оборота государства. Только в течение первого года участия в континентальной блокаде объем внешней торговли России сократился почти на 30 %, со 120 млн р. в 1806 г. до 83 млн в 1808 г. [5, с. 160]. За 1808—1812 гг. произошло ее падение еще на 43 % [6, с. 159]. Кроме того, с 1810 г. русским купцам стало просто невыгодно вывозить товар за границу, так как Наполеоном была многократно увеличена пошлина на русский экспорт [5, с. 160].

Экономические же отношения между Россией и Францией были развиты относительно слабо и не могли заменить русско-английские торговые связи. Французский рынок не был способен компенсировать потерю английского, и Россия теперь не имела возможности сбывать такое количество своей продукции, как раньше. Морская торговля приходила в упадок. В то же время ввоз французских товаров, осуществлявшийся по суше, принял весьма широкие размеры. Поставки из Франции состояли главным образом из предметов роскоши, приобретение которых было сопряжено с вывозом из России громадного количества звонкой монеты, не возмещавшейся, как в прежнее время, деньгами, получаемыми от морского экспорта. В результате постоянно снижался курс российских денег, что сильно тревожило правительство.

Один из приближенных Наполеона, маркиз А.-О. де Коленкур, служивший в 1807—1811 гг. французским послом в Петербурге, свидетельствовал о вреде континентальной блокады для России: «...государственный кредит пострадал от этого до такой степени, что рубль, который в момент моего приезда в Петербург стоил 2 франка 90 сантимов, упал до 1 франка 50 сантимов» (на момент отъезда посла из России в мае 1811 г.) [7, с. 51, 515].

Коленкур также пишет о том, что в то время, как России было запрещено продавать свои продовольственные товары даже в Германию, несмотря на то, что они постоянно поставлялись туда прежде, сама Франция не придерживалась положений континентальной блокады. Правительство ввело систему лицензий, которую использовало для поступ-

ления в страну нужных товаров в обход континентальной блокады [7, с. 51, 515, 516]. Со своей стороны, Петербург к 1810 г. постепенно прекращает соблюдать тягостные для большинства помещиков и купцов условия торговли. Стремясь смягчить отрицательные последствия разрыва деловых отношений с Англией для экономики страны, Александр I 19 (31) декабря 1810 г. распорядился опубликовать новое Положение о внешней торговле. Вводился запретительный таможенный тариф [1, с. 481].

По этому Положению товары, ввозимые по суше (это были главным образом французские), облагались весьма высокими, а некоторые даже запретительными пошлинами. В случае проникновения их в Россию путем контрабанды они подлежали уничтожению через сожжение. Это было равносильно объявлению Франции экономической войны. Что же касается товаров, привозимых морем, преимущественно не французских, то для них были лучшие условия. Положение разрешало ввоз английских товаров на нейтральных кораблях. В первую очередь это относилось к американским судам. Новый тариф буквально спас Россию от неминуемого финансового краха. Денежная единица страны к этому времени уже успела упасть до 20 копеек ассигнациями за один рубль серебром [8, с. 540, 541].

Наполеон решительно возражал против этих мер, но Петербург ответил, что введение нового тарифа является вынужденной мерой в силу плачевного состояния русских финансов.

Стремление Александра I сохранить самостоятельность европейской политики России, несоблюдение Россией блокады Англии, с одной стороны, и попытки Наполеона добиться от всех государств Европы строгого соблюдения континентальной блокады, ставшей основным принципом его внешней политики, — с другой, осложняли отношения между Россией и Францией, которые в 1807—1812 гг. неуклонно ухудшались. М. М. Сперанский, один из крупнейших государственных деятелей России эпохи Александра I, писал впоследствии: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром» [1, с. 474].

Тильзитские договоренности не остановили и французской экспансии в Европе. В 1807—1810 гг. Наполеон оккупировал Португалию, присоединил к Франции Тоскану, Папскую область, Голландию, занял все немецкое побережье Балтийского моря, шведскую Померанию. Однако особенно чувствительной для России была оккупация Ольденбургского

герцогства . Этим Александру I было нанесено личное оскорбление, так как герцог приходился ему дядей и российский государь мог смотреть на Ольденбург как на фамильную собственность [8, с. 535—539].

Вскоре после занятия Ольденбурга Наполеон в ответ на протест царя впервые позволил себе разговаривать с Россией языком угроз, осуществить на империю силовой нажим. «Я заставлю Россию раскаиваться, и тогда, быть может, ей придется потерять не только польские области, но и Крым», — говорил он в гневе [1, с. 482].

Сложившаяся в Европе в 1807 г. новая система международных отношений оказалась весьма непрочной, и в этом явлении есть своя закономерность. Каждая система существует до тех пор, пока возникшее при ее создании соотношение сил не вступит в противоречие с новыми историческими реалиями. Эти реалии могут быть как глобального характера, так и локального, т. е. являться результатом внутреннего развития государств. В истории Нового времени переход от одной международной системы к другой происходил в результате войн. Тильзитская система, детищем которой была континентальная блокада, являлась, говоря современным языком, настоящим минным полем в отношениях между странами Европейского континента по причине огромной массы противоречий.

Между императорами накапливались и личные обиды. «С внешней стороны отношения между Россией и Францией остаются хорошими до конца 1810 г.», — писал один из крупнейших исследователей политических отношений между двумя странами XVIII и начала XIX в. А. Вандаль. Но в то же время, как отмечал ученый, и Наполеон, и Александр I «...с удвоенной энергией... обдумывали всевозможные средства нанести друг другу вред» [8, с. 497]. Не способствовал, по мнению французского ученого, укреплению взаимопонимания между Наполеоном и Александром I также фактический отказ царя выдать замуж за французского императора сначала великую княжну Екатерину Павловну, а затем Анну Павловну. Это же можно сказать и об упоминании Наполеоном болезненной для Александра I истории, связанной с заговором против отца.

Известный советский исследователь Е. В. Тарле подчеркивал, что когда не удалась женитьба Наполеона на великой княжне Анне Павловне, во всей Европе впервые стали говорить о приближающейся резкой размолвке между двумя императорами. По его данным, имелись сведения о том, что впервые говорить о войне с Россией и серьезно изучать

этот вопрос Наполеон начал с января 1811 г. Побудительным мотивом для подобных размышлений императора французов был новый русский таможенный тариф, введенный Александром I вопреки протестам Наполеона, чтобы хоть как-то поправить плачевное состояние русских финансов [9, с. 246, 247].

Этой же точки зрения придерживался и видный советский ученый А. З. Манфред. «По-видимому, — писал он, — с 1811 г., может быть, с конца 1810 г., возникла мысль о войне с Россией. Во всяком случае, в феврале 1811 г. в Петербурге при дворе уже сложилось мнение о вероятности и даже близости войны» [10, с. 621].

И в Париже, и в Петербурге пришли к выводу, что накопившиеся противоречия можно решить только путем применения силы. Франция и Россия начали готовиться к войне, хотя оба императора продолжали твердить о своем миролюбии. Александр I говорил: «Императора Наполеона подстрекают... Если он хочет воевать со мной, то первый пушечный выстрел сделает он...» — «Между нами существует согласие, — отмечал Наполеон, — так как я не двинусь к нему; я не хочу ни войны, ни восстановления Польши» [7, с. 48, 60].

Характеризуя сложившуюся в отношениях между императорами ситуацию, российский ученый-франковед В. Г. Сироткин отмечает, что два с половиной года союза с Россией показали Наполеону, что задуманные им планы создания всеевропейской континентальной антианглийской коалиции провалились. Окончательно убедившись, что дипломатическими мерами заставить Россию воевать против Англии он не сможет, Наполеон начал готовиться к войне с Россией. «Подготовка началась с глубокой дипломатической разведки уже в 1810 г.», — пишет В. Г. Сироткин. При этом автор ссылается на секретный доклад министра иностранных дел Франции Шампаньи «Взгляд на дело континента и сближение России с Великобританией», представленный императору 16 марта 1810 г. [11, с. 282]. Главный вывод, содержащийся в этом докладе, состоял в том, что Россия — главный противник Франции и «...союз с Россией, несмотря на личные качества императора Александра, должен рассматриваться как ненадежный и идущий к концу» [12, с. 482].

Многие из соображений Шампаньи легли в основу практической программы французской дипломатии в 1810—1812 гг. Сам же Наполеон к началу 1810 г. пришел к выводу о неизбежности войны с Россией. Заставить Александра I путем переговоров и дипломатической переписки соблюдать условия континентальной блокады оказалось делом безна-

дежным. Франция начала готовиться к войне [11, с. 288—291]. Это произошло прежде всего в резком увеличении ассигнований на армию. Если в 1810 г. военный бюджет страны составлял 389 млн франков, то через два года — 556 млн [13, с. 190]. К концу весны 1812 г. военная и дипломатическая подготовка к войне с Россией была завершена. Две формально независимые страны Европы — Пруссия и Австрия — в феврале — марте 1812 г. заключили с Францией союзные договоры и обязались выставить более 40 тыс. солдат; более 200 тыс. выставляли французские вассалы — Италия, Иллирия, Великое герцогство Варшавское, многочисленные германские государства. Требуемое Наполеоном количество рекрутов дала мобилизация во Франции. Под ружье в империи было поставлено 986,5 тыс. человек [13, с. 190]. Правда, при ее проведении пришлось применить репрессивные меры. Уклонявшихся от призыва новобранцев, прятавшихся в лесах, отлавливали и насильно приводили в воинские части. Непрерывные войны, экономические трудности, постоянные наборы в армию уже раздражали французское крестьянство.

В целом для войны с Россией была выделена большая часть сил. Это была армия, которой Европа не видела уже много столетий. Несмотря на огромную численность, она имела серьезные недостатки с точки зрения качества. Прежде всего следует отметить неоднородность ее состава. Великая армия состояла из представителей не менее чем 12 национальностей. За исключением французов и поляков основная масса солдат служила поневоле, без какого-либо личного воодушевления. Французов же в армии было менее половины, около 302 тыс. человек из 614 тыс. первого и второго эшелонов [14, с. 463]. Общая численность Великой армии к июню 1812 г. составляла 644 024 человека. В войсках имелись 161 284 лошади [15, с. 732, 733].

Несмотря на все это, собранные императором французов войска представляли собой грозную силу. В Европе практически не было политиков и дипломатов, которые были бы не уверены в катастрофических для России последствиях столкновения с армией Наполеона.

Первый эшелон французских войск, вступивших на русскую территорию, составляла 448-тысячная группировка [4, с. 227].

Осмысление происходивших на континенте событий осуществлялось и в России. Ситуация, в которую была поставлена страна после Тильзита, была явно ненормальной для великой европейской державы. Правящие круги империи видели, в силу этих обстоятельств, неизбежность нового военного столкновения с Францией и готовились к нему.

Активность России в подготовке к войне возрастает с 1810 г., когда Александр I назначил военным министром опытного военачальника М. Б. Барклая де Толли. Увеличилась численность русской армии, была произведена реорганизация ее структуры, началось масштабное строительство оборонительных сооружений и других стратегических объектов, усилилось наблюдение за военными мероприятиями Наполеона в прилегающих к российским границам районах, активизировалось стратегическое военное планирование.

Россия серьезно готовилась к войне, и ее верховная власть была полна решимости оказать отпор агрессору. Приняв в мае 1811 г. отъезжавшего на родину А.-О. Коленкура, до этого на протяжении трех с половиной лет представлявшего интересы Франции в России, Александр I заявил ему (эти слова Коленкур передал Наполеону): «Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира... За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию... Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе как последним... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима» [7, с. 61].

Концентрированным выражением приоритетных направлений в деятельности любого правительства является бюджет страны. В 1807—1811 гг. в России неуклонно растут военные расходы. В 1807 г., когда Россия еще воевала с Францией, на сухопутные войска было выделено 43 млн р. После Тильзитских договоренностей, когда страна находилась в состоянии мира и союза с Францией, военные ассигнования не уменьшились, а, наоборот, возросли в 1808 г. до 53 млн р., в 1809 г. — до 64,7 млн, в 1810 г. — до 92 млн, а в 1811 г. они составили 113,7 млн р. Таким образом, за четыре мирных года (1808—1811) расходы России только на сухопутные войска увеличились в три раза по сравнению с военным периодом 1806—1807 гг., достигнув 323,4 млн р. Это значительно превышало даже расходы страны в войне 1812—1814 гг., которые составляли 239 млн р. Параллельно с этим росла и численность войск. За 1810—1812 гг. она удвоилась, достигнув 975 тыс. человек [13, с. 191; 16, с. 465].

Таким образом, активизация усилий на военном направлении, подготовка к будущей войне (разведка, планирование, дипломатическое обеспечение, финансирование, мобилизация и т. д.) в России и Франции проводились практически синхронно. Интересы двух империй оказались непримиримыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История дипломатии : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 1.
2. Дипломатический словарь : в 3 т. М. : Политиздат, 1971. Т. 2.
3. Дипломатический словарь : в 3 т. М. : Политиздат, 1973. Т. 3.
4. История России с древности до наших дней / под ред. М. Н. Зуева. М. : Высш. шк., 1998.
5. *Кузнецов И. Н.* Отечественная история. М. : ИТК «Дашков и К°», 2010.
6. История России с древнейших времен до конца XX века : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Данилов [и др.]. 5-е изд., стер. М. : Дрофа, 2004.
7. *Коленкур А.-О. де.* Русская кампания 1812 года. Смоленск : Русич, 2004.
8. *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи // Соч. : в 4 т. Т. 3 : Второй брак Наполеона. Упадок союза. Ростов н/Д : Феникс, 1995.
9. *Тарле Е. В.* Наполеон. Минск : Беларусь, 1992. .
10. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М. : Мысль, 1971.
11. *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801—1812 гг. М. : Эксмо, 2003.
12. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 3.
13. *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М. : Высш. шк., 1994.
14. *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. : Центрполиграф, 2001.
15. *Соколов О.* Битва двух империй. 1805—1812. М. ; СПб. : Астрель, 2012.
16. *Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. : в 7 т. Т. 5 : Описание Отечественной войны 1812 года. СПб. : Тип. Штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1849—1850.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЖЕНЩИНЫ В РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ АНГЛИИ

На материале первоисточников проанализированы место и роль женщин в социально-экономической жизни раннефеодальной Англии, показано их участие в реализации определенных социальных и экономических функций. Это участие имело, с одной стороны, ограниченный характер, с другой (если взять ткачество) — монопольный. Термином *gesib* обозначается женское сообщество, существовавшее в раннефеодальной Англии. Задачей сообщества была юридическая защита интересов ее участников.

The article analyzes the women role in socio-economic life of early feudal England and examines it in detail on the basis of primary sources. The author proves, that women took part in realization of some definite social and economic functions. This participation was limited on the one hand and monopolized (weaving) on the other. The term *gesib* means female community which was existed in the early feudal England. The aim of Community was to protect the interests of its members in the court.

Ключевые слова: феодальная система власти; раннефеодальная Англия; Вальхтеов; Этельфлед.

Keywords: feudal authority system; early feudal England; Wealhþeow; Æþelflæd.

Женщины раннефеодальной Англии играли значимую роль в экономической и социальной жизни общества. Без учета их вклада невозможно получить ее полную картину, тем более что ряд функций исполнялся только ими.

Одна из главных социальных функций женщины — воспроизведение потомства. В момент появления ребенка на свет очень важна роль акушерки.

Оказание помощи при родах является исключительно женской функцией, на что указывает терминология: *byrþ þ ignenu* (рождение + служанка). Майкл Райт показал, что данный термин встречается в источниках только как перевод латинского слова *obstetrix* (служанка, акушерка) [19, с. 3]. Отсутствие термина *byrþ þ ignenu* в юридических источниках позволяет высказать предположение, что оказание помощи при родах не закреплялось за кем-либо персонально (иначе это было бы от-

Мацвеевнкі Мая Уладзіміраўна — аспірант кафедры старажытнага свету і сярэдніх
васкоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: maya1992@tut.by

ражено в законах), а выполнялось любой достаточно умелой для этого женщиной.

В первые годы после рождения ребенка забота о нем возлагается на обоих родителей на паритетных началах, как можно видеть в поэме «Судьбы людские» [13]: «*Ful oft þ æ t gegongeð mid godes meahum, // þ æ tte wer ond wif in woruld cennað // bearn mid gebyrdum ond mid bleom gyrwað // tennap ond tæ tap oþ þ æ t seo tid cymeð // gegæ ð gearrimum þ æ t þ a geongan leomu // liffa stan leop u geloden weorþ að*»¹ Очень часто так происходит по Божию могуществу,² что муж и жена в мире приносят³ отпрыска с родами и ярко одевают,⁴ направляют и учат его до того как время приходит⁵ наступает, определенные годы, когда эти молодые чресла⁶ крепкие чресла растущие есть».

В последний путь человека также провожала женщина. В поэме «Судьбы людские» этой женщиной была мать: «*modor bimurneð*»¹⁴ мать причитает». В эпосе «Беовульф» [8] мать и сестра в одном лице: «*het ða Hildeburh æ t Hnæfes ade // hire selfre sunu sweolode befæ stan // banfatu bæ man ond on bæ ldon // eame on eaxle ides gnornode // geomrode giddum*»¹¹¹⁴ приказала Хильдебург около Хнэфа (на) огонь¹¹¹⁵ ее собственного сына в пламя положить¹¹¹⁶ тело на сожжение и на костре разместить¹¹¹⁷ дяди у плеча. Госпожа плакала¹¹¹⁸ скорбную песнь».

В «Беовульфе» также упоминается, что «*[b]undenheorde // [so]ng sorgcearig*»³¹⁵¹ [женщина] со скрученными волосами³¹⁵² пела скорбную [песню]» при сожжении на костре мертвого тела главного героя. Данный фрагмент позволяет предположить, что причитание над умершим было обязанностью не только родных, но и особых женщин, которые подчеркивали свой статус внешним видом: скрученными волосами.

Похожий внешний вид имели женщины, упомянутые в ст. 73 законов кентского короля Этельберта: «*friwif locbore*» = свободная женщина с локонами» [5, с. 7]. Но они, как убедительно показала Кристина Фелл, были связаны с экономической жизнью общества, с домохозяйствами [5, с. 161]. Ключ к решению проблемы лежит в интерпретации слова *locbore*. Сложность его понимания заключается в том, что слово в иных контекстах не встречается. Традиционно слово *locbore* понималось как «женщина с локонами» (в процитированном выше издании оно переведено как «Lockenträgerin» [5, с. 7], в словаре Босворта-Толлера как «One wearing long hair» [3, с. 645]). Кристина Фелл увидела в слове *locbore* композит, состоящий из двух частей *loc* + *bore* = замок + управитель, что позволило ей предложить новый перевод: «хозяйка замков». В качестве

дополнительного аргумента приведены свидетельства археологов о достаточно частых находках ключей в англосаксонских женских погребениях [6, с. 161].

Помимо наблюдения за кладовыми свободные женщины в раннефеодальной Англии в рамках общественного разделения труда занимались изготовлением ткани и пошивом одежды, были, как подчеркнула в монографии «Одежда в англосаксонской Англии» Гэйл Оуэн-Крокер, «главными производителями и собственниками одежды (the principal cloth producers and owners)» [10, с. 277].

На ткачество как женское занятие указывает и то, что в древнеанглийской поэзии женщина последовательно определяется при помощи кеннинга «пряка мира» (*freoduwebbe*) [3, с. 336]. Во фрагменте, известном под условным названием «Фризская жена», супруга рыбака, встретив мужа, «*wæ sceð his warig hræ gl ond him syleþ wæ de niwe* = ⁹⁸моет его грязную обувь и ему дает одежду новую» [8, с. 202], можно предположить, из домотканого сукна.

Отдельные мастерицы достигли настолько высокого уровня в ткачестве, что это ремесло приносило им хороший доход. Кристина Фелл в монографии «Женщины в англосаксонской Англии» приводит пример Эансвит, получившей в 814 г. от ворчестерского епископа Даневульфа 200 акров земли за обновление церковного убранства [7, с. 42].

Относительно сельского хозяйства в источниках указываются два связанных с женщинами рода занятий. В Законах кентского короля Этельберта говорится о служанке, которая мелет зерно [5, с. 3], в единственном сохранившемся до наших дней описании англосаксонского имени «*Rectitudines singuiarum personarum*» с женским трудом связано изготовление сыра и масла [5, с. 451].

Экономическая активность женщины в раннефеодальной Англии была связана главным образом с возможностью владеть и распоряжаться землей наравне с мужчинами. В этом плане представляется показательной история поместья в Эйторне, которую содержат англосаксонские хартии S 41 [17] и S 1500 [14, с. 462, 463].

Согласно первому документу *praefectus* (англосаксонский герефа) Этельнот купил у кентского короля Кутрэда в 805/807 г. три сулунга земли за 3000 пенсов с полным освобождением от каких-либо служб и правом распоряжения ими на свое усмотрение. Спустя несколько лет на эту землю было составлено совместное завещание Этельнота и его супруги Гэнбург, содержащееся во втором документе: «+ *Æðelnoð se gerefa to Easto-*

rege 7 Gæ nburg his wif aræ ddan hiora erfe beforan Wulfre' de' arcebiscope 7 Æðelhune his mæ sseprioste¹ 7 Esne cyninges ðegne suæ hueðer hiora suæ leng lifes were foe to londe 7 to alre æ hte gif hio bearn hæbbe ðonne foe ðæ t ofer hiora boega dagas to londe 7 to æ hte = Этельнот герефа в Истри и Гэнбург его жена распорядились своим наследством перед Вульфредом архиепископом и Этельхуна его священника и Эсне королевского тэна. Тот из них, кто проживет дольше, наследует землю и все имущество. Если у них будет ребенок, после их смерти он наследует землю и имущество».

Присутствие при подписании документа священника в ранге *mæ sse-priost* и упоминание о возможном ребенке в будущем может указывать на бракосочетание.

Земля супругам могла также передаваться в наследственное семейное владение, как видно из Хартии S 1348 [16]. После смерти получивших в 984 г. пожалование от архиепископа Йоркского Освальда Эадвига и его жены Вулфгифу земля переходила по наследству к их дочери.

Партнерские отношения нарушались в случае, если муж не мог (или не хотел) содержать семью. В результате женщина оказывалась перед необходимостью выполнения этой функции — заботиться обо всем самой. Подобная ситуация складывалась после смерти мужа, развода с ним, ухода мужа в монастырь.

По законам кентского короля Этельберта жена, родившая ребенка, получала половину имущества после смерти мужа или ухода от него вместе с детьми (ст. 78, 79) [5, с. 8].

Из рассказа Беды Достопочтенного в «Церковной истории народа англов» известно, что крестьянин Дриктхельм перед уходом в монастырь разделил *«omnem, quam possederat, substantiam in tres diuisit portiones, e quibus unam coniugi, alteram filiis tradidit, tertiam sibi ipse retentans, statim pauperibus distribuit* = все, чем владел, на три части, из которых одну жене, другую сыновьям отдал, третью себе самому оставил, чтобы бедным раздать» (кн. 5, гл. 12) [2, с. 254]. В данном случае женщина не возглавила семью, как можно было ожидать, а зажила своим хозяйством, как и ее, скорее всего взрослые, сыновья.

В случае если женщина оставалась единственной владелицей земли, она имела законное право распоряжаться ею на свое усмотрение, что видно из сохранившихся до нашего времени завещаний.

¹ Mæssepriost — священник, присутствие которого было обязательным при венчании.

Винфлэд оставила своей дочери Этельфлэд в постоянное наследство помимо браслета и броши земли в Эббелесбурне [18, р. 10]. Этельфлэд оставила земли в Вудхаме элдормэну Брихтноту и своей сестре до конца ее жизни. Затем земля должна была перейти к церкви св. Марии в Баркинге [18, с. 34].

Женщина могла лишиться своих детей наследства. Именно такой случай описывает Кристина Фелл со ссылкой на неназванную хартию начала XI в.: женщина, разозлившаяся на своего сына, в устной форме заявила о передаче своей родственнице Леоффлэд земли, золота, украшений, одежды и всего имущества, ничего не оставив сыну. Это решение было затем озвучено на собрании шайра и одобрено им [7, с. 78]. В более юном возрасте женщины выступали в качестве получателей наследства, которое должно было обеспечить их жизнь: Вульфрик оставил в наследство своей дочери земли в Элфорде и Оклеи и попросил своего брата Эльфхельма взять на себя заботу о ней. При этом право дочери на распоряжение землями ограничивалось временем ее жизни. После ее смерти земли должны были перейти к монастырю в Бартоне [7, с. 47].

Следует также учитывать, что верховным владельцем земель в раннефеодальной Англии был король, который мог по тем или иным причинам забрать землю в свою пользу. Конфискация земельного владения у неназванной по имени женщины зафиксирована в Хартии S 901, изданной королем Этельрэдом в 1002 г. Текст хартии приведен в хронике абингтонского монастыря. В документе говорится о передаче королем Этельрэдом архиепископу Эльфрику участков земли из разных территорий общей площадью 24 гайды в обмен на 50 талантов (не указано, золота или серебра). Ранее эти земли принадлежали не названной по имени женщине и были конфискованы королем по причине, как можно предположить, совершенного прелюбодеяния. В источнике женщина названа *femine fornicaria* (блудница) [4, с. 413].

При анализе вопросов о месте женщины в социальной жизни раннефеодальной Англии особое значение имеет Хартия S 1242 [15]. Документ, относящийся к 995—1002 гг., представляет собой редкий пример рассказа женщины (в данном случае королевы Эльфтриты) от первого лица. Хартия описывает земельный спор, имевший место около 25 лет до ее написания: «(Я), Эльфтрита, приветствую Эльфрика-архиепископа и Этельверда-элдормена смиренно. И я делаю известным вам (обоим), что я являюсь свидетелем того, что Дунстан-архиепископ определил Этельвольду-епископу Тонтон весь, как его хартии говорят. И Эд-

гар-король это дал тогда и приказал каждому из его тэнов, которые любую землю в этой земле держали, чтобы они это держали по этому епископа согласию или ее вернули». Как можно видеть, завязка истории не относится к числу невероятных событий. Город Тонтон с прилегающими территориями переходит от одного глафорда к другому, а значит, держатели расположенных там имений должны присягнуть новому владельцу. Дальнейшее развитие событий обрело тем не менее драматический характер. Один из тэнов-держателей, Леофрик, отказался приносить новую присягу и в силу этого должен был лишиться своего имения. Судя по тексту хартии, король... принял сторону архиепископа: «И король сказал, что это он не имеет [иной] земли, для передачи [Леофрику], что он не смел из-за божьего страха сам это главенство держать и более того тогда передал Ричтон (имение Леофрика. — *М. М.*) в руки епископа». В этой безвыходной ситуации за решение проблемы взялись женщины. Эльфритта продолжает свой рассказ: «Вульфгита (жена Леофрика. — *М. М.*) верхом прискакала тогда ко мне в Комб и нашла меня. И я тогда, ибо она была из моего *gesib*, и Эльсвита, ибо он (Леофрик) ее братом был, получили от епископа Этельвольда то (хартию. — *М. М.*), что им будет позволено пользоваться этой землей в их дни, и после их дней эта земля (должна) перейти к Тонтону... И мы это очень непросто приняли (*7 wit hyt swiðe uneaðe to þ an brocton*)».

В данном фрагменте хартии обращают на себя внимание следующие моменты: 1) возникшую в связи с отказом Леофрика от присяги конфликтную ситуацию решает с новым глафордом не он и не его жена, а его сестра и королева; 2) судя по тексту, сестра принимает участие в обсуждении проблемы на правах близкой родственницы; 3) королева выступает как защитница относящейся к ее *gesib*'у Вульфгиты.

Таким образом, для верного понимания текста документа нужно разобраться с интерпретацией слова *gesib*. Наиболее полный на сегодня словарь древнеанглийского языка Босворта — Толлера предлагает следующий набор значений: *peaceable* (миролюбивый), *near* (близкий), *related* (родственный/связанный), *familiar* (близкий) [3, с. 440].

В современном английском языке словосочетание *heo me gesib was* имеет в исторической литературе два варианта перевода: 1) компромиссный, допускающий две равнозначные интерпретации слова *gesib*: «родственный» и «относящийся» (*she was akin to me* («она была моей родственницей» или «она имела отношение ко мне») [10, с. 295]); 2) однозначный, настаивающий на единственном варианте перевода: «род-

ственный» (*she was my kinswoman* («она была моей родственницей») [1, с. 397]).

Последний вариант представляется недостаточно обоснованным. Если бы в хартии имелась в виду именно родственница, то был бы использован один из широко распространенных терминов, обозначающих в древнеанглийском языке родство по женской линии: *mage* «родственница» [3, с. 665] и *nidmage* «близкая родственница» [3, с. 718]. Эти слова не вошли в словарный состав современного английского языка.

Слово *kinswoman* появляется в английском языке достаточно поздно, около 1400 г., как продолжение зафиксированного около 1200 г. среднеанглийского слова *kenesmen* («родственник») [9]. При этом исходное древнеанглийское слово *synemann* имело семантику, не связанную с родством, и означало «человек короля» [3, Supplement, с. 141].

Недостаточная аргументация однозначной интерпретации слова *gesib* как «родственница/родственник» открывает возможность для поиска дополнительных доказательств в пользу того, что вариант «относящийся, близкий, связанный» является предпочтительным. В качестве рабочей может быть предложена следующая гипотеза. Термином *gesib* обозначается женское сообщество, существовавшее в раннефеодальной Англии. Задачей сообщества была юридическая защита интересов ее участников. Исходя из сформулированной гипотезы можно смоделировать соответствующую ситуацию: женщина ведет юридический спор по какому-либо (возможно, земельному) вопросу, удачный исход дела обеспечивает группа женщин, не состоящих с нею в родстве, возможно участие Эльфриты. Английский интернет-ресурс «Просопография англосаксонской Англии» содержит ссылки на информацию о 12 различных женщинах по имени Эльфриты. Имя королевы Англии Этэльфриты присутствует в десятках хартий [11]. Но только один документ описывает ее участие в судебном разбирательстве — это датированная 990/992 г. Хартия S 1454 [12, с. 136—139].

Предметом рассмотрения были имения в Хачебурне и Брэдфильде, захваченные Леофвином. Ранее эти имения Винфлэда обменяла у его отца на имение в Дэччете. Перед королем Этэльрэдом в пользу Винфлэды свидетельствовали архиепископ Сигерик, епископ Ордбрихт, уэссекский элдормен Эльфрик и упоминавшаяся выше Эльфриты, которая в данном случае имела статус королевы-матери. Участие в процессе представителей светской (элдормен) и церковной (ерхиепископ и епископ) власти выглядит вполне естественно. Участие же Эльфтри-

ты наталкивает на мысль, что Винфлэда входила в состав ее ближнего окружения. По просьбе Леофвина король направил это дело на рассмотрение суда шайра. На этот раз состав свидетелей, которые выступили на стороне Винфлэды и присягнули, что она действительно владела полученными поместьями, несколько изменился. Остались королева-мать Эльфтрита и элдормен Эльфрик, к ним присоединились аббат Вульфгар и священник Вульфстан. Вновь можно выделить представителей светской и церковной власти и Эльфтриту. Кроме того, Винфлэда со своей стороны представила 17 основных свидетелей и целую группу свидетелей, менее значительных: «*Menig god þ egen. 7 god wif þ e we ealle atellan ne magon* = многие добрые тэны и добрые женщины, которых мы всех перечислить не можем».

Из перечисленных 17 имен основных свидетелей мужскими являются восемь первых, далее поименованы две аббатисы, Эадгифу и Лиоффрама, после чего перечисляются девять знатных англосаксонских дам: Этельхильда, Эадгифа с сестрой и дочерью, Вульфвина, Этельгифа, Эльфвара, Эльфгифа, Этельфлэда.

Проверка мужских имен по ресурсу «Просопография англосаксонской Англии» показала, что в иных источниках, кроме рассматриваемой хартии, они отсутствуют. Этот факт может указывать на их относительно невысокое положение в обществе. Касательно их отношений с Винфлэдой можно предположить, что они были держателями земли в захваченных Леофвином имениях. Аргументом в пользу данного предположения служит то, что они в суде подтверждали сам факт принадлежности захваченных имений Эльфтрите («*þ a gelæ dde hio þ a ahnunga* = Тогда выдвинула она это доказательство (своего) права собственности»).

Девять женщин-свидетельниц держателями земли быть не могли. Не были они и родственницами Винфлэды. То, что они свидетельствовали в ее пользу, показывает, что они были тем или иным способом связаны с Винфлэдой. Наиболее подходящим термином для описания этой связи является *gesib*. Дальнейшее обоснование гипотезы требует дополнительной поисковой работы и анализа хартий, не связанных с королевой Эльфтритой.

Источники по истории раннефеодальной Англии указывают на неравномерное распределение социально-экономических функций между мужчинами и женщинами. В частности, исключительно женским занятием было исполнение таких важных для поддержания жизни общества функций, как помощь при родах и плач над покойником. В экономи-

ческой сфере женщины монополизировали ткачество. Влияние их на сельское хозяйство проявлялось через реализацию прав землевладельца как самостоятельно, так и совместно с мужчиной.

Хартии S 1242 и S 1454, связанные с королевой Эльфритой, позволяют высказать предположение о существовании в рамках раннефеодального английского социума особых женских сообществ, призванных обеспечить защиту прав своих участниц в суде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Harmer F. E.* Anglo-Saxon Writs. Manchester : Univ. Press, 1952.
2. Bede. Ecclesiastical History // Bede. L.; N. Y., 1930. Vol. II: Books IV—V.
3. *Bosworth J., Toller T. N.* An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1898.
4. Chronicon monasterii de Abingdon. London : Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. T. I.
5. Die Gesetze der Angelsachsen / hrsg. Liebermann von F., Bd. I. Halle a. S., 1898.
6. *Fell Chr. A.* friwif locbore revisited // Anglo-Saxon England. Cambridge : CUP, 1984. Vol. 13. P. 157—165.
7. *Fell Chr. E.* Women in Anglo-Saxon England. L. : British Museum Publications, 1984.
8. *Fulk R. D.* The Beowulf Manuscript: Complete Texts and the Fight at Finnsburg. Harvard : Univ. Press, 2010.
9. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?term=kinsman&allowed_in_frame=0 (date of access: 25.11.2015).
10. *Owen-Crocker G. R.* Dress in Anglo-Saxon England. Boydell & Brewer, 2010.
11. Prosopography of Anglo Saxon England [Electronic resource]. URL: <http://www.pase.ac.uk/jsp/DisplayPerson.jsp?personKey=8094> (date of access: 25.11.2015).
12. *Robertson A. J.* Anglo-Saxon Charters. Cambridge : CUP, 2009.
13. The Fortunes of Men // The Exeter Book. The Anglo-Saxon Poetic Records / eds. G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1936. Vol. 3. P. 154—156.
14. *Thorpe B.* Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici. A Collection of English Charters, From the Reign of King Aethelberht of Kent, A.D. DC. V. to That of William the Conqueror. With a Translation of the Anglo-Saxon. L. : Macmillan, 1865.
15. S 1242 // On-line catalogue of Anglo-Saxon charters [Electronic resource]. URL: <http://www.esawyer.org.uk/charter/1242.html> (date of access: 25.11.2015).
16. S 1348 // On-line catalogue of Anglo-Saxon charters [Electronic resource]. URL: <http://www.esawyer.org.uk/charter/1348.html> (date of access: 25.11.2015).
17. S 41 // On-line catalogue of Anglo-Saxon charters [Electronic resource]. URL: <http://www.esawyer.org.uk/charter/41.html> (date of access: 25.11.2015).
18. *Whitelock D.* Anglo-Saxon Wills. Cambridge : CUP, 2011.
19. *Wright M. J.* Anglo-Saxon Midwives // ANQ: A Quarterly Journal of Short Articles, Notes, and Reviews. 1998. Vol. 11. ISS. 1. P. 3—5.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2015 г.

ВОПРОС ОБ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКАХ РИМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО Трибуна 91 г. до н. э. Марка Ливия Друза

Рассматриваются особенности предложения о включении италийских союзников Рима (*socii*) в число римских граждан в контексте реформаторской деятельности народного трибуна 91 г. до н. э. Марка Ливия Друза. Высказано предположение, что позднеантичные авторы описывали законопроект Друза не в аутентичных терминах, а в правовых категориях своего времени. Начало сотрудничества Друза с вождем племени марсов Помпедием отнесено к более раннему, чем обычно считается, времени — весне 91 г. до н. э. Сделан вывод, что конечной целью Друза было не осуществление одного закона, а проведение реформ во всех сферах общественной жизни.

The article deals with a problem of Marcus Livius Drusus' (tr. pl. 91 B. C.) proposal to provide Roman citizenship to the Italian allies of Rome (*socii*) in the context of the tribune's legislative activity. Several authors seem to have used not authentic, but the late antique social vocabulary to describe Drusus' proposal. The beginning of his cooperation with the leader of Marsi tribe Pompaedius (Poppaedius) is attributed to the spring of 91 B. C., earlier than usually stated. The conclusion is made that Drusus' main purpose was not only one measure, but a set of reforms in different areas.

Ключевые слова: Римская республика; Марк Ливий Друз (народный трибун 91 г. до н. э.); реформы; италики; союзники Рима; римское гражданство.

Keywords: Roman Republic; Marcus Livius Drusus (tr. pl. 91 B.C.); reforms; Italians; allies of Rome; *socii*; Roman citizenship.

После окончания Третьей Пунической войны в 146 г. до н. э. Римская республика столкнулась с системным кризисом, проявившимся в политической, социальной и экономической сферах. Существование в римской общине (лат. *civitas*) правовых механизмов разрешения внутренних проблем предопределило появление в конце II в. до н. э. целой плеяды реформаторов, ставивших на повестку дня законопроекты для решения актуальных вопросов. Деятельность этих законодателей, среди которых наиболее известны братья Гракхи и Луций Аппулей Сатурнин, показала будущим реформаторам возможные пути разрешения

Монзюль Уладзімір Юр'евіч — аспірант кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. E-mail: monzul000@gmail.com

кризиса и методы решения конкретных задач. Одним из самых актуальных вопросов этого периода было обусловленное целым рядом экономических и политических причин стремление италийских союзников Рима (лат. *socii*) добиться полного римского гражданства. 10 декабря 92 г. до н. э. вступил в должность народный (плебейский) трибун Марк Ливий Друз, предложивший программу широких преобразований римской *civitas*. Всего реконструируется шесть инициатив Друза — интересующий нас законопроект о наделении италиков римским гражданством (*rogatio Livia de civitate sociis danda*), законы о выведении колоний (*lex Livia de coloniis deducendis*), о хлебных раздачах (*lex Livia frumentaria*), об изменении принципов комплектования постоянных уголовных судов *quaestiones perpetuae* (в дальнейшем — «суды»), возможно, с одновременным пополнением сената (*lex Livia iudiciaria*), о разделе земли (*lex Livia agraria*), о реформе монетного дела (*lex Livia nummaria*; историчность последнего закона спорна) [31, с. 463]. Все законы были отменены под давлением сената из-за формальных нарушений при их утверждении, а процедура принятия законопроекта о союзниках была прервана после гибели Друза в октябре 91 г. до н. э. при неясных обстоятельствах. Современные антиковеды обычно считают важнейшей реформой Друза судебную. При этом, на наш взгляд, недооценивается роль законопроекта (лат. *rogatio*) об изменении гражданско-правового статуса италийских союзников, что объясняется и отклонением данного предложения, и фрагментарностью данных нарративных источников. В случае же успешного наделения италиков полным гражданством Рим, как мы полагаем, не столкнулся бы с кровопролитной Союзнической войной 91—88 гг. до н. э., начатой италийскими союзниками. Таким образом, попытка решить острую проблему мирным путем провалилась, и впоследствии она решилась лишь с применением силы. Фактическая неспособность римских политиков проводить мирные реформы является, на наш взгляд, одним из важнейших проявлений внутреннего кризиса Римской республики, завершившегося ее падением и установлением Римской империи.

В нарративных источниках существуют различные версии хронологии реформ Друза, обстоятельств их выдвижения и конкретного содержания. Свидетельства большинства античных писателей в целом схожи, хотя существует и иная традиция, представленная прежде всего «Римской историей» Аппиана Александрийского [20, с. 11, 12]. В результате отношение к сведениям последнего автора неоднозначное — например,

Э. Габба часто предпочитает именно его сведения, а Х. Моуритсен, напротив, принижает ценность Аппиана как историка [20, с. 125, 126].

Конкретное содержание рогации о правах союзников неясно. Поскольку того, что законы Юлия и Плавтия-Папирия 90 и 89 гг. до н. э. проводились в спешке и в сложных условиях Союзнической войны, допускается их возможная связь с предложением Друза [20, с. 123]. Существуют различные версии даже относительно адресатов закона. На основании свидетельств Тита Ливия (*Liv. Ep.*, 71), Флора (*Flor.*, II, 5) и Веллея Патеркула (*Vell. Pat.*, II, 13, 14) целью Друза, как правило, считается предоставление римского гражданства неоднородной группе италийских союзников Рима (*socii*) [16; 29; 33]. Слова эпитоматора Тита Ливия о том, что Друз «возбуждает союзников и италийские племена надеждою на римское гражданство», находят отклик у Флора: Друз «возбудил плебс... и одновременно обещанием римского гражданства присоединил к плебсу союзников» [33; 5, с. 627; 16; 2, с. 158]. Веллей Патеркул пишет о стремлении трибуна «к дарованию прав гражданства Италии» [29; 2, с. 30]. Впрочем, существует и иная версия, согласно которой Друз стремился предоставить италийским союзникам только латинский статус, а полное римское гражданство полагалось лишь латинам [20, р. 118; 14, р. 197]. Проанализируем источники, на которые опирается последняя версия. Секст Аврелий Виктор пишет о том, что рогация Друза была направлена на латинов (*tribunus plebis Latinis civitatem... permisit*). Близкую интерпретацию адресатов интересующей нас реформы Друза сохранил Павел Орозий (*Oros.*, V, 18, 1—8) [22], который пишет о привлечении Друзом на свою сторону всех латинов (*Latinos omnes*). Мы полагаем, что названные позднеантичные авторы упростили для читателей политико-правовые реалии позднереспубликанского Рима, изложив их в терминологии своего времени, известной ученым по «Институциям» Гая и «Дигестам» Юстиниана. В поддержку данной гипотезы может свидетельствовать характер фразы Аврелия Виктора с перечислением целей Друза, которая носит признаки риторического пассажа с использованием приемов красочности и афористичности. Орозий же почти всегда употребляет более уместный термин «союзники» (*socii*) для описания войн (*Oros.*, IV, 9, 13; 13, 7; 20, 9; *Oros.*, V, 16, 3; 18, 16; 21, 11; *Oros.*, VI, 8, 8; 13, 2; 15, 20), в том числе для маркировки солдат вражеских Риму государств (*Oros.*, IV, 1, 15; 15, 3), а также для обозначения соратников по заговору (*Oros.*, VI, 17, 2) и единомышленников (*Oros.*, VI, 2, 2) [22]. В мирное время эта гражданско-правовая категория в интересующих нас книгах

IV—VI его сочинения не фигурирует. Более того, при описании Союзнической войны Орозий однажды маркирует термином *socii* не италиков (союзников с точки зрения римского права), а солдат, сражавшихся на стороне римлян (*Oros.*, V, 18, 16) [22]. По-видимому, Павел Орозий и Аврелий Виктор переработали социальную терминологию своих источников, из-за чего возникла версия о двух предложениях, объединенных в один законопроект.

Фрагментарный характер данных античной нарративной традиции предопределил невозможность восстановления точной хронологии проведения Друзом законов [13, с. 112; 24, с. 114]. Как правило, рогация о союзниках считается последней из реформ Друза, т. е. относится приблизительно к осени 91 г. до н. э. [3, с. 536; 11, с. 101; 24, с. 114, 115; 25, с. 54; 26, с. 424]. При этом ряд источников прямо указывает на завоевание Друзом доверия италиков надеждой (*spes*) на проведение закона, а не самим предложением законопроекта. О том, что реформы Друза проводились последовательно, свидетельствует Флор (*alium captat ex alio*) [16; 2, с. 158]. Однако фрагмент Диодора (*Diod. Sic.* XXXVII, 10) позволяет предположить, что вопреки закону Цецилия — Дидия (*Cic. De domo*, 50) популярные законы в интересах городского плебса были приняты единым пакетом (*per saturam*) [15; 32]. Порядок выдвижения законопроектов был обусловлен, по-видимому, тактическими соображениями реформатора. В первую очередь были предложены законы о хлебных раздачах, о выводе колоний, о перераспределении земли из фонда *ager publicus*, которые должны были повысить популярность трибуна и гарантировать успешное проведение других реформ.

Реконструкция достоверной абсолютной хронологии деятельности Друза в 91 г. до н. э. возможна лишь для нескольких событий. В апреле состоялся латинский фестиваль на Альбанской горе, во время которого италики намеревались устроить покушение на Филиппа, но их планы были выданы Друзом (*Aur. Vict. De vir. ill.*, 66) [8]. По словам Х. Ласта, этот эпизод продемонстрировал «удивительную осведомленность» трибуна о планах италиков [12, с. 181; 8]. Благодаря Цицерону нам частично известны и события в Риме в сентябре 91 г. до н. э. К началу римских игр (4—12 сентября) Друз, по словам Цицерона, уже начал терять популярность (*Cic. De or.* I, 7, 24) [32]. 13 сентября, после окончания праздника, состоялось созванное Друзом заседание сената, на котором трибун жаловался на Филиппа при энергичной поддержке покровителя Друза, консулара Луция Лициния Красса (*Cic. De or.* III, 1, 2) [32]. 19 или

20 сентября Красс умер (*Cic. De or.* III, 2, 6), после чего позиции Друза в сенате значительно пошатнулись [32]. Красс и принцепс сенат Марк Эмилий Скавр принадлежали к реформаторскому крылу сената, и последний уговаривал (*cohortatus sit*) Друза провести судебную реформу (*Asc.* 21). Впрочем, Красс участвовал в разработке крайне невыгодного для италиков закона Лициния — Муция 95 г. до н. э. и потому, вероятно, не поддерживал предложение Друза о правах союзников [1, с. 145]. Предполагая его возможное противодействие, Э. Габба допускает, что рогация Друза была выдвинута уже после смерти Красса [17, с. 133]. Отсутствие свидетельств о голосовании и об обсуждении этого законопроекта на сходках (*contiones*) подтверждает версию [19, с. 10]. Аппиан сообщает лишь о том, что трибун погиб во время подготовки законопроекта (*App. B. C.*, I, 36) [7]. Впрочем, можно допустить, что смерть Красса случайно совпала с планами трибуна, давно готовившего этот законопроект. Дело в том, что 10 декабря 91 г. до н. э. полномочия Друза истекали и он терял право законодательной инициативы. Однако нам неизвестны планы Друза переизбраться на второй срок. При этом по упоминавшемуся закону Цецилия — Дидия между промульгацией (публичным обнародованием законопроекта) и голосованием должен был пройти интервал в *trinundinum*. По разным трактовкам он соответствует или 24 дням (три нундины — рыночных дня), или *третьей* нундине, т. е. 17 дням [18, с. 281—285]. Все эти обстоятельства вынуждали трибуна планировать безотлагательную промульгацию законопроекта и организацию плебисцита. Возможно, что эта рогация не успела пройти даже промульгацию [31, с. 340]. Вероятно, причиной этого стало то, что поздняя организация голосования была ориентирована на сельских жителей, которые во время земледельческого сезона предпочитали не отрываться от своих хозяйств.

Спорной остается датировка похода Помпедия Силона на Рим, известного по фрагменту «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (*Diod. Sic.* XXXVII, 13) [15]. Согласно Диодору, Помпедий отправился со своими сторонниками в Рим, но после разговора с неким Домицием решил добиться гражданства мирными способами. Размещение этого фрагмента перед началом рассказа о Союзнической войне не следует воспринимать буквально: эта часть «Исторической библиотеки» дошла до нас лишь в отрывках и последовательность сохранившихся фрагментов нельзя считать надежной. Обычно данный эпизод датируют второй половиной 91 г. до н. э., порой связывая с действиями спе-

циальной комиссии сената [4, с. 144; 10, с. 428, 429; 11, с. 101; 13, с. 114]. Имя Помпедия упоминается Валерием Максимом и Плутархом (*Val. Max.* III, 1, 2; *Plut. Cato Min.*, 2), которые передают одну и ту же историю о переговорах Помпедия («друга» трибуна) с трибуном в доме последнего в 91 г. до н. э. [23; 28]. Поскольку этот дом был известен тем, что все происходящее внутри было видно прохожим (*Vell. Pat.*, II, 14), переговоры не могли быть тайными и прием вождя воинственного италийского племени мог быть знаком для римского нобилитета и для самих италиков [29]. Известны и иные упоминания о контактах трибуна с италийскими союзниками (*App. B. C.*, I, 35; *Diod. Sic.* XXXVII, 11; *Flor.*, II, 5) [7; 15; 16]. Некоторые из античных свидетельств о связях Друза с италиками в современной историографии иногда считаются вымышленными или сильно искаженными из-за желания политических оппонентов трибуна подвести его действия под закон Вария [20, с. 124, 125]. Мы же полагаем, что сообщение откровенной лжи о Друзе авторами императорской эпохи — среди наших источников доминируют именно они — маловероятно из-за родства трибуна с Ливией Друзиллой, последней женой императора Октавиана Августа, и с ее сыном, популярным Друзом Германиком. Поэтому мы склонны датировать поход Друза весной 91 г. до н. э., одновременно с заговором на Альбанской горе, так как дальнейшие действия Помпедия укладываются в отказ вождя марсов от попытки восстания на латинском фестивале в пользу мирного решения союзнического вопроса. При этом нельзя исключать, что под влиянием Помпедия Друз мог скорректировать свой план реформы гражданского статуса италиков.

Проблема последовательности предложений Друза тесно связана с вопросом о конечных целях его реформ. Тит Ливий и Веллей Патеркул считают основной задачей трибуна проведение судебной реформы, Аппиан — наделение союзников римским гражданством. Такие разночтения объясняют наличие полярных мнений и в современной историографии. Кроме того, антиковеды указывают и на важность аграрного закона Друза, недооцененную в источниках [26, с. 424; 27, с. 573—590]. Проанализируем основные позиции, существующие в античной нарративной традиции. Прежде всего если главной целью Друза была судебная реформа, то сложно объяснить, почему она не удовлетворяла интересам ее основных адресатов — сената (*App. B. C.*, I, 36; *Vell. Pat.*, II, 13) и сословия всадников (*App. B. C.*, I, 36; *Cic. Cluent.*, 153) [7; 29; 32]. Очевидно, это было следствием некорректной оценки восприятия реформы в

обществе. Кроме того, мы можем допустить слабое взаимодействие Друза с сенатским большинством. Влияние сената на менее актуальные для них предложения (законодательство в интересах бедняков), по всей видимости, было еще меньшим. Кроме того, в случае приоритета судебной реформы неясно, почему в качестве тактического приема, призванного обеспечить трибуну популярность перед решающим предложением, он обратился именно к обещанию наделить италиков римским гражданством. Судебная реформа Друза не затрагивала интересы большинства римлян, и у них не было оснований голосовать против нее, как, впрочем, и активно поддерживать [21, с. 86]. Напротив, инкорпорация италиков в число римских граждан лишала жителей Рима их главной привилегии, не говоря уже о косвенных последствиях расширения состава *civitas* — снижении роли коренных римлян на выборах, уменьшении численности вспомогательных воинских контингентов. Таким образом, обещанный Друзом союзнический закон был для римлян менее предпочтительным, чем итоговая цель трибуна в виде судебной реформы. Не совсем ясны и выгоды от привлечения италиков, ведь до получения гражданских прав в Риме, т. е. до исполнения обещания, они, за исключением носителей неполного латинского гражданства, не могли голосовать.

Если же конечной целью Друза было изменение статуса италийских союзников, то тактическим приемом трибуна, направленным на завоевание голосов народа для решающего предложения, можно считать все остальные его законы. Но в таком случае трудно объяснить обращение Друза к реформированию судебной системы. В дополнение к отсутствию интереса многих римлян к ее проведению эта реформа вызвала недовольство как всадников, так и сенаторов. В результате вместо поддержки или нейтралитета сената и всадников перед реализацией его основного предложения Друз столкнулся с их открытой оппозицией, завершившейся в итоге отменой всех законов трибуна и его гибелью. Поэтому проведение судебного закона перед официальным выдвижением законопроекта об италиках, в чем уверено большинство наших источников, может быть вызвано одной из следующих причин. Во-первых, Друз мог неверно оценить реакцию на судебную реформу, ошибочно сочтя ее приемлемой для использования в качестве промежуточной меры по повышению своей популярности. Во-вторых, трибун мог обратиться к союзническому вопросу уже во время трибуната (например, после апрельского заговора на Альбанской горе, продемонстрировавше-

го решительность италиков) [6, с. 44, 45; 14, с. 196]. В-третьих, Друз мог предложить рогацию о союзниках без надежды на ее успех, что, впрочем, слабо согласуется с данными источников [20, с. 125]. В-четвертых, реформы и судов, и гражданского статуса союзников могли быть в равной степени важными для трибуна. Как мы полагаем, неопределенность источников в вопросе об основных целях Друза свидетельствует о том, что эти версии были сформулированы после гибели трибуна. В свете вышеизложенного можно предположить, что Друз предпринял попытку комплексного разрешения системного кризиса в Римской республике, выражавшегося не только в политической, но также в экономической и социальной сферах [17, с. 131; 30, с. 442]. Очередность выдвижения законопроектов Друзом указывает не столько на существование главных и вспомогательных предложений, сколько на наличие единого плана, ориентированного на успех всего пакета реформ.

Подготовка к выдвижению законопроекта о наделении союзников римским гражданством оттолкнула от Друза немало римлян, поддерживавших его благодаря проведению аграрного, хлебного и колониационного законов [24, с. 115]. Определенную роль в падении популярности трибуна сыграло его обращение к силовым методам воздействия на магистратов (*Flor.*, II, 5, 8, 9) [16]. С учетом сохранявшейся оппозиции к действиям трибуна со стороны большей части сената и всадников Друз оказался практически в полной изоляции, что сделало его шансы на успешное проведение закона о союзниках призрачными. Италики же могли оказывать трибуну лишь моральную поддержку, так как только обладатели латинского статуса могли участвовать в голосованиях в Риме, и то лишь в единственной трибе [20, р. 120, 121].

Подведем итоги. В 91 г. до н. э. Марк Ливий Друз попытался решить целый ряд наиболее острых и злободневных вопросов и с их помощью преодолеть кризис римской *civitas*. В своей законодательной деятельности Друз был тесно связан как с представителями италиков, так и с лидерами реформаторского крыла сената. Тем не менее он, по-видимому, оставался самостоятельной фигурой, а целью его деятельности была не реализация политических программ других нобилей, а реформы в интересах всей республики. Первые из предложенных Друзом реформ были с энтузиазмом приняты римлянами и повысили популярность трибуна, что он использовал для проведения судебной реформы и подготовки к решению союзнического вопроса. Содержание законопроекта о правах союзников не вполне ясно, но можно утверждать, что адресатами ре-

формы были все италики, главная цель реформы Друза — наделение италийских союзников Рима полным римским гражданством. Однако попытка решить наиболее острые проблемы древнеримской *civitas* провалилась в силу недостаточной продуманности конкретных предложений, оттолкнувших многих адресатов его законов. К тому же выдвижение рогации о союзниках и обращение Друза к насильственным методам политической борьбы привели к стремительной потере популярности трибуна в самом Риме. Отметим позицию Э. Бэдиана, по мнению которого влияние Друза ослабил популярный среди италиков полководец Гай Марий: якобы благодаря его агитации италики надеялись, что смогут получить гражданство и без уступок в виде аграрного закона Друза [9, с. 221]. По рогации о союзниках так и не было проведено голосование, а принятые ранее законы были отменены [31, с. 315]. Тот факт, что Друз не оставлял попыток исполнить обещание, данное италикам, вплоть до гибели, свидетельствует, по нашему мнению, о его решимости добиться разрешения кризиса римской *civitas* любой ценой. Смерть Друза и провал его законопроекта о наделении италиков римским гражданством — последнего шанса добиться равноправия с римлянами мирным путем — стали одними из важнейших поводов к началу кровопролитной Союзнической войны. В ходе данного конфликта большинство общин и племен италиков добились римского гражданства. При этом законы, с помощью которых италикам было даровано это право, вероятно, воспроизводили именно предложение Друза [20, с. 123].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М. : Молодая гвардия, 2007.
2. Малые римские историки. Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампелий. М. : Ладомир, 1996.
3. Немировский А. И. История древнего мира. Античность. 2-е изд. М. : Русь-Олимп, 2007.
4. Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск : БГУ, 1963.
5. Тут Ливий. История Рима от основания города : в 3 т. М. : Ладомир, 2002. Т. 3.
6. Циркин Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб. : СПбГУ, 2006.
7. Appian. Perseus Project [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0231> (date of access: 10.05.2015).
8. Aurelius V. AgoraClass [Electronic resource]. URL: http://agoraclass.fltr.ucl.ac.be/concordances/aurelius_de_uiris_illus/texte.htm (date of access: 10.05.2015).
9. Badian E. Foreign Clientelae (264—70 BC). Oxford : Clarendon Press, 1958.
10. Bancalari M. A. Gli interventi degli italici nella lotta politica romana durante il tribunato di Livio Druso (91 a.C.) // Studi Classici e Orientali. 1988. Vol. 37. P. 407—437.

11. *Brunt P.* The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxford : Clarendon Press, 1988.
12. The Cambridge Ancient History. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1932. Vol. IX.
13. The Cambridge Ancient History. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. Vol. IX.
14. *Capogrossi Colognesi L.* Law and Power in the Making of the Roman Commonwealth. Transl. by L. Kopp. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2014.
15. *Diodorus S.* Book 37 // Attalus [Electronic resource]. URL: <http://www.attalus.org/greek/diodorus37.html> (date of access: 10.05.2015).
16. *Florus.* The Latin Library [Electronic resource]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/florus2.html> (date of access: 10.05.2015).
17. *Gabba E.* Republican Rome, the Army and the Allies. Transl. by P. J. Cuff. Berkeley; Los Angeles : Univ. of California Press, 1976.
18. *Lintott A. W.* Trinundinum // The Classical Quarterly. 1965. Vol. 15, № 2. P. 281—285.
19. *Millar F.* Politics, Persuasion and the People before the Social War (150—90 BC) // The Journal of Roman Studies. 1986. Vol. 76. P. 1—11.
20. *Mouritsen H.* Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography. London : School of Advanced Study, Univ. of London, 1998.
21. *Mouritsen H.* Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001.
22. *Paulus Or.* The Latin Library [Electronic resource]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/orosius/orosius5.shtml> (date of access: 10.05.2015).
23. *Plutarch.* Perseus Project [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus:collection:Greco-Roman> (date of access: 10.05.2015).
24. *Salmon E. T.* The Cause of the Social War // Phoenix. 1962. Vol. 16, № 2. P. 107—119.
25. *Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B. C. to A. D. 68. 5th ed. London; N. Y. : Routledge, 2011.
26. *Seymour P. A.* The Policy of Livius Drusus the Younger // The English Historical Review. 1914. Vol. 29, № 115. P. 417—425.
27. *Tweedie F.* Caenum aut caelum: M. Livius Drusus and the Land // Mnemosyne. 2011. Vol. 64. P. 573—590.
28. *Valerius M.* AgoraClass [Electronic resource]. URL: http://agoraclass.fltr.ucl.ac.be/concordances/valere_maxime_03/texte.htm (date of access: 10.05.2015).
29. *Velleius P.* AgoraClass [Electronic resource]. URL: http://agoraclass.fltr.ucl.ac.be/concordances/velleius_hist_rom_02/texte.htm (date of access: 10.05.2015).
30. *Weinrib E. J.* The Judiciary Law of M. Livius Drusus (tr. pl. 91 B.C.) // Historia : Zeitschrift für alte Geschichte 1970. Bd. 19, H. 4. P. 414—443.
31. *Williamson C.* The Laws of the Roman People. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2005.
32. Works of Cicero // Perseus Project [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus%3Acorpus%3Aperseus%2CAuthor%2CCicero> (date of access: 10.05.2015).
33. Works of Livy. Periochae // The Latin Library [Electronic resource]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/livy/liv.per.shtml> (date of access: 10.05.2015).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2015 г.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 1990-х гг. В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Рассматриваются основные подходы американских исследователей к изучению российской политической культуры 1990-х гг. Показано, что ученые, которые занимались «старой», исторически сложившейся политической культурой, обращали внимание на ее авторитарный характер и приходили к выводу, что преодоление исторического наследия и построение демократии в России являются исключительно сложными задачами. Другие исследователи, включавшие в свои работы результаты социологических опросов, были настроены более оптимистично, хотя и ставили под сомнение приверженность россиян некоторым демократическим ценностям.

The article deals with the main approaches of the American researchers to the studies of the Russian political culture of the 1990s. The scholars who paid attention to the «old», historically formed political culture emphasized its authoritarian nature and concluded that it would be difficult to overcome the historical legacy and build democracy in Russia. The other researchers used the results of the opinion polls and were much more optimistic about the perspectives of Russian democracy, although they doubted the adherence of the Russians to some democratic values.

Ключевые слова: политическая культура; демократия; российское общество; авторитаризм.

Keywords: political culture; democracy; Russian society; autocracy.

Изучению «старой» русской политической культуры, уходящей своими корнями в глубину веков, уделяли внимание еще советологи. Анализировать исторические данные было для ученых проще, чем иметь дело с современными им советскими реалиями. Имея ограниченные возможности объективной оценки настроений советских граждан, они внесли свою лепту в осмысление российской истории. Как правило, советологами «старая» русская политическая культура трактовалась как авторитарная. Хотя акценты могли ставиться на разные стороны данного явления, в целом авторитаризм оставался стержневой идеей работ. Несмотря на давность, труды советологов не потеряли своего значения, и современные работы содержат ссылки на классические советологические произведения.

Шабасова Марына Алексееўна — дацэнт кафедры гісторыі Рэспублікі Беларусь дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук. E-mail: shabasovamarina@gmail.com

В самом упрощенном виде мысль, передаваемая от одного поколения ученых к другому, была проста: Россия всегда была автократией и преодоление авторитарного наследия является делом исключительной сложности. При этом одни полагали, что Россия коренным образом отличалась от Запада и авторитаризм являлся неотъемлемой характеристикой ее политической культуры. Другие утверждали, что Россия просто отставала от Запада и несовершенная российская демократия 1990-х гг. являлась шагом вперед по сравнению как с дореволюционным, так и с коммунистическим прошлым.

Из работ, посвященных «старой» русской культуре, выделяется исследование крупнейшего американского советолога Р. Пайпса «Россия при старом режиме», где Россия рассматривалась как особый, непохожий на Запад мир [2]. Несмотря на то что Р. Пайпс был критикуем за односторонне негативное восприятие России и Советского Союза, его идея «вотчинного государства», являвшегося крупнейшим собственником, находила отклик во многих последующих исследованиях.

Р. Пайпс весьма последовательно отстаивал идею, что история России начиная с Рюриковичей являла собой рост силы государства, в то время как общество оказалось неспособным каким-либо образом ограничить власть верховных правителей. Ученый утверждал, что до 1900 г. ни одна из общественных или политических групп не оспаривала власть монархии, поскольку, поступая с территорией страны как со своей вотчиной, а с населением как со слугами, государство предотвращало формирование независимых очагов. В то же время группы населения видели в монархии единственный источник материальных благ и были склонны заискивать перед властью, а не конфликтовать с ней. В российских условиях только отказ от политических амбиций мог гарантировать подъем над нищетой и экономическим прозябанием. Борьба с терроризмом привела к тому, что между 1878 и 1881 гг. в России был заложен юридический и организационный фундамент бюрократическо-полицейского режима с тоталитарными обертонами, на котором была впоследствии выстроена власть Советов [2, с. 404—408].

Р. Пайпс считал, что в истории, а не в идеях Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса лежали корни советского тоталитаризма, так как «хотя идеи безусловно могут породить новые идеи, они приводят к организационным переменам лишь если падают на почву, готовую их принять» [2, с. 414]. Тезисы Р. Пайпса о неразделенности власти и собственности в российском государстве, аморфности общественных групп и их полном

подчинении верховной власти для приобретения благ нашли поддержку в работах авторов, делавших экскурс в историю с целью найти объяснение современным процессам.

Исследования политической культуры России Р. Пайпс продолжил и после распада СССР, оставаясь по большому счету верным ранее сделанным выводам. В книге «Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры» он указывал на то, что русские не отделяли государство от царя, церковь от государства и поддерживали абсолютизм тогда, когда остальная Европа отказалась от него. В очередной раз отмечался патримониальный характер власти государя, «владевшего» подданными, и отсутствие в России плодородной почвы для демократии [3].

По мнению С. Уайта, характерными чертами традиционной политической культуры России являлась слабость представительных институтов, низкий уровень участия в политическом процессе населения; централизованный, бюрократический и авторитарный стиль правления. Перечисленные факторы имели своим следствием персонализированные связи в сфере политики и отсутствие политических знаний и опыта за пределами весьма ограниченных сфер.

Российское государство играло значимую роль не только в тех областях, где любое государство проявляло должную активность, как, например, в поддержании общественного порядка и сборе налогов, но также вмешивалось в экономику, вопросы религии и нравственности, детально регламентировало правосудие. Общество отличалось высоким уровнем консервативности и сильными традициями групповой солидарности, соседствовавшими со своей противоположностью — подозрением к чужакам. Большим доверием пользовались личные отношения, а не безликие процедуры; каждый аспект жизни государства, от сельского хозяйства и военной службы до убеждений и поведения, подлежал регулированию со стороны всей общности.

С. Уайт утверждал, что абсолютизм имел в России богатый «социальный материал», включавший в себя мелкопоместное дворянство, буржуазию, купечество и крестьянство, не пытавшихся ни в коей мере создать какую-либо оппозицию государству. Несмотря на то что некоторые народные институты, например крестьянский мир, и пытались сыскать некую независимость от государства, невежество, консерватизм и уважение к патриархальной власти и коллективному единству в конце концов подорвали их автономность. Авторитаризм стал легитимной

формой правления для большинства россиян. Согласно С. Уайту, отсутствие, слабость и позднее появление институциональных ограничений на власть монарха служили примером «особого и глубоко укорененного образа отношения к правительству», названного автором «традиционной российской политической культурой». Эта культура, отличаясь заметной живучестью, перекочевала в форме триады «самодержавие, православие, народность» в советскую политическую культуру, став прототипом уже советской триады «диктатура, коммунистическая идеология, интернационализм» [18, с. 64].

У работ, акцентировавших внимание на авторитарном характере «старой» политической культуры и ее содержательной неизменности при внешних метаморфозах и приспособляемости к внешним обстоятельствам, есть общие отличительные черты. У исследователей традиционной политической культуры прослеживалось присутствие дихотомии «всевластный центр — бесправное, аморфное население». Это обстоятельство в свое время дало «зеленый свет» большевикам и сделало невозможным возвращение на российской почве демократии.

Контраргументы утверждениям об авторитарном характере российской политической культуры были редкими, поэтому на общем фоне особо выделяются работы Н. Петро, последовательно отстаивавшего существование альтернативной политической культуры [4; 5; 16]. Исследователь полагал, что относительно безболезненный распад СССР стал возможным благодаря тому, что в российской политической культуре имелись демократические мотивы, существовавшие бок о бок с авторитарными ее составляющими. Абсолютная власть монарха, по мнению ученого, была ограничена существующими обычаями, о чем свидетельствуют литература и мемуары иностранцев, изобилующие примерами неэффективности бюрократии и посреднической роли народных традиций и культуры [16, с. 23]. Исследования Н. Петро построены на анализе все той же формулы С. Уварова, во всех трех составляющих которой автор усматривал проявления альтернативной политической культуры. В частности, он указывал на ограничение самодержавия со стороны церкви и «всея земли». Консенсус государства с церковью и сословиями, представленными в земских соборах, служил для царя важным источником легитимности. Претендуя на абсолютную власть, Петр I нарушил существовавшую между государством, обществом и церковью гармонию, следствием чего стала борьба общества за возвращение самодержавия в былые рамки. По мнению Н. Петро, данное явление было свиде-

тельством того, что именно ограниченная автократия являлась идеалом российской политической культуры [16, с. 31].

Что касается православия, то здесь, несмотря на ограничение Петром I автономии церкви, не был предан забвению принцип симфонии, равновесия и взаимодополняемости церковной и светской власти. Н. Петро утверждал, что после Петра I церковь снова стремилась ограничить абсолютизм и активно поддержала становление российского гражданского общества в начале XX в. [4]. Национальный демократический идеал сложился в начале XX в. и был выдержан в духе славянофильства и патриотизма [16, с. 35].

С приходом к власти большевиков по поступательному развитию альтернативной политической культуры был нанесен удар, однако и в советское время она явственно проступала в диссидентском движении, целью которого было воссоздание альтернативного идеала в вопросах государственного управления, церкви и национального самосознания. Что касается перспектив на постсоветское будущее, то Н. Петро усматривал возможность успешной демократизации страны и полагал, что Россия имела аутентичные, заложенные в своей собственной политической культуре основания для установления демократии [4].

Наконец, хотелось бы отметить работу Т. Макдэниела, примечательную тем, что автор высказывал идею прерывания в 1990-е гг. развития политической культуры. Т. Макдэниел утверждал, что за последние два столетия ни русские цари, ни коммунистические руководители не смогли заложить основ жизнеспособного современного общества, причиной чего стала так называемая «русская идея», заключающаяся главным образом в убежденности, что у России свой исторический путь, для которого характерны общие ценности, общинность и равенство. Возвращение к «русской идее» позволяло диктаторским режимам избегать социального взрыва. Оторвав народ от его прошлого и представив Запад как единственную модель современности, реформаторы 1990-х гг. подорвали основы традиционной этики и представлений о будущем. По мнению Т. Макдэниела, после распада СССР Россия, встав на путь западной модернизации, переживала агонию «русской идеи» [12].

Таким образом, в традициях «старой» русской и советской политических культур можно было найти элементы как авторитаризма, так и демократии. Однако апелляция к истории, как правило, служила для подтверждения идеи о сложности демократизации страны в силу «дурной» наследственности, заложенной в политической культуре.

После распада СССР ученые получили возможность проводить в России социологические опросы. В 1990-е гг. появились многочисленные работы, авторы которых пытались объяснить одобрение или отторжение россиянами идеи демократии, изучить политические предпочтения различных групп населения. А. Миллер, В. Хесли и У. Рейзингер реабилитировали теорию модернизации. Ученые отдавали должное влиянию образования, уровня доходов, пола, личного экономического положения и отношения к КПСС на отказ от признания регулирующей роли государства. Они отмечали, что образованные граждане, проживавшие в городах и занятые в высокооплачиваемой или социально престижной сфере, были склонны в гораздо большей степени поддерживать демократические идеи, чем те, кто имел относительно низкий уровень образования, проживал в сельской местности или маленьких городах, имел скромные доходы и принадлежал к «голубым воротничкам» [13, с. 16, 17].

Т. Колтон и М. Макфол подчеркивали значимость возраста респондентов. Ученые полагали, что чем дольше человек прожил в коммунистической системе, тем менее он был склонен разделять демократические идеи и тем более ностальгировал по ушедшему в историю Советскому Союзу. Молодое поколение, в свою очередь, предпочитало жить в демократической стране [7].

Поскольку трансформация политической системы хронологически совпадала с экономическими реформами, сопровождавшимися резким падением жизненного уровня населения и спадом экономического роста, то признание демократии ставилось в зависимость от экономического благосостояния и общей преданности идее рыночной экономики [8]. Одновременно существовала и противоположная тенденция выводить взгляды на политику из-под влияния экономических факторов и объяснять степень поддержки демократии исходя из эффективности и привлекательности функционирования новой политической системы.

Если обратиться к оценкам политических ориентаций россиян в 1990-е гг., то следует отметить, что здесь наблюдался временной динамизм. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. опросы общественного мнения давали основания для оптимистического взгляда на российское общество как прочного фундамента для демократизации страны. В исследованиях англо-американских авторов было зафиксировано, что идеология марксизма-ленинизма, идея построения коммунистического или социалистического общества больше не находили отклика у со-

ветских граждан и в стране образовался идеологический вакуум, требовавший нового наполнения. На переломе эпох россияне позитивно восприняли демократические идеи. А. Финифтер и Э. Микиевич, располагая данными опросов 1989 г. по таким основополагающим вопросам, как отношение к демократии, темпам перемен, и к такой важной компоненте социалистической идеологии, как ответственность государства за благосостояние граждан, пришли к двоякому выводу о поддержке демократии советским населением перед распадом СССР. Авторы отмечали, что в стране поддерживались выборы как базовый демократический принцип, но одновременно доказывали свою живучесть старые идеи, не вмещавшие в себя принципы либеральных прав и свобод [9].

Рубеж десятилетий стал признанной вехой в истории России, когда у страны появилась возможность разойтись со своим авторитарным и тоталитарным прошлым. Подъем антикоммунистических настроений и распространение идей демократии в последние годы существования СССР были зафиксированы в работах англо-американских авторов, не преминувших воспользоваться возможностью научной работы в Советском Союзе. Одним из первых предпочтения россиян в условиях зарождающейся демократии исследовал Дж. Хан. На основании опросов общественного мнения, проведенных в Ярославле в 1990 г. по таким пунктам, как политическая эффективность, политическое доверие, поддержка свободных выборов, заинтересованность в политике и понимание политических процессов, ученый пришел к выводу, что нет причин для того, чтобы считать российскую политическую культуру авторитарной. Политическое мышление россиян представлялось схожим с представлениями жителей западных индустриальных демократий [11].

Дж. Гибсон, Р. Дач и К. Тедин, опиравшиеся на результаты опросов общественного мнения, проведенных в 1990 г. в Московской области, положительно оценивали настроения россиян и утверждали, что политическая культура не будет препятствовать дальнейшей демократизации СССР. По мнению ученых, ответы россиян были обнадеживающими и свидетельствовали о поддержке гражданских прав, наличии консенсуса относительно абстрактно сформулированных демократических принципов, позитивной оценке свобод и возможности несогласия. Единственное исключение — отсутствие присущего демократии толерантного отношения к политическим противникам [10].

Однако вскоре демократические взгляды российских граждан стали оцениваться более сдержанно. Исследователи были вынуждены обра-

тить внимание на то, что оценки россиянами идеи демократии в общем и демократии конкретно в их стране существенно различались. Более того, положительное отношение к демократии не обязательно сопровождалось признанием ценностей, без которых функционирование демократической системы невозможно.

Дж. Паметт предлагал различать общие ассоциации со словом «демократия», мнение о демократии в теории и суждения о существующем в России демократическом строе. Согласно результатам опросов общественного мнения, проведенных сразу после парламентских выборов 1995 г., у большинства россиян само слово «демократия» вызывало негативные эмоции и ассоциировалось с хаосом, анархией, дезинтеграцией, демагогией, коррупцией, преступностью, бедностью, инфляцией, безработицей и т. д. [15, с. 46, 47]. Большой процент респондентов высказали неудовлетворение функционированием демократического режима в России. В то же время россияне положительно относились к самой идее демократии, не возражали против установления в их стране истинно демократического режима, высоко оценивали такие составляющие демократии, как свобода слова, независимое судопроизводство, регулярные состязательные выборы, право частной собственности, наличие конституции, политических партий и независимых общественных организаций, проведение референдумов [15, с. 48, 49].

Дж. Александер писал о сосуществовании авторитарной и демократической направленностей в российской политической культуре, отмечая при этом возрастание авторитарных проявлений в силу трудностей «переходного периода» [6]. А. Миллер, У. Рейзингер и В. Хесли полагали, что в период с 1992 по 1995 г. наблюдалось возвращение к социалистическим ценностям. Этот факт ученые объясняли растущим национализмом, ностальгией по коммунистическим порядкам, утратой иллюзий по поводу некоторых аспектов рыночной экономики, недовольством увеличившимся социальным неравенством [14].

Критического взгляда на перспективы российской демократии придерживался Р. Пайпс. В 1995 г. на встрече на философском факультете Санкт-Петербургского университета он заявлял, что, хотя России в силу давних традиций будет труднее избавиться от коммунистического наследия, чем другим странам Восточной Европы, через два-три поколения возможны положительные сдвиги в направлении построения рыночной экономики и демократии [1, с. 61]. Однако обзоревая состояние российской демократии и общества через десять лет, Р. Пайпс кон-

статировал возрождение склонности россиян к авторитаризму. В статье «Бег от свободы», построенной одновременно на анализе исторического наследия и итогов соцопросов, проводимых ВЦИОМом, Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) при Российской академии наук и центром «Валидата», Р. Пайпс подчеркивал устойчивость таких явлений, как отчужденность россиян от государства, их стремление не выходить за границы частной жизни.

Из имеющихся данных Р. Пайпс делал вывод о негативном восприятии демократии большинством россиян и о понимании ими российской политики как «приватизированной» и контролируемой могущественными кланами. Россияне не ценили демократические завоевания конца 1980-х — начала 1990-х гг., сомневались в необходимости многопартийности, не видели пользы в либеральных правах и свободах и скептически относились к новой экономической системе. Население страны также испытывало ностальгию по СССР и враждебность к западному миру. Центральным утверждением Р. Пайпса стало то, что в России возрождалось авторитарное государство, где граждане были отстранены от политической ответственности, а образ внешнего врага выступал в качестве консолидировавшего нацию фактора [17, с. 15].

Изучением трансформации ценностей россиян занимался М. Уиман. Автор отмечал, что с 1991 г. народная поддержка политических институтов неуклонно шла на убыль. Решающее значение имели события 1993 г., после которых возросло разочарование в посткоммунистических институтах. Российским гражданам были присущи дезориентированность и ощущение бессмысленности. Порвав с ценностями старой системы, россияне не нашли ничего привлекательного в новой, что вылилось в стремление к порядку и определенности. Однако М. Уиман не соглашался с общеизвестным клише о «русской авторитарной традиции», утверждая, что его респонденты предпочли бы видеть в стране и демократию, и порядок. Такие предпочтения не противоречили пожеланиям граждан признанных демократий. М. Уиман приводил пример США, где, так же как и в России, имелось немалое число приверженцев сосуществования демократии и сильного лидера [19, с. 131].

Неожиданно на фоне общего пессимизма в отношении политических ориентаций россиян выглядели рассуждения Т. Колтона и М. Макфола, полагавших, что в 1990-е гг. поддержка демократии в России опережала развитие политических институтов. Ученые утверждали, что в 1990-е гг. общество смогло оторваться от авторитарной политической

культуры прошлого. По их мнению, авторитарные настроения россиян не имели того катастрофического масштаба, какой виделся многим западным исследователям. Проведя ряд соцопросов во время электорального цикла 1999—2000 гг., авторы продемонстрировали, что хотя россияне критически относились к существовавшему политическому порядку, считали развал СССР крупнейшей ошибкой и в большинстве своем предпочли бы жить в реформированном или прежнем Советском Союзе, они высоко оценивали демократию как форму правления страной и с уважением относились к полученным правам и свободам.

Что касается воззрений россиян на институциональное устройство, то здесь полученные М. Макфолом и Т. Колтоном результаты опросов выглядели в некоей мере неожиданно. Наибольший процент российских граждан высказались в пользу равномерного распределения полномочий между президентом и парламентом, предоставления регионам права решать некоторые вопросы самостоятельно и признали существование партий явлением необходимым и полезным. Ученые отмечали, что если россияне готовы принять политические партии, считающиеся согласно соцопросам некомпетентными, маргинальными и неэффективными образованиями как необходимую составляющую демократии, то интуитивное понимание демократической теории и практики в России глубже, чем обычно предполагается западными специалистами. Они также полагали, что готовность россиян пожертвовать многими демократическими завоеваниями во имя порядка преувеличена.

М. Макфол и Т. Колтон отмечали, что россияне поддерживали демократию, но необязательно западного типа. Авторы писали, что демократия как идея в определенной степени пользовалась в общественном сознании автономией, не зависела от отношения к западной цивилизации и в перспективе возможна была нативизация демократических принципов [7].

Хотя эмпирическое изучение политических ориентаций российских граждан в 1990-е гг. отличалось заметной вариативностью в подходах и выводах, выделить основные тенденции все же можно. Если в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ученые были преисполнены оптимизма по поводу демократических настроений российских граждан, то впоследствии они были вынуждены констатировать обращение россиян к традиционным ценностям, каковыми являлись сильная власть и порядок, а также проявление недоверия и нетерпимости к идеологическим противникам. В целом на исходе первого посткоммунистического десяти-

летия россияне, негативно оценивая российскую практику демократии, сохраняли положительное отношение к демократическим ценностям и понимали важность демократических институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Козловский В. В.* Встреча с профессором Ричардом // Рубеж (альм. соц. исслед.). 1995. № 6—7. С. 58—74.
2. *Паўнц Р.* Россия при старом режиме. М. : Независимая газ., 1993.
3. *Паўнц Р.* Русский консерватизм и его критики. М. : Новое изд-во, 2008.
4. *Петро Н. Н.* Демократические традиции в российской политической культуре // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 1998. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.povsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/F1FD1654DB5EA464C3256727002E7B96> (дата обращения: 01.02.2016).
5. *Петро Н. Н.* О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Полис. 1998. № 1. С. 36—51.
6. *Alexander J.* Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition. N. Y. : St. Martin's Press, 2000. XII.
7. *Colton T., McFaul M.* Are Russian Undemocratic // Carnegie Endowment Working Papers. 2001. № 20 [Electronic resource]. URL: <http://www.carnegieendowment.org/files/20ColtonMcFaul.pdf> (date of access: 01.02.2016).
8. *Evans G., Whitefield S.* The Politics and Economics of Commitment: Support for Democracy in Transition Societies // British J. of Political Science. 1995. Vol. 25. P. 485—514.
9. *Finifte A. W., Mickiewicz E.* Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change // American Political Science Review. 1992. № 4. P. 857—874.
10. *Gibson J., Duch R., Tedin K.* Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // J. of Politics. 1992. № 4. P. 329—371.
11. *Hahn J.* Contiguity and Change in Russian Political Culture // British J. of Political Science. 1991. № 4. P. 393—421.
12. *McDaniel T.* Agony of Russian Idea. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1996.
13. *Miller A. H., Hesli V. L., Reisinger W. M.* Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine // The Public Opinion Quarterly. 1995. № 1. P. 1—40.
14. *Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. L.* Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR // American Political Science Review. 1994. № 2. P. 399—411.
15. *Pammatt J. H.* Elections and Democracy in Russia // Communist and Post-Communist Studies. 1999. № 1. P. 45—60.
16. *Petro N.* The Rebirth of Russian Democracy: an Interpretation of Political Culture. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1995.
17. *Pipes R.* Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs. 2004. № 3. P. 9—15.
18. *White S.* Political Culture and Soviet Politics. N. Y. : St. Martin's Press, 1979.
19. *Wyman M.* Public Opinion in Postcommunist Russia. London : Macmillan, 1997.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ. КРЫНІЦАЗНАЎСТВА І МЕТАДЫ ГІСТАРЫЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ

ВЫВУЧЭННЕ І АХОВА Ё БССР ПОМНІКАЎ АРХЕАЛОГІІ (па матэрыялах часопіса «Наш край». 1925—1930 гг.)

Аналізуецца часопіс «Наш край» у кантэксце змешчанай у ім інфармацыі па археалагічных помніках. У якасці храналагічных рамак абраны перыяд выдання часопіса з 1925 па 1930 г. У той час разам са шматлікімі помнікамі архітэктуры, этнаграфіі, мастацтва ўвагу кіраўніцтва Інстытута беларускай культуры і сяброў шматлікіх краязнаўчых арганізацый прыцягвалі помнікі археалогіі. Былі зроблены першыя крокі ў галіне стварэння заканадаўчай базы аховы помнікаў, іх вывучэння і правядзення ахоўных мерапрыемстваў. Прыходзіла разуменне адукацыйна-выхаваўчага патэнцыялу археалагічнай спадчыны.

The article is an attempt to analyze «Nash Kraj» Magazine from the point of view of protection of archaeological monuments. The period of the magazine publication from 1925 until 1930 is chosen as chronological frames of the article. At that period parallel to cultural and historical artifacts archaeological monuments appeared at the focus of interest. The first steps were made towards the creation of legislation on the protection of archaeological monuments, their research and protective measures as well as educative potential of archaeological heritage.

Ключавыя словы: археалогія; помнік; краязнаўства; артыкул; Цэнтральнае бюро краязнаўства; Інстытут беларускай культуры.

Keywords: archaeology; monument; regional studies; article; Central Bureau of Regional Studies; Institute of Belarusian Culture.

Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч — прафесар кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук. E-mail: aguzhalovsky@yahoo.com

Штомесячны друкаваны орган Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК) — часопіс «Наш край» — выдаваўся з 1925 па 1930 г. у Мінску на беларускай мове накладам каля 2 тыс. асобнікаў. Пачынаючы з другога нумара часопіс рэдагаваў беларускі пісьменнік і грамадскі дзеяч Змітрок Бядуля (С. Я. Плаўнік). Сакратаром рэдакцыі з’яўляўся лексікограф, мастацтвазнаўца, літаратуразнаўца, арганізатар краязнаўчага руху М. І. Каспяровіч. За мастацкае афармленне нумароў адказвалі М. Г. Эндэ і А. М. Тычына. Часопіс «Наш край» быў адзіным у БССР спецыялізаваным выданнем, якое адлюстроўвала розныя аспекты развіцця краязнаўчага руху ў рэспубліцы і мела аўдыторыю ў дзясяткі тысяч чалавек — болей колькасці актыўна працуючых краязнаўцаў. «Наш край» быў форумам не толькі для краязнаўчай супольнасці, але таксама для прастаўнікоў акадэмічнай і ўніверсітэцкай навукі, настаўніцтва і вучнёўскай моладзі, маладой беларускай інтэлігенцыі ў цэлым.

Археалагічная навукa Беларусі ў 1920-я гг. перажывала перыяд арганізацыйнага будаўніцтва, знаходзілася ў стадыі назапашвання фактаў, а таксама фарміравання асобнымі вучонымі навуковых канцэпцый. Была створана перыядызацыя першабытнай гісторыі насельніцтва Беларусі; вывучаны час і напрамкі засялення тэрыторыі рэспублікі, гаспадарчая дзейнасць, асаблівасці матэрыяльнай культуры, напрамкі сацыяльнай эвалюцыі плямён жалезнага веку. У выглядзе Інбелкульту паўстаў нацыянальны археалагічны цэнтр, што дазволіла арганізаваць сістэматычнае планамернае вывучэнне старажытнасцей Беларусі, стварала ўмовы для ўзнікнення беларускай археалагічнай школы. На думку В. С. Вяргей, сярод такіх важных сацыяльна-культурных з’яў, як музейная справа і сістэма аховы помнікаў, што значна паспрыялі станаўленню беларускай археалагічнай навукі таго часу, асобае месца займала краязнаўства [4]. Пытанні ўліку, аховы і вывучэння археалагічнай спадчыны Беларусі гучалі на ўсіх краязнаўчых з’ездах і канферэнцыях, абмяркоўваліся на пасяджэннях нізавых арганізацый і, канешне, у шматлікіх публікацыях часопіса «Наш край».

У снежні 1923 г. выйшла пастанова СНК БССР «Аб рэгістрацыі, прыёме на ўлік і ахове помнікаў мастацтва, мінуўшчыны, быту і мясцовасцей прыроды, якія з’яўляюцца ўласнасцю ўстаноў і таварыстваў, а таксама прыватных асоб». Гэтай пастановай забараняліся вываз і продаж археалагічных помнікаў за мяжу. У выпадку продажу помніка ў межах БССР права першага пакупніка належала музеям. Любое перамяшчэнне прадметаў археалогіі павінна было абавязкова рэгістравацца навуко-

ва-экспертнай камісіяй, якая стваралася пры Народным камісарыяце асветы [19, с. 5].

1 ліпеня 1926 г. намеснік старшыні СНК БССР М. М. Карклін падпісаў яшчэ два важныя дакументы — пастановы СНК БССР «Аб абвясчэнні дзяржаўнай уласнасцю помнікаў старажытнасці, мастацтва, быту і прыроды» і «Аб парадку аховы помнікаў старажытнасці, мастацтва, быту і прыроды, абвешчаных дзяржаўным скарбам». Да першай пастановы прыкладаўся дадатак у выглядзе спіса з 94 помнікаў, якія абвясчаліся дзяржаўнай уласнасцю. У гэтым спісе акрамя помнікаў архітэктуры, мастацтва, прыроды мы знаходзім тры археалагічныя помнікі — мінскае, заслаўскае і полацкае замчышчы. У другой пастанове помнікам археалогіі быў прысвечаны асобны раздзел, дзе пералічаліся іх віды (курганы, гарадзішчы, надмагільныя будовы і г. д.), а таксама вызначалася паняцце ахоўнай зоны [1, с. 24—29].

Па словах арганізатара першых навукова-археалагічных экспедыцый у БССР А. М. Ляўданскага, дзейнасць краязнаўцаў мела вызначальны характар у справе ўліку і аховы аб'ектаў археалагічнай спадчыны. Менавіта яны забяспечвалі на практыцы выкананне першага беларускага помнікаахоўнага заканадаўства, а ў некаторых выпадках прапаноўвалі ўласныя заканадаўчыя ініцыятывы ў гэтай галіне. Напрыклад, Аршанскае акруговае таварыства дамаглося таго, што акруговы выканаўчы камітэт у 1925 г. выдаў пастанову аб ахове помнікаў старажытнасці ў акрузе, а таксама стварыў археалагічны заказнік (курганны могільнік XI ст. каля в. Чаркасава ля Оршы).

Навукова-даследчая работа краязнаўцаў у галіне археалогіі была абмежавана манапольным правам на правядзенне раскопак у БССР кафедры археалогіі Інбелкульта. Краязнаўцы мелі справу пераважна з разведкай і абследаваннем (картаграфаваннем, замалёўкай, фатаграфаваннем) стаянак, гарадзішчаў, курганоў, а таксама выпадковымі знаходкамі, якія яны атрыбутавалі, інфармавалі пра іх Інбелкульт і перадавалі на захаванне ў дзяржаўныя і грамадскія краязнаўчыя музеі.

Канешне, гэта ідэальная схема спрацоўвала не заўсёды. А. М. Ляўданскі ў сваім артыкуле прыгадвае выпадкі самастойнага (без дазволу з Мінска) правядзення дылетанцкіх раскопак, у выніку якіх страчвалася каштоўная інфармацыя. Напрыклад, не была выключэннем адмова лепельскіх краязнаўцаў перадаць на кафедру археалогіі для вывучэння рэдкую бронзавую сякеру (кельт). Не заўсёды краязнаўцы інфармавалі Інбелкульт пра выпадковыя палеанталагічныя знаходкі.

Але не гэтыя выпадкі характарызавалі ўнёсак краязнаўцаў у вывучэнне Беларусі. Кароткія паведамленні пра археалагічныя помнікі з'явіліся ў раздзеле «Хроніка» ўжо ў першых нумарах часопіса і былі вынікам запаўнення краязнаўцамі апытальных аркушаў, распрацаваных і разасланых на месцы навукова-экспертнай камісіяй Інбелкульта ў 1924 г. Другім важным вынікам гэтай працы быў карткавы каталог археалагічных помнікаў Беларусі, які фарміраваўся супрацоўнікамі кафедры археалогіі Інбелкульта для стварэння археалагічнай карты Беларусі. Над уласнымі акруговымі археалагічнымі картамі працавалі краязнаўцы Магілёўскай, Аршанскай, Мазырскай і іншых арганізацый.

А. М. Ляўданскі з удзячнасцю прыгадвае імёны студэнтаў-краязнаўцаў М. М. Улашчыка, А. Д. Кавалені і С. С. Шутава¹, якія на працягу 1923—1928 гг. самастойна даследавалі шэраг стаянак, гарадзішч і селішч у розных рэгіёнах рэспублікі. У 1926 г. М. М. Улашчык і С. С. Шутаў арганізавалі першую экспедыцыю краязнаўчай арганізацыі БДУ па рацэ Свіслач, падчас якой былі выяўлены і абследаваны даславянскія і славянскія гарадзішчы і курганы. У наступным годзе яшчэ большы аб'ём работы быў здзейснены А. Д. Каваленем і С. С. Шутавым падчас другой экспедыцыі БДУ — на Мазыршчыну. Сярод іншага ў 1927 г. яны абследавалі Тураўскае гарадзішча. У 1928 г. трэцюю і чацвёртую краязнаўчыя экспедыцыі БДУ — ва Ушацкі і Дубровенскі раёны — узначаліў загадчык кафедры этнаграфіі ўніверсітэта І. А. Сербаў (кіраўніцтва чацвёртай экспедыцыяй ён ажыццяўляў сумесна з С. К. Жураўскім²). Удзельнікі гэтых экспедыцый абследавалі гарадзішчы, раскопвалі курганы X—XI стст., а С. С. Шутаў адкрыў неалітычную стаянку каля в. Гараны.

Найбольш падрыхтаваныя сябры краязнаўчых арганізацый, не абмяжоўваючыся дапамогай у правядзенні раскопак супрацоўнікам кафедры археалогіі Інбелкульта, браліся за раскопкі самастойна. У 1924 г.

¹ Шутаў Сяргей Сяргеевіч (1906—1972) нарадзіўся ў м. Новы Быхаў, у вучнёўскія гады зацікавіўся беларускай мінуўшчынай, сабраў калекцыю каменных прылад працы, падчас навучання ў БДУ ў 1925—1928 гг. удзельнічаў у шэрагу экспедыцый Інбелкульта, вынікам якіх было адкрыццё важных археалагічных помнікаў. Пасля заканчэння медфака БДУ (1929) працаваў урачом спачатку ў Клімавічах, затым, хаваючыся ад рэпрэсій, якія распачаліся ў БССР супраць краязнаўцаў, — на Далёкім Усходзе (1931—1933 гг.). З 1933 г. — супрацоўнік Інстытута прафесійных захворванняў у Ленінградзе.

² Жураўскі Сцяпан Казіміравіч (1885—?) нарадзіўся ў в. Туркі Бабруйскага пав. у сям'і службоўца, атрымаў вышэйшую адукацыю, працаваў выкладчыкам у Мінскім вышэйшым педагагічным інстытуце. Член Цэнтральнага бюро краязнаўства. Арыштаваны ў 1936 г. як «член контррэвалюцыйнай антысавецкай арганізацыі», асуджаны на 10 гадоў папраўчапрацоўных лагераў, далейшы лёс невядомы. Рэабілітаваны ў 1958 г.

А. К. Супінскі³ капаў курганы каля Віцебска, гомельскі краязнаўца С. Х. Бабарыкін — каля Чачэрска. У 1926—1927 гг. будучы дырэктар Магілёўскага краязнаўчага музея І. Х. Юшчанка даследаваў Любенскае гарадзішча ля Гомеля. Мазырскі краязнаўца І. Р. Калодкін у 1927 г. адкрыў і пазначыў на карце шэраг стаянак на рацэ Прыпяць і яе прытоках. У Койданаўскім раёне гарадзішчы і курганы, якія далі багаты матэрыял для навукі, выявіў мясцовы краязнаўца І. Т. Шпілеўскі⁴ [12, с. 56—61].

Упершыню тэмай спецыяльнага даследавання ў выглядзе двух артыкулаў, аб'яднаных пад назвай «Помнікі старасьветчыны ў Мазыршчыне», археалагічныя помнікі на старонках «Нашага краю» сталі ў маі 1926 г. Першы артыкул знаёміў чытачоў з курганамі, якія знаходзіліся на тэрыторыі акругі — «гарой Шайтан», «Каршаковай гарой», а таксама замкавай гарой. Узгадаліся разнастайныя выпадковыя археалагічныя знаходкі, зробленыя на тэрыторыі прадмесця Мазыра «Кімбараўка» і паселішча позняга неаліту і бронзавага веку ў маёнтку Загорыны (7 км на паўночны захад ад Мазыра) [22, с. 51, 52].

Аўтар другога артыкула — старшыня Мазырскага акруговага таварыства краязнаўства А. І. Крукоўскі⁵ — распавёў пра рэшткі дальмена,

³ Супінскі Антон Казіміравіч (1896—1957) нарадзіўся ў в. Дастоева Пінскага пав. Мінскай губ., працаваў народным настаўнікам, у 1915 г. прызваны ў армію, у 1918—1919 гг. — у Чырвонай арміі, пасля дэмабілізацыі — на педагагічнай працы ў Віцебску. Скончыў Віцебскі настаўніцкі інстытут і Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута. З 1931 г. працаваў загадчыкам беларускага аддзела Інстытута па вывучэнні народаў СССР, навуковым супрацоўнікам Дзяржаўнага этнаграфічнага музея, супрацоўнікам рэдакцыі часопіса «Савецкая этнаграфія» ў Ленінградзе. У 1937 г. арыштаваны як «вораг народа», адбываў тэрмін зняволення ў Каргопальлагу. Пасля вызвалення выкладаў у Чарапавецкім педагагічным інстытуце, працаваў у мясцовым краязнаўчым музеі. Абараніўшы ў 1949 г. кандыдацкую дысертацыю, вярнуўся ў Ленінград.

⁴ Шпілеўскі Іван Фёдаравіч (1891—1941) нарадзіўся ў Койданаве ў сялянскай сям'і. Служыў на Балтыйскім флоце, быў удзельнікам Першай сусветнай і грамадзянскай войнаў, у 1922 г. вярнуўся на радзіму, дзе працаваў старшынёй Койданаўскага райвыканкама. Потым — супрацоўнік секцыі краязнаўства Інбелкульту, у 1930-я гг. — кіраўнік справамi БелАН. Падчас рэпрэсій супраць супрацоўнікаў акадэміі звольніўся па ўласным жаданні. Загінуў у першыя дні ВАВ у адным з санітарных цягнікоў, разбомбленых фашыстамі.

⁵ Крукоўскі Аляксандр Іосіфавіч (1901—1945) нарадзіўся ў в. Загалле Любанскага раёна. Пачатковую адукацыю атрымаў у Загальскай царкоўнапрыходскай школе, скончыў Слуцкую духоўную семінарыю. Настаўнічаў у сваёй вёсцы, потым вучыўся на курсах беларусазнаўства ў Мінску. У Мазыры выкладаў беларускую мову і літаратуру, працаваў у акруговым адзеле народнай асветы. Быў адным з найбольш актыўных ініцыятараў разгортвання краязнаўчага руху на Мазыршчыне. У чэрвені 1930 г. пераведзены ў Мінск на пасаду намесніка дырэктара Інстытута геалогіі і гідрагеалогіі АН БССР, з 1935 г. — дырэктара. Арыштаваны ў 1936 г. У 1937 г. прыгавораны да 10 гадоў лагераў. Памёр у зняволенні на будаўніцтве чыгункі ў Бурат-Манголіі. Рэабілітаваны ў 1956 г.

што знаходзіліся прыкладна за 15 км на поўдзень ад Мазыра ля в. Бібікі. У той час гэты помнік складаўся з двух камянёў — вялікага, памерамі 4 на 1,5 м, які меў мясцовую назву «каменны вал», і малога, пад назвай «каменнае ярмо», прыкладна ўтвая меншага па памерах. Па словах старых жыхароў, калісьці побач ляжаў яшчэ трэці камень, які называлі «скамянелы чалавек». Тыя ж старыя жыхары паведамілі аўтару, што «...гадоў сто таму каменныя валы мелі ногі, якія з цягам часу засыпала пяском». Такім чынам, у артыкуле звяртаецца ўвага археолагаў на адно з самых старажытных мегалітычных надмагільных збудаванняў паўднёвай Беларусі [10, с. 53, 54].

Краязнаўцам пачатку 1920-х гг. быў добра вядомы такі спосаб аховы і вывучэння археалагічнай спадчыны, як складанне карт з пазначэннем на іх археалагічных помнікаў. Цікаваць краязнаўцаў да археалагічнага картаграфавання была абумоўлена імкненнем зафіксаваць хутка знікаючыя помнікі, праінфармаваць пра іх спецыялістаў і шырокія колы грамадства. Звычайна краязнаўцы ставілі перад сабой задачу суцэльнага абследавання ўласнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі з мэтай максімальна поўнага выяўлення помнікаў і іх папярэдняй навуковай інвентарызацыі. Методыка выканання гэтых прац была заснавана на візуальным аглядзе тэрыторыі, вывучэнні тапаграфічных карт, апытаннях мясцовага насельніцтва. Акрамя таго, беларускія краязнаўцы 1920-х гг. выкарыстоўвалі публікацыі даследчыкаў, якія вывучалі мінулае Беларусі ў дарэвалюцыйны час. Уніфікаванай схемы апісання археалагічных аб'ектаў распрацавана тады яшчэ не было. Правядзенне археалагічных разведак не толькі патрабавала ад краязнаўцаў наяўнасці базавых гістарычных ведаў, але таксама забірала шмат часу і сіл.

У артыкулах, прысвечаных археалагічнаму картаграфаванню, што з'явіліся ў часопісе, звяртае на сябе ўвагу адна акалічнасць. Сістэматызавання звесткі аб помніках у іх не ілюструюцца буйнамаштабнымі тапаграфічнымі картамі мясцовасцей з нанесенымі на іх звесткамі, што было б лагічным завяршэннем працы аўтараў. Гэта значыць, што мы маем справу з легендамі да карт, якія змяшчаюць інфармацыю пра тапаграфію помнікаў. На нашу думку, дадзеная акалічнасць тлумачыцца забаронай ваеннай цензуры даваць у адкрытым друку буйнамаштабныя карты мясцовасцей БССР.

Упершыню ў часопісе падобным чынам падаў матэрыялы да археалагічнай карты Аршанскай акругі намеснік старшыні Аршанскага ак-

руговага таварыства Д. М. Васілеўскі⁶ [2, с. 64—67]. Праца па стварэнні археалагічнай карты акругі пачалася на пачатку 1925 г., калі Аршанскае таварыства атрымала з Інбелкультга анкету для параённай рэгістрацыі помнікаў старажытнасці.

Тэма археалагічнай спадчыны Мазырской акругі зноў з’явілася на старонках часопіса «Наш край» у 1928 г. Яе ўзняў навуковец з Ленінграда, аматар беларускіх старажытнасцей У. П. Тарановіч⁷. Ва ўводнай частцы сваёй працы ён вызначыў мэту даследавання наступным чынам: скласці «вычарпальны пералік архэалёгічных помнікаў на Мазыршчыне». Усе помнікі У. П. Тарановіч сістэматызаваў паводле іх тэрытарыяльнай прывязкі (Азарыцкі, Жыткавіцкі, Капаткевіцкі, Калінкавіцкі, Каралінскі, Лельчыцкі, Нараўлянскі, Петрыкаўскі, Тураўскі раёны). Археалагічныя помнікі кожнага раёна ён традыцыйна падзяліў на старажытныя паселішчы (стаянкі, гарадзішчы, селішчы) і старажытныя пахаванні (курганы, магільнікі, крыжы, камяні). Заканчваецца артыкул кароткім нарысам гісторыі Мазыршчыны ад першай летапіснай узгадкі горада ў 1153 г. да пачатку XX ст. [21, с. 37—44].

У 1926 г. чытачы часопіса даведаліся пра нявывучаныя гарадзішчы, рэшткі вала і курганы пры вытоцы ракі Лучоса з Бабінавіцкага возера (Высачанскі раён Віцебскай акругі) [20, с. 56—58]. Настаўнік Г. Л. Віна-

⁶ Васілеўскі Даніла Мінавіч (1889—1963) нарадзіўся ў в. Новае Сяло Віцебскага пав. Вучыўся ў Полацкай настаўніцкай семінарыі, дзе ўвайшоў у гурток «Вястун ведаў», што знаходзіўся пад уплывам народніцкіх і сацыял-дэмакратычных ідэй. З 1910 г. пачаў збіраць фальклор на Полаччыне. Працягваў адукацыю ў Віцебскім настаўніцкім інстытуце. У 1914—1915 гг. — на педагагічнай рабоце. Дасылаў свае допісы ў часопіс «Школа і жыццё», газету «Наша ніва». З 1919 г. — інструктар школ на Віцебшчыне, пасля — інспектар народнай асветы ў Оршы. У 1920-я гг. актыўна далучыўся да краязнаўчага руху. У 1923 г. арганізаваў Віцебскае губернскае бюро краязнаўства; з 1924 г. — намеснік старшыні, старшыня Аршанскага акруговага таварыства краязнаўства. З 1930 г. — дэкан географічнага факультэта Магілёўскага педінстытута. Уздзельнік раскопак верхнепалеалітычнай стаянкі Бердыж. Арыштаваны ў 1936 г. як «вораг народа», высланы ў Котлас. Працаваў буравіком, тэнолагам у Варкуце. Рэабілітаваны ў 1956 г. Апошнія гады жыў у Феадосіі.

⁷ Тарановіч Уладзімір Паўлавіч (1874—1941) нарадзіўся на Валыні, у 1898 г. скончыў Пецябургскі ўніверсітэт, працаваў справаводам у губернскіх установах, з 1906 па 1917 г. — у канцэлярыі Дзяржаўнай думы. Адначасова вучыўся ў Пецябургскім археалагічным інстытуце. У 1920 г. скончыў Інстытут народнай гаспадаркі, з 1920 па 1931 г. працаваў у лясным адзеле Петраградскай губернскай земскай управы, на працягу 1930-х гг. займаў шэраг выкладчыцкіх і адміністрацыйных пасадаў у Ленінградзе. Беларускія археалагічныя старажытнасці сталі для яго хобі, другой спецыяльнасцю.

градаў⁸ даслаў апісанне гарадзішча, што знаходзілася ў 4 км ад в. Іванічы Чэрвеньскага раёна на беразе ракі Волма [3, с. 59—61].

Вясной 1927 г. настаўнік беларускай мовы і літаратуры Т. І. Гурыновіч, абследаючы па заданні ЦБК археалагічныя помнікі Старобінскага раёна, выявіў пяць срэбных грывнаў і бранзалет X—XI стст. Гэты скарб быў выпадкова знойдзены хутаранінам П. Герасіменем «...у 10 вярстах ад Старобіна, у ніз па цячэнню ракі Случ, вярсты дзеве за вёскаю Мілкавічы, сярод лясоў на ўзгорку пад назваю Дабрычава». П. Герасіменя «з ахвотаю» перадаў знойдзенае ў музей з умовай, што пасля вывучэння знаходак яму распавядуць, што яны азначаюць, і аддзячаць за ахвяраванне [6, с. 75—77].

У 1929 г. А. М. Ляўданскі, які да таго часу ўжо займаў пасаду загадчыка кафедры археалогіі Беларускай акадэміі навук, паставіў перад краязнаўцамі маштабныя задачы выяўлення, апісання, фотафіксацыі ўсіх археалагічных помнікаў БССР, складання іх карткавага каталога і, на яго аснове, — археалагічнай карты БССР [11, с. 17—23]. Размова ў яго артыкуле ішла пра больш за 200 палеалітычных і неалітычных стаянак, 1000 даслаўянскіх і славянскіх гарадзішчаў, дзясяткі тысяч курганоў, а таксама непадлічаную колькасць селішчаў, каменных крыжоў і інш. Гэтая маштабная праца, паводле задумы А. М. Ляўданскага, павінна была скончыцца да пачатку I Усесаюзнага археалагічнага з'езда⁹, запланаванага на снежань 1929 г. Трэба адзначыць, што нават беручы пад увагу масавасць краязнаўчага руху 1920-х гг., а таксама энтузіязм і адданасць сяброў мясцовых арганізацый, задачы, пастаўленыя перад імі А. М. Ляўданскім на летні сезон 1929 г., былі цяжкавыканальныя. Тым не менш многія краязнаўцы прыступілі да іх вырашэння.

М. І. Каспяровіч адгукнуўся на артыкул А. М. Ляўданскага вельмі цікавым даследаваннем міждысцыплінарнага характару, у якім з прыцягненнем метадаў тапанімікі, геаграфіі і філалогіі была прааналізавана такая распаўсюджаная на Беларусі група пахавальных помнікаў, як кур-

⁸ Вінаградаў Гаўрыла Лявонцэвіч (1889—?) нарадзіўся ў в. Багушэвічы Ігуменскага пав. Мінскай губ. у сялянскай сям'і. Атрымаў сярэднюю спецыяльную адукацыю. Працаваў настаўнікам сярэдняй школы ў г. Чэрыкаве Магілёўскай акругі. Актыўна ўдзельнічаў у краязнаўчым руху. У лістападзе 1937 г. асуджаны тройкай НКУС «за антысавецкую агітацыю, накіраваную на звяржэнне савецкай улады», на 10 гадоў ППЛ. Вызвалены ў 1947 г. Далейшы лёс невядомы. Рэабілітаваны ў 1956 г.

⁹ I Усесаюзны археалагічны з'езд, які даваў шансе на адраджэнне сістэмы дарэвалюцыйных археалагічных з'ездаў на новым узроўні і разглядаўся арганізатарамі ў якасці буйнейшага навуковага форуму савецкіх археолагаў, быў сарваны пачаткам палітычных рэпрэсій супраць вучоных, усталяваннем ідэалагічнага кантролю над гуманітарнай навукай.

ганы (валатоўкі). Базай даследавання М. І. Каспяровіча з’явіліся запоўненыя краязнаўцамі 1507 анкет з 98 раёнаў БССР і некаторых прылеглых тэрыторый. Акрамя таго, аўтар абапіраўся на ўласныя даныя, здабытыя падчас паездкі па ўсіх васьмі акругах БССР. Аналіз сабранага матэрыялу паказаў, што ў 1929 г. у 38 раёнах БССР курганы меліся ў 141 мясцовасці. У 32 мясцовасцях захаваліся народныя паданні пра іх як пра магілы волатаў — продкаў беларусаў. М. І. Каспяровіч падмацаваў народнае тлумачэнне дадзенага тыпу археалагічных помнікаў думкамі шэрагу вучоных — П. Ю. Шафарыка, А. А. Спіцына, В. Ю. Ластоўскага; прапаноўваў свае падлікі колькасці населеных пунктаў на тэрыторыі этнаграфічнай Беларусі, у назве якіх маецца элемент «волат» (217 тапонімаў). Не згубіў сваёй навуковай каштоўнасці распрацаваны М. І. Каспяровічам картаграфічны матэрыял, які выглядае наступным чынам: «1. Картаграма атрыманых адказаў на анкету аб волатах; 2. Картаграма называння курганоў валатоўкамі; 3. Карта раёнаў, у якіх дакументальна засведчана месцазнаходжэння валатавак; 4. Карта раёнаў, у якіх засведчана бытаванне падання аб тым, што ў валатоўках пахаваны волаты; 5. Картаграма паселішчаў з асноваю “волат” у назве; 6. Картаграма географічных назваў з асноваю “волат”; 7. Карта раёнаў, у якіх засведчана бытаванне прозьвішч з асноваю “волат”; 8. Карта раёнаў, у якіх засведчана бытаванне казак пра волатаў; 9. Карта раёнаў, у якіх засведчана разуменне волата як гіганта» [8, с. 84—89].

Сябры Чэрвеньскай краязнаўчай арганізацыі адгукнуліся на праграмны артыкул А. М. Ляўданскага вывучэннем курганнай групы ля хутара Стара-Прудская Смалярня [9, с. 67]. Увосень 1929 г. у часопісе «Наш край» з’явілася інфармацыя пра даследаванні археалагічных помнікаў у Полацкай акрузе, спачатку — у Вульскім і Расонскім [7, с. 74, 75], а ў пачатку наступнага года — у Асвейскім [5, с. 55—57]. Краязнаўца А. І. Рынейскі¹⁰ даў інфармацыю пра археалагічную разведку ў Барысаўскім і Бярэзінскім раёнах, што праводзіліся летам 1929 г. па заданні кафедры археалогіі БелАН І. Р. Калодкіным і М. М. Канвісаравым. Было пройдзена больш за 400 кіламетраў уздоўж ракі Бярэзіна, нанесена на план

¹⁰ Рынейскі Анатоль Іосіфавіч (1902—?) нарадзіўся ў Бабруйску ў сям’і службоўца, меў незакончаную вышэйшую адукацыю, працаваў настаўнікам у адной з мінскіх школ. Асуджаны ў 1925 г. на тры гады «за захаванне антысавецкай бела-эсэраўскай літаратуры і незарэгістраванага нагана». Пасля вяртання працаваў навуковым супрацоўнікам у Беларускаму дзяржаўным музеі, удзельнічаў у археалагічных, краязнаўчых даследаваннях. Зноў арыштаваны і асуджаны да трох гадоў «за шпіёнскую і антысавецкую дзейнасць» у 1933 г. Далейшы лёс невядомы. Рэабілітаваны па першай справе ў 1992 г., па другой — у 1961 г.

каля 1000 курганоў, праведзена шурфаванне 13 гарадзішч і аднаго селішча, а таксама лакалізацыя дзвюх стаянак і першабытнай майстэрні каменных прылад [17, с. 72, 73; 18, с. 87—89].

Археалагічныя знаходкі ў залежнасці ад значнасці і каштоўнасці перадаваліся ў Беларускае дзяржаўнае музей (БДМ) у Мінску, у яго аддзяленні ў Віцебску, Магілёве і Гомелі, а таксама ў грамадскія краязнаўчыя музеі. Буйнейшая ў разглядаемы час у рэспубліцы археалагічная калекцыя паўстала ў БДМ у Мінску дзякуючы намаганням загадчыка археалагічнага аддзела музея А. М. Ляўданскага.

Асобае месца археалагічныя матэрыялы займалі ў дзвюх залах экспазіцыі віцебскага аддзялення БДМ. У першай зале дэманстраваліся мінералагічная і палеанталагічная калекцыі, а таксама знаходкі каменнага веку, зробленыя на Віцебшчыне (фрагменты шкілетаў маманта, тура, насарога, трылабіта). У другой зале наведвальнікам прапаноўвалі азнаёміцца з артэфактамі з Віцебскага замчышча і навакольных курганоў, у тым ліку са зброяй, упрыгожваннямі, кафляй. Усе матэрыялы ў экспазіцыйных залах былі пададзены на фоне малюнкаў дагістарычнай прыроды і сярэдневяковага Віцебска. Усяго ў археалагічным аддзеле Віцебскага аддзялення было больш за 8 тыс. адзінак [13, с. 55].

Самастойны гістарычна-археалагічны аддзел меўся таксама ў магілёўскім аддзяленні. Сярод краязнаўчых музеяў найбольш каштоўны ў навуковых адносінах археалагічны аддзел меў Клімавіцкі акруговы краязнаўчы музей Калінінскай акругі. У аснову яго экспазіцыі былі пакладзены нешматлікія курганныя знаходкі і старажытныя манеты, якія засталіся ад музея мужчынскай гімназіі, які існаваў у горадзе да Першай сусветнай вайны. У 1926 г. у музеі ўжо дэманстраваліся помнікі старажытнаегіпецкага мастацтва (бронзавыя статуэткі Азірыса, Апіса і інш.), палеалітычныя помнікі (крамянёвыя сякеры, долаты, скрабкі), курганныя знаходкі (пацеркі, завушніцы, спражкі, вісочныя кольцы і інш.), сярэдневяковая зброя і амуніцыя (мячы, кальчугі, панцыры) [16, с. 71].

Першыя наведвальнікі музея Слוצкага акруговага таварыства, адкрытага ў сакавіку 1927 г., сярод іншага ўбачылі неалітычныя малаткі і цёслы, знойдзеныя ў курганах чарапы, косці, гаршкі, шклянныя пацеркі, галаўную грыўну, жалезную сякеру, фрагмент кальчугі, старажытную цёглу, прылады працы, ядры ад гармат [14, с. 29]. Актыўныя намаганні па фарміраванні археалагічнай калекцыі прыкладала музейная рада Полацкага акруговага таварыства краязнаўства. Да 1929 г. у музеі мелася каля 100 знаходак, датуемых эпохай неаліту, больш за 1000 манет ВКЛ і Расійскай імперыі, якія паходзілі са скарбаў, знойдзеных на Полаччы-

не, і інш. [15, с. 57]. На працягу другой паловы 1920-х гг. невялікая археалагічная калекцыя сфарміравалася таксама ў бабруйскім, барысаўскім, аршанскім і мазырскім краязнаўчых музеях.

Пры ўсіх хібах (выкарыстанне неправеранай інфармацыі, вольнае абыходжанне з крыніцамі і літаратурай, блытаніна ў тапонімах і антрапонімах) пошукава-разведвальныя даследаванні і ахоўныя мерапрыемствы, што праводзілі беларускія краязнаўцы ў адносінах да археалагічнай спадчыны, дазволілі адкрыць невядомыя раней гістарычныя факты, дапоўніць, удакладніць і канкрэтызаваць звесткі аб помніках, паставіць іх на ўлік і прадэманстраваць у музеях. Атрыманы і апублікаваны матэрыял стварыў важную базу першакрыніц па Першабытнай і Сярэднявяковай гісторыі Беларусі.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Бюллетень Совета Народных Комиссаров Б.С.С.Р. № 9 (18). 1926. 15 ліп.
2. *Васілеўскі Д.* З матар'ялаў да археалёгічнай карты Аршанскае акругі // Наш край. 1926. № 6—7.
3. *Вінаградаў Г. Л.* Сівья съведкі мінулага Чэрвеншчыны // Наш край. 1926. № 8—9.
4. *Вяргей В. С.* Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919—1941 гг. Мінск : Навука і тэхніка, 1992.
5. *Глацёнак В.* Некаторыя з помнікаў Асьвейскага раёну // Наш край. 1930. № 3.
6. *Гурыновіч Т.* Там, дзе знойдзены Старобінскія грыўні // Наш край. 1929. № 8—9.
7. *Карандзей І.* Помнікі старасветчыны і краевыды Вульскага і Расонскага раёнаў Полаччыны // Наш край. 1929. № 8—9.
8. *Касьяровіч М. І.* Валатоўкі і зьвязаныя з імі перажыткі // Наш край. 1929. № 6—7.
9. *Касьяровіч М. І.* Вывучэньне валатовак на Чэрвеншчыне // Наш край. 1929. № 4.
10. *Крукоўскі А.* Каменныя валы // Наш край. 1926. № 4—5.
11. *Ляўданскі А. Н.* Археалёгічныя помнікі Беларусі // Наш край. 1929. № 2.
12. *Ляўданскі А. Н.* Краязнаўчыя арганізацыі і археалёгія // Наш край. 1928. № 12.
13. *Мазуркевіч Я.* Віцебскае Аддзяленьне Беларускага Дзяржаўнага Музею // Наш край. 1928. № 10.
14. *Мікіцінскі У.* Слуцкі раённы краязнаўчы музей // Наш край. 1928. № 1.
15. *Мялешка С.* Полацкі акруговы краязнаўчы музей // Наш край. 1929. № 12.
16. Наш край. 1926. № 10—11.
17. *Рынейскі А.* Да археалёгічнага вывучэньня Беларусі // Наш край. 1929. № 11.
18. *Рынейскі А.* Разведачная археалёгічная экспедыцыя // Наш край. 1929. № 8—9.
19. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1924. № 1.
20. *Сяргеенка Я.* Гарадзішча пры паселішчы Бабынавічы // Наш край. 1926. № 8—9.
21. *Тарановіч У.* Старасветчына Мазыршчыны ў матар'яльных помніках // Наш край. 1928. № 8—9.
22. *Федарака Б. І.* Археалёгі павінны зьвярнуць увагу // Наш край. 1926. № 4—5.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

«ИСТОРИЯ АРХИЕПИСКОПОВ САЛОНЫ И СПЛИТА» АРХИДЬЯКОНА ФОМЫ О НАШЕСТВИИ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК БАТУ-ХАНА НА РУСЬ И ВЕНГРИЮ В XIII в.

Рассматривается источник XIII в., автор которого — архидьякон сплитского архиепископского капитула Фома. В хронике подробно освещены вопросы вторжения монгольских войск в славянские земли и Венгрию, быт, тактика и вооружение монголов. Дается изложение хода битв и сражений, а также сравниваются сведения автора с другими источниками этого исторического периода.

This article presents detailed analyses of the XIIIth century historical source, the author of which is the archdeacon Thomas of Split. The article describes chronology of Mongolian troops invasion to Slavonic lands and Hungary, their life, tactics and weapons. Emphasis is laid on the comparison of the author's data with those of other sources.

Ключевые слова: монголы; славяне; Венгрия; сражения; нашествие; быт; традиции; исторический источник.

Keywords: the Mongols; the Slavs; Hungary; battles; invasion; life; traditions; historical source.

Архидьякон Фома из хорватского города Сплита — автор хроники под названием «История салонских и сплитских архиепископов», которая была написана в 60-е гг. XIII в. Этот труд представляет собой жизнеописания и деяния далматинских аббатов и епископов, сведения о которых являются вполне достоверными, так как автор хроники был архидьяконом сплитского архиепископского капитула и имел доступ к необходимым ему документам и материалам.

«История...» архидьякона Фомы — один из ярких и ценных источников XIII в., в котором повествуется о походах и завоеваниях монголами Руси, народах Восточной Европы, вторжении монголов в Венгрию (события 1241—1242 гг.), самих монголах, их быте, нравах, вооружении и т. д. Сообщения автора о Руси и монголах носят оригинальный характер и поражают своей информированностью, что позволяет поставить вопрос об источниках этой информации.

Жарко Сяргей Барысавіч — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

Значительное внимание хроника уделяет событиям, которые связаны с вторжением монголов на Русь. Так, например, автор пишет о двух походах монголов. Первое их нападение, по его мнению, было отбито жителями Руси путем многочисленных и кровопролитных сражений, в результате которых враги были изгнаны из страны, а второе произошло спустя приблизительно 20 лет. Подобные сведения не встречаются в других латинских источниках, повествующих о монгольском нашествии. На этом основании можно предположить, что автор хроники мог получить эти достаточно подробные сведения от какого-то славянского беженца или перебежчика, хорошо знакомого с событиями на Руси. Этот человек, вероятно славянин, мог быть очевидцем или участником описываемых событий и являлся, предположительно, жителем Северо-Восточной Руси.

В «Истории...» хронист подробно и ярко рассказывает о монголах, причем и здесь большинство приводимых сведений встречается только у него или у немногих других авторов. Так, например, Фома называет татар, как и большинство его современников, тартарами, однако сообщает, что на своем языке они зовутся монголами. Хронист пишет и о Чингисхане, его походах, войне с не названным по имени царем и его сыном (предположительно, с харезм-шахом Мухаммедом и его сыном Джелал-ад-Дином), в ходе которой этот царь и его сын были разбиты и бежали.

Детально и интересно изложены сведения о вооружении и военной тактике монголов. Можно предположить, что автор видел их вблизи, так как их отряды дошли до хорватского города Сплита. В частности, он отмечает, что наконечники стрел монголов сделаны из железа, кости или рога, сами стрелы на четыре пальца длиннее европейских, их доспехи сделаны из кожи и состоят из отдельных пластин, скрепленных между собой. Монгольские всадники не пользуются седлами и «скачут на лошадях мужицким обычаем» и т. д. Все эти сведения содержатся исключительно в «Истории...» архидьякона Фомы.

В хронике дается и детальное описание внешности монголов, в частности говорится о белом цвете их кожи, широких лицах, коротких ногах, широкой груди, безволосом подбородке и маленьких глазах, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Монголы не едят хлеба и, как пишет автор, употребляют в пищу мясо разных животных, пьют «свернувшееся молоко с конской кровью» (возможно, кумыс). Дается в «Истории...» и описание погребения убитых или умерших по

монгольскому обычаю, отмечается, что они тщательно скрывают и маскируют свои могилы, выравнивая холм над ними, а кони затаптывают место захоронения, чтобы не оставалось никаких следов погребения.

Осведомленность автора о вторжении войск Батухана вполне объяснима, так как он являлся современником событий, которые описал довольно подробно в одной из глав своей хроники, носившей название «О татарской напасти». Следует особо подчеркнуть, что автор в этой главе помимо стержневого сюжета (покорения захватчиками Венгерского королевства) рассматривает также проблему завоевания монголами Владимиро-Суздальского княжества. В частности, Фома относит массовое распространение в Сплите слухов о монгольских набегах на Русь уже к 1239 г.: «...тогда же, в 1239 г., произошло удивительное и странное затмение солнца... Ведь в те дни уже долетела до слуха каждого горестная молва о том, что нечестивый народ татар вторгся в пределы христиан, в земли Рутении» [1, с. 114]. Анализируя это сообщение, следует обратить внимание на то, что разорение монголами земель Руси сравнивается с солнечным затмением. Однако далее, рассказывая об угрозе завоевания Венгерского королевства, автор пишет, что «многие (венгры. — С. Ж.) считали это шуткой» [1, с. 116]. Как видно, сообщение проникнуто антивенгерскими настроениями. Вряд ли венгерский король Бела IV не знал о подобной угрозе, поскольку еще в 1237 г. доминиканский монах Юлиан, посланный на территорию Монгольской империи, отмечал, что «татары днем и ночью совещаются, как бы захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшее завоевание» [2, с. 78]. Но, по словам Фомы, к этому времени король венгерский и не помышлял об укреплении границ своей страны.

Возвращаясь к описанию завоевательной политики монголов на землях Руси, Фома отмечает, что были предприняты два похода, между которыми прошло более 20 лет. Так, о первом походе в хронике записано: «Они прошли от восточных границ до границ рутенов, они не смогли продвинуться дальше... но были отогнаны рутенами» [1, с. 108]. После этого, как описывает Фома, они свернули в сторону и «с боями прошли по всем северным землям и остались там на двадцать лет, если не дольше» [1, с. 109]. Очевидно, что под первым походом монголов «к рутенам» Фома имел в виду битву на р. Калке в 1223 г., начало которой складывалось удачно для славянских войск, потому что в плен был захвачен монгольский военачальник Гемябек.

Такой успех, очевидно, воодушевил славянских князей, и они стали активно преследовать отступавшие монгольские отряды. Это обстоятельство, по всей вероятности, и послужило причиной утверждения Фомы о том, что «завоеватели были далеко отогнаны рутенами». Можно также предположить, что в данном сообщении архидьякон имел в виду реалии сражения, которое состоялось за несколько дней до битвы на р. Калке, а именно преследование князьями (киевским Мстиславом, черниговским Святославом) монголов, когда последние подобным образом заманивали противника все дальше в степь. На девятый день преследования монгольские отряды и славянское войско встретились на р. Калке, где славяне потерпели поражение.

После этой битвы, как следует из текста хроники, монголы прошли по всем северным землям. И действительно, они повернули на восток и попытались захватить Волжскую Булгарию. Тем не менее предпринятое нападение окончилось неудачей, однако в течение 20 лет, указанных в тексте хроники, монголы подчинили себе Кавказ, Китай, Среднюю Азию.

После столь стремительной победы монголы снова повернули к землям Руси. В хронике по этому поводу записано: «...а потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов» [1, с. 109]. Анализируя это сообщение Фомы, прежде всего следует подчеркнуть, что его сведения о пополнении войск монголов за счет покоренных половцев (куманов) вызывают определенные сомнения. Половцы оказали упорное сопротивление Субедею и Батухану в 20—30-е гг. XIII в. и подверглись жестокому истреблению. Более того, во время монгольского нашествия погибли половецкие ханы Даниил Кобякович и Юрий Кончакович, а хан Котян и его приближенные бежали в Венгрию, где были приняты на службу королем венгров Белой IV. Таким образом, пополнив свои войска, монголы, по словам хрониста, вновь «повернули» к славянским княжествам: «...сначала они окружили и осадили очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством разрушили его, а самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа» [1, с. 110].

Очевидно, что Фома описывает завоевание монголами Владимиро-Суздальского княжества. Но из славянских летописей известно, что монголы вначале подступили к городу Владимиру, а затем повернули к

Суздалию и разрушили его и только несколько дней спустя был сожжен Владимир — столица Владимиро-Суздальского княжества. Сообщение архидьякона относится к г. Владимиру, так как в тексте хроники произошла замена названий городов. Следовательно, под Суздалем нужно иметь в виду Владимир. Интересна еще одна деталь в этом сообщении, которая указывает, что этот город был разрушен не столько силой, сколько «коварством». Подтверждение этим словам можно найти в тексте Лаврентьевской летописи, из которого следует, что монголы подожгли Успенскую церковь в г. Владимире, в которой находилась великокняжеская семья. Сама церковь не загорелась, но собравшиеся там люди задохнулись от дыма. В оценке этих событий принципиальное значение имеет использование архидьяконом в хронике названия «Суздаль», в то время как в Европе больше знали Русь Галицко-Волынскую и Киевскую. Появление же владимирских реалий там, где речь идет о Руси вообще, может свидетельствовать о том, что сведения Фомы о завоевании монголов в Восточной Европе восходят, возможно, через венгерское посредничество к информации, идущей из Северо-Восточной Руси. Данные подобного характера архидьякон мог получить от славянских беженцев и перебежчиков, которые появились в Венгерском королевстве после захвата монголами основных городов славянских княжеств.

Далее автор хроники переходит к описанию завоевания монголами непосредственно территории Венгерского королевства. Но об угрозе завоевания монголами Венгрии, со слов Фомы, в стране и при королевском дворе было неизвестно: «Когда весть о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку, то ли оттого что разговоры они часто слышали беспричинно, то ли оттого что полагались на силу войска королевства» [1, с. 109]. Несомненно, это сообщение Фомы проникнуто антивенгерскими настроениями, поскольку король Бела IV был осведомлен о намерении монголов захватить Венгрию не только из писем доминиканского монаха Юлиана, но также из посланий венгерских епископов. Так, из письма некоего венгерского епископа парижскому епископу, датированного 1239 г., следует, что монголы «пришли к самой границе Венгрии за 5 дневных переходов» [1, с. 194].

Дальнейшая антивенгерская направленность рассказа Фомы предопределила отсутствие в тексте хроники указания на ряд важных факторов, которые были причинами поражения венгров. Так, он пишет, что венгры всецело полагались на силу войска своего королевства. Извест-

но, что к моменту монгольского нашествия в Венгрии чрезвычайно обострились противоречия между королевской властью и феодалами, как правило, немцами по происхождению. Король Бела IV, еще будучи наследником короля, в начале 20-х гг. XIII в. начинает восстановление прежних границ королевского домена за счет конфискации земель немецких баронов. Результатом двадцатилетней политики ущемления интересов венгерских и немецких феодалов явилось их открытое недовольство королем. Следствием проводимой последним политики было резкое сокращение военных сил страны, и, как пишет в своей хронике «Горестная песнь о разорении Венгрии» венгерский каноник Рогерий, король не имел в своем распоряжении достаточно опытных вооруженных воинов. Ситуация усугубилась, когда половцы (куманы), которые были приняты королем на поселение в Венгрию, вскоре оказались на территории Болгарии. Последнее объясняется тем, что немецкие и венгерские бароны преднамеренно убили Котяна, обвинив его в сговоре с монголами. Вот почему накануне монгольского вторжения половецкое войско, призванное Белой IV защитить границы Венгерского королевства, двинулось через Дунай и ушло в Болгарию.

Таким образом, половцы не только не сыграли отведенной им роли защиты от монголов, но и создали дополнительные трудности в обороне Венгрии. Однако о существовании таких раздоров в хронике Фомы не указано, о них можно только догадываться. Так, с целью представить поражение венгров еще более сокрушительным он по-прежнему настаивает на существовании сильной венгерской армии. В частности, архидьякон Фома пишет, что непосредственно перед нашествием монголов Бела IV собрал «всех князей, всех баронов, всех вельмож своего королевства», где часть венгров по глупому легкомыслию беспечно говорили: «При виде нашей многочисленной армии они тут же разбегутся и обратятся в бегство» [1, с. 112]. Это сообщение он дополняет еще и описанием реакции венгров на приближающуюся угрозу: «Да и расслабились они от долгого мира, отвыкли от тяжести оружия, они закалились в бездействии и лени; и ежедневно они предавались не серьезным делам, а пустякам» [1, с. 112].

Стоит обратить внимание, что Фома в этих местах хроники, как и далее в тексте, употребляя термин «венгры», по всей вероятности, имел в виду определенную социальную категорию, а именно: короля, венгерских и немецких баронов, духовенство, т. е. тех, кто в силу своего положения оказывал влияние на события в его родном г. Сплите. Анти-

венгерская направленность рассказа видна и в описании автором подготовительных мероприятий Бела IV по укреплению королевства. В тексте хроники записано: «И наконец-то король выступил к границам своего королевства, дошел до гор, которые располагаются между Рутенией и Венгрией» [1, с. 114]. Очевидно, Фома имел в виду Верецкий перевал (Русские ворота) в Карпатах. От Верецкого перевала, по словам хрониста, король «объехал и осмотрел все ненадежные подступы к стране и распорядился устроить длинные заграждения, вырубив мощные леса и завалив срубленными деревьями все места, которые казались легкопроходимыми» [1, с. 114]. «А по возвращении король, — продолжает хронист, — распорядился собрать всех князей, всех баронов и вельмож своего королевства. Прибыл и его брат король Кломан, архиепископы Матвей Эстергомский и Хугрин Колочский, и все лучшие силы венгерского войска он сосредоточил в одном месте» [1, с. 116]. Таким образом, к городу Эстергому (столице Венгрии) стекались все военные силы из различных областей королевства. Однако, как видно, решающую роль в формировании венгерского войска автор отводит епископам, которые привели «великое множество прелатов и монахов».

Далее Фома переходит непосредственно к описанию вторжения монголов в пределы Венгерского королевства. Однако принципиальное значение имеет тот факт, что монголы начали завоевание Венгрии с трех сторон: правое крыло под командованием Байдара проходило к Венгрии через Польшу, центр под командованием Батухана — через Галицко-Волынское княжество и левое крыло во главе с Кайданом — через Трансильванию. Таким образом, по пути они разорили польские, моравские города и трансильванские немецкие поселения. Возможно, его умалчивание можно расценить как преднамеренное, имеющее целью создать впечатление о Венгрии как о единственном государстве данного региона, пострадавшем от монгольского нашествия. Возвращаясь к основному сюжету хроники, архидьякон отмечает: «Прямо перед Пасхой великое множество татарского войска вторглось в королевство Венгрия. У них было сорок тысяч воинов, вооруженных секирами, когда же они встретились с первыми жителями страны, то поначалу не выказывали свирепой жестокости и, разезжая по деревням, забирали добычу» [1, с. 163].

Как следует из этого сообщения, Фома, очевидно, имел в виду осаду монголами городов Кевешд и Эгер, которые приняли удар монгольских войск первыми. Во главе этого войска, по свидетельству хрониста, сто-

яли два брата, старшего из которых звали Батый, а младшего — Кадан. По всей вероятности, в этом сообщении архидьякона степень родства указана неточно, так как Кадан являлся братом Чингизхана, а Батый — внуком последнего. Тем не менее об их военной тактике на территории Венгерского королевства Фома пишет следующее: «Они выслали вперед конный отряд, который, приблизившись к лагерю венгров и дразня их частыми вылазками, подстрекая к бою, желал испытать, хватит ли у венгров духа драться с ними. Что же касается венгерского короля, то он отдал приказ отборным воинам выйти им навстречу» [1, с. 192]. Очевидно, венгры приняли этот отряд монгольских войск под началом Кадана за главные силы и дали бой, в котором монголы обратились в бегство. «Тогда король, — пишет хронист, — со всем своим войском, почти по пятам преследуя бегущих, будто бы вражеские полчища уже изгнаны из страны, они дошли до другой реки, которая называется Соло» [1, с. 197]. Войска сошлись в долине реки Шайо в начале апреля 1241 г. Здесь следует заметить, что венграми в этом сражении была избрана оборонительная тактика, которая состояла в том, что армия стала лагерем, который был обнесен по периметру рядами сцепленных между собой телег, что на некоторое время могло воспрепятствовать атакам монгольской конницы. Фома о лагере венгров пишет следующее: «Король распорядился поставить палатки не далеко друг от друга, а как можно тесней. Расставив повозки и щиты, все они разместились словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами» [1, с. 198].

Первое нападение монголов все-таки было отбито, потому что, как пишет Фома, «один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля и известил его об опасности» [1, с. 194]. Далее в текстах хроники описывается сражение у моста, где решающую роль автор отводит хорватскому герцогу Коломану и колоческому епископу Уголино, которым удалось потеснить монголов. Так, из текста хроники следует: «Хугрин с такой отвагой устремился в самую гущу врагов, что те с громкими криками бежали, как от ударов молнии» [1, с. 201]. Однако во второй половине дня монгольские отряды, «словно в хороводе», окружили весь лагерь венгров. Монголы стали со всех сторон пускать стрелы, а потом решили поджечь лагерь по кругу. Наконец им удалось взять верх и загнать венгров в их лагерь, где они, «оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов» [1, с. 202]. Тогда «татары, видя, что войско венгров обратилось в

бегство, как бы открыли им проход и позволили выйти» [1, с. 203]. Венгерские воины устремились по нему, надеясь спастись бегством. Но это мало кому удалось, поскольку «татары следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда» [1, с. 205], а остатки венгерского войска были прижаты к болоту и почти все утонули или погибли.

После битвы на р. Шайо организованное сопротивление венгров прекратилось, и монголы рассыпались по стране облавой, захватывая города и села и истребляя людей. Были захвачены и сожжены Пешт, Варадин, Егер и другие города. Так, рассказывая об уничтожении населения города Пешта, автор отмечает: «...они, вышедшие из селения, подожгли его со всех сторон, и тотчас на виду у врагов его поглотило ненасытное пламя» [1, с. 209]. Подобная участь постигла и остальные города. И, как следует из слов Фома, «монголы сожгли также Темешвар, Сегед и даже истребили священников местных церквей, поскольку они “лишенные милосердия и человеколюбия, презирали религиозное послушание”» [1, с. 210]. Весь год монголы разоряли Венгерское королевство, не переходя через Дунай. А для устрашения тех, кто жил на другой стороне Дуная, «они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел» [1, с. 210]. В этом месте хроники Фома сообщает и о короле Беле IV, который «едва избежав гибели, с немногими людьми ушел в Австрию» [1, с. 214].

Из хроники венгерского каноника Рогерия известно, что австрийский герцог Фридрих Бабенберг вынудил бежавшего к нему короля выплатить от 7 до 10 тыс. марок, занял три западные венгерские области (Шопрон, Мошон, Пожонь) и фактически начал военные действия против венгров у западной границы. Можно предположить, что именно эти обстоятельства вынудили Бела IV со всей семьей задержаться у г. Загреба. А уже зимой 1242 г. монголы перешли через реку Дунай и обрушились на ту часть Венгрии, которую еще не успели захватить. На своем пути они разрушили г. Буду и подошли к хорошо укрепленному г. Эстергому — столице королевства. Так, Фома пишет: «Осаждая город в течение нескольких дней, он (Кадан. — С. Ж.) постоянно штурмовал его, чтобы завладеть им». Но в итоге «добычи же ему досталось немного, т. к. венгры все свое имущество свезли в горное укрепление» [1, с. 218]. Захватив и опустошив Венгрию, монголы стали готовиться к продолжению похода. Отряд хана Кадана (который, как сообщает автор, осаждал Эстергом) был направлен Батыем для преследования короля Бела IV. Последний, как сообщает хронист, «задержался в Трогире, полагая, что

там, благодаря близости островов, он получит защиту.. и нашел пристанище на близлежащем острове» [1, с. 221]. Как видно из этого сообщения, монголы направились в сторону Адриатического моря, Словении и Хорватии. Но захватить в плен Белу IV Кадану не удалось, поскольку король «сев на одно судно, поплыл на веслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий» [1, с. 222].

На территории Хорватии монголы разорили только г. Загреб, а город Сплит, «хорошо укрепленный природой», остался недоступным. По сообщению хрониста, оставаясь почти весь март 1242 г. в пределах Хорватии и Далмации, татары пять или шесть раз спускались к городам, а затем возвращались в свой лагерь. В 1242 г. монгольское войско вернулось на территорию Монгольской империи.

Как видно из хроники, в Далмации и Хорватии военные действия монголов имели переменный успех, так как ими были захвачены только некоторые города, а их основная цель, т. е. захват венгерского короля, так и не была достигнута. Бела IV, как сообщает хронист, когда «определенно узнал, что нечестивый народ уже покинул королевство, немедленно отправился в Венгрию» [1, с. 231].

Таким образом, Фома Сплитский, рассматривая нашествие монголов на Русь, сообщит информацию о завоевании ими территории Венгерского королевства. В освещении им непосредственно событий завоевания монголами Венгрии видна антивенгерская направленность, которая во многом и предопределила позицию архидьякона.

«История...» архидьякона Фомы — интересный и надежный источник, значительная часть информации которого носит систематический и оригинальный характер и заслуживает доверия исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. М. : Индрик, 1997.
2. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М. ; Л., 1940. Т. 3.
3. *Ледерер Э.* Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие // Международные связи России до XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 181—202.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.

МІЖНАРОДНАЕ НАВУКОВАЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА

ПРИВЕТСТВИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ МИРОСЛАВА МОЙЖИТЫ*

Дипломатические отношения Республики Беларусь и Словацкой Республики установлены в 1993 г. Но связь между двумя народами уходит глубоко в историю. Издавна между Беларусью и Словакией, имеющими много параллелей в историческом развитии, были устойчивые торгово-экономические отношения. Сейчас у нас многочисленные плодотворные контакты в политике, экономике, культуре, образовании, спорте, туризме. Только в 2014 г. Словакия открыла для белорусов 27 тыс. виз. Мы близки духовно и культурно, наши языки похожи, близка и ментальность.

Словакия и Беларусь находятся на исключительно важном этапе активизации взаимоотношений. Развиваются двусторонние связи в области науки и образования, организации обмена студентами и преподава-

* *Мирослав Мойжита* (Miroslav Mojžita), Чрезвычайный и Полномочный Посол Словацкой Республики в Республике Беларусь. Родился в 1951 г. в Словакии. В 1974 г. окончил философский факультет Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе по специальности «Социология». В 1976 г. получил степень доктора философии. В 1976—1990 гг. работал в Министерстве иностранных дел Чехословакии, а с 1993 г. — в Министерстве иностранных дел Словацкой Республики. Был Чрезвычайным и Полномочным Послом в Федеративной Республике Югославия, Республике Македония и Республике Албания (1997—2001), Чрезвычайным и Полномочным Послом в Боснии и Герцеговине (2004—2013). Занимался преподавательской деятельностью в Институте международных отношений в Братиславе, а также на факультете права Университета имени Я. А. Коменского. Автор книг «Сараево (ожидание ласточек)», «Белград (Заметки 1995—2001)», «Становление словацкой дипломатии в 1990—1993 гг.».

телями, участия в международных конференциях и семинарах, проводимых на территориях обеих стран. Взаимодействие между Словакией и Беларусью в сфере науки и технологий осуществляется на основе Соглашения между правительствами двух стран о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве и Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Министерством образования Словацкой Республики.

Мы приветствуем установление и развитие прямых контактов между историческим факультетом Белорусского государственного университета (который я с удовольствием посетил в 2014 г.) и философским факультетом Университета Матея Бела в Банска-Быстрице. Банска-Быстрица, которая считается центром Словакии, — это мой родной город. Город небольшой, но очень красивый, с богатой историей. У нас даже есть пословица: при жизни — в Быстрице, после смерти — на небесах. Банска-Быстрица стала в 1944 г. центром большого антифашистского выступления — Словацкого национального восстания. Традиции борьбы — это связь между белорусским и словацким народами. Эту связь белорусские друзья доказывают и тем, как они ухаживают за памятником словацкому герою, антифашисту, бригадному генералу, Герою Советского Союза Яну Налепке, который во время Великой Отечественной войны действовал в партизанском соединении под руководством генерал-майора А. Н. Сабурова. В Ельске именем Яна Налепки названа школа, действует дом-музей, открыт памятный знак, посвященный словацкому герою.

Основная цель дипломатической работы — использовать существующий потенциал для дальнейшего улучшения связей между двумя странами во всех сферах. Словацкое посольство в Беларуси будет делать все возможное для укрепления сотрудничества.

УНИВЕРСИТЕТ МАТЕЯ БЕЛА В БАНСКА-БЫСТРИЦЕ, СЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Банска-Быстрица — город в Центральной Словакии, расположенный в протяженной и широкой долине реки Грон, окруженной горными цепями Низких и Высоких Татр и Кременецких гор. С численностью населения в 78 327 человек Банска-

Быстрица находится на шестом месте среди наиболее населенных муниципалитетов в Словакии. Город с древней историей, расположенный рядом с горными курортами, Банска-Быстрица — популярный туристский центр.

Университет Матея Бела в Банска-Быстрице — государственный университет, имеющий 60-летние традиции высшего образования, признанный лидер в сфере образования в Центральной Словакии, член Европейской ассоциации университетов (EUA).

Университет предлагает классический спектр образовательных услуг вуза на всех трех ступенях и уровнях обучения в таких сферах, как образование, социальные вопросы, экономика, право, политика, гуманитарные и естественные науки; в области международных отношений, экономических специальностей, математики. У студентов есть возможность обучаться на английском и частично французском языках. Университет Матея Бела разрабатывает комбинированные образовательные программы и имеет связи с ведущими зарубежными вузами, в которых студенты имеют возможность завершить свое обучение. Выпускники университета востребованы на рынке труда не только на родине, но и за рубежом.

Университет Матея Бела вносит значительный вклад в европейское образование и исследования, обеспечивая высококачественное вузовское образование и предлагая широкий спектр дополнительного образования в соответствии с потребностями реальной жизни. Университет не только дает новые знания благодаря плодотворным научным исследованиям, но и формирует высокие интеллектуальные и моральные качества учащихся.

Учитывая наличие 10 041 студента, из которых 241 — иностранец (по данным на 2014 г.), университет Матея Бела можно охарактеризовать как молодое, динамичное учреждение с международной ориентацией. Он воспринимается как престижный национальный университет меж-

дународного значения благодаря высокому качеству образования, успеху выпускников на рынке труда, плодотворному международному сотрудничеству в конкретных областях исследований и практической деятельности, а также благодаря профессиональным, спортивным и художественным достижениям.

Философский факультет — крупнейший среди шести факультетов университета Матея Бела и насчитывает 2397 студентов (по данным на 2014 г.).

Согласно уставу факультета к его основным задачам относятся: 1) обеспечение и организация высшего образования на трех ступенях обучения; 2) проведение фундаментальных и прикладных научных исследований исходя из потребностей рынка и общества; 3) проведение реабилитационных социальных мероприятий и использование соответствующих методик; 4) сотрудничество с другими словацкими и зарубежными вузами и иными учреждениями образования.

Философский факультет поддерживает международную мобильность студентов и преподавателей. Иностранцы могут учиться в рамках программы ERASMUS и других международных программ; в рамках межправительственных соглашений; международных соглашений сотрудничества университетов; а также самостоятельно оплачивая учебу.

Коллектив факультета, состоящий из 170 высококвалифицированных преподавателей, осуществляет дипломную и аспирантскую подготовку, проводит фундаментальные и прикладные междисциплинарные исследования в области гуманитарных и социальных наук, языка и коммуникации, современной филологии, литературоведения, перевода и интерпретации исследования, социального и культурного образования, исторических и философских наук, этики и прикладной этики, антропологии, этнологии, физического воспитания и спорта.

Сотрудники факультета участвуют в многочисленных национальных и международных проектах в указанных выше областях, организуют значимые общественные мероприятия, семинары и конференции.

Конопкова Милена (Mgr. Milena Konôpková), менеджер международных проектов философского факультета университета Матея Бела в Банска-Быстрице, Словацкая Республика

**М. ШМИГЕЛЬ
В. МЕНЬКОВСКИЙ**

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНИЗМА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ НАУЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Исследовательский проект

Анализируются принадлежащие авторам Центрально- и Восточно-Европейского региона научные публикации по советской истории и истории коммунизма, в которых сталинизм является специальным объектом исследования или рассматривается в контексте советской, европейской и мировой истории. В качестве источников выступает научная литература, подготовленная и опубликованная в Центральной и Восточной Европе со второй половины 1980-х гг. до настоящего времени. Таким образом, можно говорить о новой составляющей европейской историографии сталинизма. Целью проекта является разработка научно обоснованной и проверенной методологии изучения национальной и региональной историографии на материале европейских источников по проблеме сталинизма.

The authors reviews Central and Eastern European scholar's scientific papers of Soviet history and the history of Communism in which Stalinism is treated as a special object of study or considered in the context of the other problems of Soviet, European and world history. The study focuses on the scientific literature, prepared and published in the Central and Eastern Europe in the second half of the 1980s to the present day. Thus, it is possible to speak of a new component of the European historiography of Stalinism. The project aims to develop scientifically based and proven methodology of studying the national and regional historiography on the materials on European historiography of Stalinism.

Ключевые слова: социальные и гуманитарные науки; сталинизм; историография; методология истории; новейшая история; междисциплинарность; многодисциплинарность; Восточная и Центральная Европа.

Keywords: Social Sciences and Humanities; Stalinism; Historiography; Methodology of History; Contemporary History; Interdisciplinary; Polydisciplinary; Eastern and Central Europe.

Шмігель Міхал — доктар філасофіі, намеснік дэкана па навуцы філасофскага факультэта ўніверсітэта Мацея Бела ў Банска-Быстрыцы (Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici), Славацкая Рэспубліка. E-mail: michal.smigel@umb.sk; **Менькоўскі Вячаслаў Іванавіч** — прафесар кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук. E-mail: menkovski@bsu.by

Методология исследования. Условия современного методологического плюрализма диктуют выбор интегрированного междисциплинарного подхода как методологии историографического исследования. Это позволяет привлечь успешные теоретические идеи и технологии различных отраслей научного знания для изучения исторического процесса. Сегодня ситуация в науке такова, что необходимо слышать различные голоса, быть способным включить «других» в собственный дискурс. Изучение европейской историографии сталинизма позволяет соединить исторические, политологические, антропологические, психологические и культурологические компоненты. Каждый из них значим в определенном сегменте развития дисциплины и формировании коллективной исторической памяти.

Методологическая основа исследования — научные принципы историзма, системного и всестороннего подхода к рассматриваемым вопросам. Принцип историзма требует при исследовании теорий и моделей европейских авторов рассматривать интеллектуальные и методологические предпосылки и условия формирования анализируемых подходов. При интерпретации концепций учитываются особенности авторского замысла, политической и историографической ситуации, в которой создавались анализируемые историографические источники. При разработке темы исследования авторами использован системный подход, предполагающий изучение национальной (региональной) историографии как целостной системы, где все направления и течения взаимосвязаны, выполняют определенные функции и занимают необходимое место в структуре системы. Развитие этой целостной системы и влияющие на нее факторы находятся в центре внимания историографического исследования. Принцип всесторонности основан на изучении влияния на проблемно-теоретическое содержание и пути развития исторической науки как имманентных, так и внешних социальных, политических, общенаучных факторов.

Результаты и обсуждение. Современный мир стал миром глобальным. Это относится не только к сферам высоких технологий, коммуникаций, экономики или снабжения, но и к академической сфере. Академическое сообщество сегодня не разделено государственными границами, континентами или языками. В исследовательском проекте на примере анализа сталинизма учеными Центральной и Восточной Европы предполагается проследить процесс становления на базе национальных историографий современной европейской историографии проблемы, вы-

ход из научной изоляции и интеграцию в общеевропейский научный процесс новых стран, регионов и научных школ, расширение процесса междисциплинарного синтеза в конце XX — начале XXI в., превращение исследований советской истории и истории коммунизма в одно из ведущих направлений современных социальных и гуманитарных наук.

Исследование фокусируется на научной литературе (монографиях, журнальных статьях, сборниках статей), подготовленной и опубликованной в Центральной и Восточной Европе начиная со второй половины 1980-х гг. до наших дней.

Обращение к европейской историографии, сравнительный анализ школ, течений, научных парадигм представляется одним из приоритетных направлений развития современной исторической науки. Это связано не только с ситуацией, сложившейся в Европе, но и с общемировыми тенденциями накопления исторических знаний. Европейская историография представляет в данном отношении безусловный интерес, поскольку в европейских странах сложилась отлаженная система «советских и коммунистических», а затем и «постсоветских и посткоммунистических» исследований с определенными традициями, теоретическими концепциями и методологическими подходами [1].

Следует отметить и тот факт, что история «советских и коммунистических исследований» отражает развитие гуманитарных и социальных наук и меняющуюся общественно-политическую ситуацию в Европе.

Объект исследования в представленном проекте — европейский историографический комплекс конца XX — начала XXI в. Предметом изучения стало становление и развитие «советских и коммунистических исследований» в Центральной и Восточной Европе, смена методологических парадигм в европейской историографии, инфраструктура академических исследований. В качестве материала использованы научные академические труды исследователей Центрально- и Восточноевропейского региона, в которых годы сталинизма рассматриваются как специальный объект изучения или анализируются в контексте других проблем европейской и мировой истории. Хронологические рамки работ охватывают период со второй половины 1980-х гг. до наших дней. Дата нижнего рубежа определяется временем кардинальных изменений в Центральной и Восточной Европе, которые привели к трансформации всех сторон жизни региона, в том числе сферы социальных и гуманитарных наук. Верхняя граница обусловлена датой выхода последних доступных авторам академических работ европейских исследователей.

В это время исследователи Центральной и Восточной Европы искали свое место в европейской системе гуманитарных и социальных наук. Кардинальные изменения в регионе вызвали перестройку организационной инфраструктуры, отказ от марксизма-ленинизма как монополярной методологии исторических исследований, использование специалистами по сталинскому периоду достижений мировой историографии. «Архивная революция», начавшаяся после 1991 г., стала переломным историографическим моментом. Теперь европейские ученые, проводя исследования, могли свободно передвигаться по территории бывшего Советского Союза и «советского блока», сочетать возможности «устной истории» с архивными материалами [2].

Изменения совпали по времени со сменой парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось от проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важен анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Особое значение в современной европейской историографии имеет междисциплинарность и многодисциплинарность. Предлагаемый проект позволяет рассматривать европейскую историографию сталинизма как междисциплинарную сферу с широким спектром социальных и гуманитарных наук. Для изучения советского общества исследователи использовали методологию истории, политологии, социальной истории, социологии, антропологии, лингвистики. Попытки определить точный перечень дисциплин, входящих в многодисциплинарные «советские и коммунистические» исследования, предпринимались, но специалисты не смогли прийти к единому мнению. Сказалась трудность определения дисциплинарных параметров при изучении любого региона, к которой добавились специфические проблемы терминологии советской истории.

Междисциплинарность стала закономерным движением вперед от дисциплинарной ограниченности, исправлением последствий чрезмерной специализации научных дисциплин. Полидисциплинарность стала логическим развитием этой тенденции, когда какой-либо феномен или объект (в предлагаемом проекте — это история сталинизма) изучается одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами и каждая дисциплина сохраняет собственную методологию.

Ученые все больше обращаются к исследованиям на границах разных дисциплин: истории и психологии, истории и филологии, истории и культурологии, науковедения и т. п. Залог эффективности их приме-

нения — полное понимание каждой стороной собственных задач, высокая исследовательская культура. Приоритет в междисциплинарных исследованиях современные историографы отдают культурологическому подходу, определяя его суть как включение историографического знания в контекст сложившегося типа эпохи во всех его проявлениях: умонастроение общества, психологическая среда, менталитет, литература, стиль мышления, язык.

В последние годы изменилась не только проблематика историографии, но и методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ. Авторы сегодня не заявляют об «объективности» своего взгляда на исторические проблемы, они стремятся подчеркнуть, что, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств, как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Процессы формирования современного историографического пространства выступают объектами профессиональных интересов различных наук и коллективов исследователей. Как свидетельствует опыт последних 10—15 лет, основной тенденцией в развитии социальных наук все чаще выступает признание их активной роли в жизнедеятельности современного общества. Социально окрашенное знание становится не только фактом общественного сознания, но и деятельностным фактором общественного развития. Модели взаимодействия истории, памяти и общества, разработанные М. Фуко, П. Рикером, Дж. Тошем, П. Нора, активно применяются в социальных и гуманитарных исследованиях и все настойчивее вторгаются в область традиционного историописания. Однако комплексных разработок в этом направлении не так много, а их локальный характер не позволяет выйти на более глубокое осмысление изменений, происходящих в современной историографической практике.

В качестве методологии исследования используется системный подход, позволяющий рассматривать европейскую историографию сталинизма как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (различные исследовательские «школы» и направления, теоретические модели, личности выдающихся исследователей). Эта система постоянно эволюционирует под воздействием внутренних

механизмов саморазвития и внешних факторов. При исследовании взаимоотношений между современной историографией Восточной, Центральной и Западной Европы мы стремимся определить черты системного единства, найти те базовые составляющие, которые позволяют европейской историографии сталинизма стать объединенной структурой. Исследователи такого сложного исторического феномена, как сталинизм, могут создать единую научную сеть. Предлагаемый проект может стать важным шагом в этом направлении. У нас много общего, и мы можем двигаться вперед вместе.

Условия современного методологического плюрализма создают возможность выбора в качестве методологии конкретно-исторического исследования комплексного междисциплинарного подхода, позволяющего привлекать теоретические идеи и методики других областей научного познания для исследования исторических процессов. Сегодня ситуация в науке такова, что необходимо слышать различные голоса, уметь впускать «другое» в свой дискурс. Историография Центральной и Восточной Европы выходит из состояния догоняющей рефлексии, развивается в соответствии с требованиями времени и современными тенденциями развития науки.

Изучение европейской историографии истории сталинизма позволяет соединить историческую, политологическую, антропологическую, психологическую и культурологическую составляющие. Каждая из них сыграла свою роль на определенном отрезке развития дисциплины и формировании исторической коллективной памяти. Мы используем принцип «взгляда на прошлое», который разрабатывался феноменологией Э. Гуссерля, философской герменевтикой В. Дильтея и Х.-Г. Гадамера, «понимающей социологией» М. Вебера, исторической школой «Анналов».

Историческая наука Центральной и Восточной Европы освобождается от идеологизированных оценок, по-новому оценивает известные историографические проблемы, пересматривает взгляды на взаимоотношение истории и политики. Историческое знание утверждается через категории «самоценность», «национальная традиция», «наукотворчество», «взаимодействие», «диалог». Происходит смена объясняющих моделей исторического развития. В центре внимания современной историографии стоит вопрос о взаимоотношении исторической науки и исторического самосознания народа. Самосознание рассматривается как фактор, определяющий интерес общества к исторической науке, как

связующее звено между наукой и культурой. С другой стороны, историческая наука, будучи формой социального самопознания, формирует отношение общества к прошлому, а именно историческое сознание.

Рубеж тысячелетий стал для национальных историографий Центральной и Восточной Европы временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий практически по всему комплексу проблем отечественной и европейской истории. За это время историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии.

Среди сложного комплекса вопросов, которыми занималась новейшая центрально- и восточноевропейская историография, одним из главных было изучение истории XX в. [3] и сталинизма как ее составляющего компонента, его места и роли в европейской и мировой истории. Научная литература по этому периоду включает множество книг и статей. Но необходимо признать, что и сегодня на вопрос о том, «что это было», нет простого или единственного ответа. Схемы объяснений создавались многократно в зависимости от различных обстоятельств, точек зрения и опыта.

Интеллектуальное объяснение новейшей истории не было работой одного поколения. Для каждой новой генерации это время означало что-то иное. И хотя количество возможных объяснений не безгранично, поскольку система связана с определенными конкретными историческими составляющими, объяснение чрезвычайно велико и сложно.

Дискуссии о феномене сталинизма неизбежно приводили к вопросу об исторической необходимости [4]. Историки стали использовать концепцию альтернатив, что позволило вырваться из жестких рамок причинной обусловленности. Это дало возможность концептуализировать новейшую историю в терминах серии решающих выборов и моментов решения. Таким образом, историки Центральной и Восточной Европы отказывались от подхода, основанного на «единственной правде», и приближались к более свободной методологии, характерной для мировой исторической науки.

Заключение. Перемены, которые произошли в центрально- и восточноевропейской историографии, свидетельствуют, что историческая наука Центральной и Восточной Европы приобрела новые очертания. Она перестала быть локальной, замкнутой в своих теоретико-методологических основах. Складывается ее новый язык, выявляются важней-

шие тенденции в формировании действительно научной историографии сталинизма.

Внимание ученых направляется на более глубокое изучение природы и целей историко-познавательного процесса, места научных исторических знаний среди других форм духовной культуры, представлений о прошлом, самих субъектов исторической науки. Современный интерес к историографии вызван потребностями ее самоидентификации, уточнения предметной области, методов исследования, ее задач и функций в историческом познании и сознании общества.

Сегодня исследователи Центральной и Восточной Европы при разработке темы сталинизма не только соответствуют европейскому и мировому уровню, но в некоторых аспектах превосходят его. Это связано с тем фактом, что история сталинизма для них «отечественная история», на изучение которой все национальные историографии направляют основные усилия. Опыт, накопленный центральноевропейской (словацкой, чешской, польской, венгерской) и восточноевропейской (белорусской, российской, украинской) историографией, можно и нужно интегрировать в европейскую историографию новейшей истории.

Мы слишком мало знаем друг друга в Центральной и Восточной Европе, слишком замкнуты в своих странах и регионах. Нам представляется, что нужно продвигаться в направлении своеобразного «научного восточного партнерства», которое принесет пользу научному сообществу и всему обществу единой Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. After the fall: essays in Russian and Soviet historiography / ed. : M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe, 2004; Beyond totalitarianism: Stalinism and Nazism compared / ed. : M. Geyer, S. Fitzpatrick, 2009; Narratives unbound: historical studies in post-communist Eastern Europe / ed. : S. Antohi, B. Trencsemyi and P. Apor, 2007; Popular opinion in totalitarian regimes: fascism, Nazism, Communism / ed. : P. Corner, 2009; Pullmann, Michal. Writing history in the Czech and Slovak republics // Social History Vol. 37. № 4. November 2012; *Sherlock T.* Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: destroying the settled past, creating an uncertain future, 2007; Stalin: a new history / ed. : S. Davies and J. Harris. 2005; Stalinism: new directions / ed. : S. Fitzpatrick, 1999; Stalinism: Russian and Western views at the turn of the millennium / A. Litvin and J. Keep, 2005; Stalinism in the Soviet Union: new research directions in Russia and abroad : proceedings of the Russian-German student research seminar, Konstanz, Germany July 4—6th, 2002 / ed. : A. Bezborodov [et al.], 2006; The black book of communism: crimes, terror, repression / S. Courtois [et al.], 1999; The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / ed. : B. Apor [et al.], 2004; Warlands: population resettlement and state reconstruction in the Soviet-East European Borderlands, 1945—50 / ed. : P. Gatrell and N. Baron, 2009; Writing the Stalin era:

Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography / ed. : G. Alexopoulos, J. Hessler and K. Tomoff, 2011.

2. *Menkouski V.* Contemporary Historiography of Social History of Stalinism in Belarus and Russia // *Bylye Gody*. 2013. № 28 (2).

3. The UPA in Light of Slovak and Czech documents (1945—1948) / M. Šmigel' (ed.). Book 1. The UPA Raids in the Army and State Security Documents of Czechoslovakia (1945—1946). Litopys UPA. Vol. 48 / ed. : M. Šmigel'. Toronto, Lviv : Published by Litopys UPA, 2010 ; *M. Šmigel'* [et al.], Radical Socialism and Communism in Slovakia (1918—1989): the Society between the Democracy and Totalitarianism. Banská Bystrica, 2007 ; *Šmigel' M.* Historical questions and background of the option and resettlement of Czechoslovak citizens into the Soviet Union in 1947. In: *Historický časopis*. Bratislava, 2004 ; *Его же*. Anti-Communist and Anti-Soviet Aspects of Ukrainian Insurgent Army in the territory of Slovakia during 1945—1947. In *Anti-Communist Resistance in Central and Eastern Europe*. Bratislava, 2012 ; *Его же*. On some activities of NKVD in Czechoslovakia in relation to Soviet Repatriation Operation in Slovakia (1945—1948). In *NKVD/ KGB Activities and its Cooperation with other Secret Services in Central and Eastern Europe 1945—1989*, II. International conference, November 19—21, 2008. Prague, 2008.

4. *Меньковский В. И.* Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. Минск : Экоперспектива, 2000 ; *Его же*. Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы. Минск : БГУ, 2001 ; *Его же*. История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Минск : БГУ, 2007 ; *Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А.* Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2015 г.

СЛОВАЦКИЕ КОММУНИСТЫ В 1939—1944 гг.

Рассматривается деятельность подпольной коммунистической партии в протемечком Словацком государстве во время Второй мировой войны. Коммунисты составляли наиболее организованную и активную часть словацкого движения Сопротивления (3—5 тыс. участников). Однако они не были доминирующей группой в движении Сопротивления и до сближения чехословацкого правительства с Москвой в 1943 г., часто оказывались в изоляции из-за своего политического радикализма.

Slovak Communists in the years 1939—1944. The paper shows activities of the Communist Party in pro-German Slovak state in the years of World War II. The Communists were the most organized part of Slovak resistance (from 3 to 5 thousand members) and after the invasion of the Soviet Union they were significantly active in resistance. Globally, they were not dominant group in the resistance till the establishment of close relations between Czechoslovak exile and Moscow in the year 1943 and they were often avoided because of their political radicalism.

Ключевые слова: коммунисты; Словакия; Вторая мировая война; Четвертое движение Сопротивления; восстание.

Keywords: the Communists; Slovakia; World War II; Resistance Movement; Uprising.

История подпольной коммунистической партии Словакии в 1939—1944 гг., т. е. с момента образования самостоятельной коммунистической партии Словакии до ее выступления в Словацком национальном восстании, начинается с событий октября 1938 г. Тогда вследствие изменений в международном положении Чехословацкой Республики произошли и серьезные внутривполитические перемены, которые привели к образованию Словацкой Республики. В Словакии этот процесс характеризовался приходом к власти авторитарного «людацкого» режима, основы которого были заложены в «Жилинском договоре» 6 октября 1938 г. Вскоре после этого словацкая народная партия начала монополизацию партийно-политического пространства страны. Ярким выражением этого процесса стал запрет коммунистической партии как наиболее неприемлемой для правящего консервативного клерикально-националистического режима «людацтва».

Сырны Марэк — доктор філософії, викладчк факультета палітычных навук і міжнародних адносін універсітэта Матея Бела ў Банска-Быстрыцы (Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici), Славачкая Рэспубліка. E-mail: marek.syryny@umb.sk

Новые власти начали с запрета деятельности коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) 9 октября 1938 г.¹ Реакцией ведущих коммунистических деятелей на запрет стало образование подпольного руководства КПЧ в Словакии, которое составили: Коломан Мошко, Карол Бацилек и Юлиус Дюриш². Однако в условиях новой политической обстановки активность коммунистов встречала противодействие со стороны «людацтва»³.

В середине марта 1939 г. произошел распад Чехо-Словакии и постепенное создание тоталитарного, сотрудничающего с нацистской Германией «людацкого» режима Словацкого государства; параллельно этому Германия проводит оккупацию послеюнхенской Чехии и Моравии. Большая часть известных коммунистических деятелей перед лицом потенциальной угрозы репрессий решила эмигрировать (в Москву, в Париж или Лондон), часть оказалась на территории южной Словакии, отошедшей к Венгрии, остальные отстранились от дел или полностью прекратили участие в политической жизни⁴. Из членов подпольного руководства не эмигрировал лишь Юлиус Дюриш. В мае 1939 г. с согласия пражского руководства КПЧ вокруг него образовалось Первое центральное руководство (самостоятельной) коммунистической партии Словакии. Дюриш (политический руководитель), Людовит Бенада (организационные вопросы), Ян Осога (пропаганда). Организационное разделение словацких и чешских коммунистов произошло, прежде всего, по практическим соображениям. Для пражского руководства, действовавшего под гнетом более жестоких нацистских репрессий, стало весьма проблематичным управлять коммунистическим подпольем в Словакии, существующим в другой среде и решающим иные проблемы, чем чешские коммунисты в протекторате⁵.

¹ Archív Múzea Slovenského národného povstania (A MSNP) v Banskej Bystrici. Fond (f.) III. Krabica (k.) 1. Zastavenie činnosti komunistickej strany na Slovensku; Zákaz dovážania komunistickej tlačiv (09.10.1938) a Zákaz kolportáže a dopravy periodických časopisov a tlačiv vydaných komunisticou stranou (13.10.1938).

² Slovenský národný archív Bratislava, f. Ilegálna KSS, archívna jednotka (arch. J.) 544. Poznámky Júliusa Ďuriša k rukopisu Anny Štvrteckej.

³ Národní archiv Praha, f. 100/24, svazek (sv.) 110, a. J. 1217. Zápisnica z výsluchu Júliusa Ďuriša na ÚŠB v Bratislave, 21.10.1941.

⁴ Московское изгнание выбрали, например, Вильям Широки, Штефан Маёр, Марэк Чулен и Карол Шмидке; во Франции или Великобритании оказались Владимир Клементис и Йозеф Вало. Jablonický Jozef. Samizdat o odboji 2. Bratislava, 2006. S. 444.

⁵ Сравни: NA Praha, f. 100/24, sv. 110, a. J. 1217. Zápisnica z výsluchu Júliusa Ďuriša na ÚŠB v Bratislave, 21.10.1941.

В конце августа и в начале сентября 1939 г. в истории коммунистического движения произошли два важных взаимосвязанных события. Первым был беспрецедентный шаг советского руководства, которое подписало с нацистской Германией договор о ненападении. Через несколько дней после подписания пакта Молотова — Риббентропа Гитлер без опасений напал на Польшу. Началась Вторая мировая война. Коммунистической пропаганде удалось с большим трудом объяснить договор с агрессором и участие в поражении Польши не только словацкой общественности, но и своим сторонникам. Однако, как правоверные коммунисты, они без серьезных колебаний приняли необходимость заключения договора с Германией и освободительного похода Советского Союза в восточную Польшу. Была принята также и советская политика в Бессарабии, Прибалтике, Финляндии⁶. Советская действительность приблизилась к словацким границам. Ведущие руководители словацких коммунистов во главе с Яном Осогом радовались мысли, что наступит время советской власти в Словакии или даже во всей Центральной Европе. Среди словацких коммунистов осмелился критиковать непредсказуемость международной политики СССР лишь Владимир Клементис, находившийся в то время во Франции. Из-за этого он был исключен из партии и заклеен как предатель интересов движения⁷.

Начало Второй мировой войны показало, в каком направлении будут развиваться международные события, на чьей стороне СССР и какого поведения ждут от словацких коммунистов. Те в соответствии с советской пропагандой воспринимали войну как борьбу между немецким и англо-французским империализмом, как дела, касающиеся лишь капиталистических держав, воюющих между собой за новый передел колоний, территорий, рынков сбыта и сырья. Словацкие коммунисты должны были в этой войне поддерживать внешнюю политику СССР и выступать против ухудшения общественной ситуации в результате войны. Они должны были заставить «людацкий» режим выйти из войны и примкнуть к СССР⁸. Для достижения этой цели осенью 1939 г. был со-

⁶ A MSNP Banská Bystrica, F. III, K. 1; Depeše mezi Prahou a Moskvou // Příspěvky k dějinám KSČ, 1967. Č. 3. S. 391; Za slobodu českého a slovenského národa. Bratislava, 1956, S. 135.

⁷ Depeše mezi Prahou a Moskvou. In: Příspěvky k dějinám KSČ, 1967. Č. 3. S. 414, 417.

⁸ A MSNP Banská Bystrica, f. III, k. 2. Smernice organizačnej (vnútrostraníckej) a ideologickej práce.

здан технический аппарат подпольной КПС. Он обеспечивал квартиры для явок, поддельные документы для партийных деятелей, которых разыскивала полиция, обеспечивал связь, отыскивал финансовые средства для партии и отвечал за печать и распространение партийной пропаганды. Наиболее активным был штат сотрудников при центральном руководстве подпольной КПС, т. е. при браτισлавской партийной организации, но были созданы группы, решавшие организационно-технические вопросы при многих областных партийных организациях. Центральным аппаратом руководил сначала бывший социал-демократ Павел Штал, позже — Штефан Дубчек или Войтех Кон, а в период Второго центрального руководства КПС — бывший испанский интербригадист Арношт Розентал⁹. В начале 1940 г. удалось осуществить издание центрального печатного органа подпольной КПС — газеты «Глас люду» («Голос народа»). Позже к ней добавилось и периодическое издание для браτισлавских рабочих «Кладиво» («Молоток»), которое выходило и на немецком языке — *Der Hammer*, и районные печатные издания «Искра», «Большевицка застава» («Большевицкое знамя») и т. д.¹⁰ В то же время в связи с пактом Молотова — Риббентропа пропаганда подпольной КПС не призывала ни к какому насильственному сопротивлению против режима или против Германии (такому как саботаж военного производства, организация вооруженных формирований и т. д.).

Начиная с осени 1939 г. и вплоть до весны 1941 г. словацкая компартия приобретает значительную самостоятельность в организационной и идеологической сферах, все чаще действуя независимо от пражского руководства КПЧ. Вопреки тому, что в отличие от словацких руководителей у представителей КПЧ была прямая связь с московским центром, большая часть словацкого руководства во главе с Яном Осогом, позволила себе поставить под сомнение некоторые утверждения Праги и старалась вести самостоятельную политику. Прежде всего это касалось отношения к словацкому, или же чехословацкому, вопро-

⁹ Slovenský národný archív (SNA) Bratislava, f. ÚŠB, k. 919. Trestné oznámenie štz Bratislava na Ota Kleina a spol., 15.07.1942; Štátny archív (ŠA) Bratislava, f. Štz Bratislava, spis č. 663/1942. Obžaloba proti Viliamovi Širokému a spol., 06.05.1943; A MSNP Banská Bystrica, f. III, k. 2. Správa Karola Bacílka o situácii na Slovensku a práci KSS, 10.04.1941.

¹⁰ ŠA Bratislava, f. Štz-trestné spisy, spis č. 3103/1942 a spis č. 663/1942; Krejčák, Oto: Komunisti bratislavskej oblasti v boji proti fašizmu v rokoch 1938—1942. Bratislava, 1959. S. 75; A MSNP Banská Bystrica, f. III, k. 12; Dejiny Slovenského národného povstania 1944. V. Zväzok. Bratislava, 1984. S. 157—158, 224.

су¹¹ и проблемы актуальности установления советского режима. Противодействие словацких коммунистов определялось и тем, что политический руководитель подпольной КПС Юлис Дюриш, находящийся в Праге, сдерживал их радикализм. Однако ни Дюриш, ни Прага, ни Москва не смогли помешать тому, чтобы в словацкой среде победила идея советской Словакии, которая не учитывала возобновления чехословацкой государственности, а рассчитывала на установление в ближайшее время советского режима под Татрами¹². Наиболее четко взгляды словацких коммунистов выражены в Программе КПС от 1 мая 1941 г. Они занимали преобладающее положение в коммунистическом подполье вплоть до 1943 г. Отголоски этих убеждений можно проследить и в более позднем периоде.

Чрезвычайный радикализм концепции советской Словакии в понимании Осоги настолько испугал московское руководство КПЧ, в том числе руководство Коминтерна, что было решено вернуть из эмиграции в Словакию Вильяма Широкого, наиболее известного представителя словацких коммунистов. Он должен был смягчить радикальные тенденции в окружении Осоги, зачастую забывавшего основные принципы чешских и словацких коммунистов, а именно словацкого и чешского Сопротивления, но прежде всего его задача состояла в сдерживании сопротивления, целью которого было установление советского режима в Словакии¹³. Свою миссию Широкий, впрочем, не успел выполнить. Сразу после приезда в Словакию он был случайно задержан «людацкой» полицией накануне Второй мировой войны. Вскоре, то ли в связи с допросом Широкого и связанных с ним коммунистов, или же в результате превентивного массового ареста левых после вступления Словакии в войну против СССР, Первое центральное руководство подпольной КПС было уничтожено. В тюрьму попали на долгое время десятки активных

¹¹ *Macháček M.* Mezi českým lvem a sovětskou hvězdou. Státoprávní představy slovenských komunistů v období druhé světové války // *Odvaľujem balvan. Pocta historickému remeslu Jozefa Jablonického / Kmet' Norbert [и др.].* Bratislava — Banská Bystrica. 2013. S. 119—120; Šuchová Xénia. Kominternu, KSČ, KSS a komunisti na Slovensku po Mníchove a na začiatku vojny // Šuchová Xénia. *Idea československého štátu na Slovensku.* Bratislava, 2011. S. 293.

¹² Sna Bratislava, f. Ilegálna KSS, a. j. 366. Zápisnica ÚŠB s Jánom Osohom, 31.07.1942; Jablonský, Jozef: Samizdat o odboji 2. Bratislava 2006. S. 455—456; A MSNP Banská Bystrica, f. III, k. 2; Program KSS k 1. Máju 1941.

¹³ NA Praha, f. 100/24, sv. 110, a. J. 1432. Zápisnica z vypočúvania Viliama Širokého na Ústrední štátnej bezpečnosti v Bratislave, 20.07.1941; NA Praha, f. ÚV KSČ — barnabitská komise, sv. 9, a. j. 212. Situačná správa čís. 5 o komunistických hordách na Slovensku a v Maďarsku.

коммунистических деятелей, отсутствие которых уже не удалось никем восполнить¹⁴. Коммунистическое подполье Словакии никогда не достигало таких масштабов и эффективности, как в период Первого центрального руководства, т. е. до нападения Германии на СССР.

В это время словацким коммунистам удалось занять прочные позиции в промышленных центрах в Подбрезовой, Братиславе, Ружомберке, Жилине, Поважской Быстрице, Дубнице, Тренчине, Зволене, Банска-Быстрице, Гандловой, Мартине, Брезне или Трнаве. На каждом крупном предприятии Словакии работали подпольные ячейки, была создана широкая сеть областных и районных партийных комитетов. Был сформирован эффективный технический аппарат, обеспечен выпуск нескольких подпольных периодических изданий и десятков разных листовок тиражом в несколько сотен экземпляров¹⁵. В это время в работу коммунистического подполья были вовлечены почти три тысячи членов и беспартийных¹⁶.

Нападение Германии на Советский Союз застало словацких коммунистов врасплох. Несмотря на то что в отличие от Карола Бацилка или Вильяма Широкого, присланных Москвой, они в большей мере осознавали неизбежность скорого конфликта на востоке (так как они были свидетелями переброски немецких войск и подготовки к наступлению), даже они не ожидали, что наступление начнется уже в июне 1941 г., а также что подавление «людацкими» органами коммунистического движения будет настолько успешным. В первые дни войны было превентивно арестовано несколько сот коммунистов¹⁷. Через несколько недель, когда опасность ответных действий коммунистического Сопrotивления из-за вступления Словакии в войну на востоке миновала, большинство из них было освобождено.

¹⁴ *Syrný M., Medvecký M.* Represie slovenských komunistov v rokoch 1939–1943. In: *Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu*. Sv. VI. Praha 2009. S. 96–99; *ŠA Bratislava, f. Štz Bratislava, spis č. 3160/1941*; *Jablonický Jozef.* Samizdat o odboji 2. Bratislava, 2006. S. 473–475.

¹⁵ *Pažur Štefan — Kiš Štefan — Korim Vojtech — Krcho Mikuláš.* Organizačná štruktúra ilegálnej KSS v rokoch 1938–1943, I. Časť // *Zborník Múzea SNP č. 10* (1985). S. 45–93.

¹⁶ *Korim, Vojtech:* Mýty a realita domáceho komunistického odboja. In: *Zborník Múzea SNP 2005 — Zjednocovanie antifäšistických síl na Slovensku v roku 1943. Vznik a činnosť ilegálnej SNR.* Banská Bystrica, 2005. S. 106; *Štvrtecká-Hučková Anna.* Činnosť prvého ilegálneho vedenia ústredného výboru KSS. Bratislava, 1959. S. 18.

¹⁷ Сравни, напр.: 695 komunistických agentov zneškodnených // *Gardista*, 1941. Č. 150. S. 3.

Но начался арест лиц, связанных с подпольным руководством партии. Среди наиболее значительных представителей партии ареста избежал лишь Ян Осога, который набрал себе новых сотрудников в высшее партийное руководство: Отта Клайна и Винцента Шкрабалу. Кроме арестов подпольная КПС должна была в первые недели войны на востоке смириться с отсутствием директив из Москвы. Их заменило лишь выступление Сталина 3 июля 1941 г., которое стало ориентиром для коммунистического подполья Словакии. Словацкие коммунисты освоили (постепенно и с известными затруднениями) новую интерпретацию войны: она уже была не только несправедливой войной немецких и английских капиталистов (поддерживаемых американцами) за передел мира. С нападением Германии на Советский Союз война стала справедливой оборонительной войной СССР и остальных поработенных народов против самой страшной империалистической державы — гитлеровской Германии. В этой новой борьбе против фашизма Запад (во главе с Великобританией, а чуть позднее и с США) стал уже союзником народов Европы¹⁸. В первоначальных иллюзиях о разгроме немецких войск могучей Красной армией еще чувствовались мечты о скором приходе социалистической революции в Центральную Европу, в том числе и в Словакию¹⁹. Лишь спустя несколько месяцев, в течение которых события сложились иначе, в том числе и на Восточном фронте, и под влиянием углубляющихся перемен в отношениях СССР с западными державами новое руководство словацких коммунистов стало воспринимать будущее развитие более объективно. С одной стороны, оно (в большинстве случаев неудачно) старалось активизировать формы насильственного сопротивления «людацкому» режиму и его участие в немецких военных мероприятиях: саботаж, организация партизанских групп и т. д.²⁰ С другой стороны, по примеру Москвы понимало необходимость сотрудничества с другими участниками движения Сопротивления. Возникла потребность в образовании движения Сопротивления наподобие народных фронтов второй половины 1930-х гг. Поэтому была

¹⁸ Po boku ZSSR za slobodu slovenského národa // Hlas ľudu, júl 1941.

¹⁹ Dejiny Slovenského národného povstania. 3. Zväzok. Bratislava, 1984. Dok. Č. 80 (Náš boj započal).

²⁰ A MSNP Banská Bystrica. F. III. K. 3. Inštrukcie pre rayonné, okresné, obvodné a miestne vedenia KSS; ŠA Bratislava. F. Štz-trestné spisy, spis č. 844/1942 (Karol Kubín a spol.). Zápisnica s Karolom Kubínom na ÚŠB, 09.03.1942; Jablonický Jozef. Samizdat o odboji 2. Bratislava, 2006. S. 467—488.

создана концепция широкого народного фронта, который должен был включать в себя все антифашистские группы.

На рубеже 1941 и 1942 гг. Второе подпольное центральное руководство КПС сделало первые реальные шаги для создания общей платформы сопротивления. Оно обратилось к Яну Урсину, бывшему видному представителю правящей аграрной партии домюнхенского периода, ликвидированной новым режимом, с предложением о сотрудничестве и образовании центрального органа Сопротивления — Центрального национально-революционного комитета. Урсини и его окружение, как и представители «Сидоровской оппозиции» из рядов умеренных «людаков», не проявили интереса к более тесному сотрудничеству с коммунистами. Они интуитивно почувствовали, что для коммунистов являются лишь очередными «попутчиками», «классовым врагом», с которым после разгрома фашизма вновь начнется борьба²¹. Помимо этого им не нравились «смелые» и, с их точки зрения, преждевременные попытки Сопротивления, такие как саботаж, создание вооруженных групп и т. д. Отсутствовала уверенность, что данные контакты не являются провокацией полиции. В результате этих опасений первый Центральный национально-революционный комитет состоял всего из двух коммунистов (Павол Штал, Милош Грушовски) и бывшего аграрника Милана Полака, который был против насильственных действий²². Вскоре после образования этого комитета его члены-коммунисты были арестованы, не успев осуществить никаких политических или повстанческих действий. Это было связано с полицейской облавой, направленной против Второго подпольного руководства КПС и его структур, весной 1942 г. Из руководства на свободе опять остался лишь Ян Осога. В мае 1942 г. он организовал третье по счету подпольное руководство партии вместе с Штефаном Дубчеком и Йозефом Лъетавцом. Для нового руководства наиболее важной задачей было уже давно планируемое создание партизанской группы. Это первое вооруженное образование коммунистического подполья получило название «Боевая дружина Янка Краля», и ее командиром стал Ярослав Глиненски. Группа состояла из 10—15 самоотверженных коммунистов, вооруженных лишь пистолетами и несколькими гранатами. Свыше шести недель они находились в

²¹ Сравни: Štvrtecká, Anna: Ján Osoha. Bratislava, 1970. S. 184.

²² ŠA Bratislava. F. Štz — trestné spisy, spis č. 3103/1942. Zápisnica o vypočúvaní Pavla Stahla na ÚŠB, 15.05.1942; Jablonický Jozef. Z ilegality do povstania. Banská Bystrica, 2010. S. 62—66; Ursiny Ján. Spomienky na SNP. Liptovský Mikuláš, 1994. S. 38—40.

горах Малые Карпаты недалеко от Братиславы и в город ходили за продуктами, инструкциями или помощью коммунистического руководства. Большую часть времени они проводили за политучебой или учились обращаться с доступным оружием. Они не осуществили ни одной настоящей партизанской операции, хотя и проводилась техническая подготовка операций диверсионного характера на железнодорожном транспорте. На их задержание хватило лишь троих местных жандармов²³.

Эта первая неудачная попытка в осуществлении партизанских действий имела свои последствия — разоблачение центрального руководства партии и связанных с ним коммунистов. На этот раз попал в полицейскую ловушку и Ян Осога, так долго избегавший ареста. В августе 1942 г. было создано новое, уже Четвертое центральное руководство подпольной КПС. В его состав входили Штефан Баштёвански и Милош Грушовски. Руководство продержалось девять месяцев, и за это время оно старалось привлечь как можно больше населения к сотрудничеству с коммунистическим подпольем и участию в партизанском движении. Весной 1943 г. словацкие коммунисты подошли ближе всего к выполнению своей главной задачи — созданию основ организованного вооруженного сопротивления. Вокруг скрывавшегося Роберта Доната образовалась группа людей, поддерживающих партию, из Банско-быстрицкой области (Йозеф Хагара, Антон Рашла и др.) и из Ружомберской области (Эрнест Отто, Ярослав Шолц), которые в сотрудничестве с местными коммунистическими активистами в г. Превидза и его окрестностях готовили материально-технические предпосылки вооруженного сопротивления. Донат разрабатывал теоретические основы создания и деятельности партизанских групп. В г. Новаки при участии представителей центрального руководства прошли два совещания, где обсуждалась партийная тактика и стратегия. Из-за вмешательства полиции все эти планы не были реализованы, так же как старания предыдущих партийных руководств²⁴. Управлению государственной полиции при

²³ A MSNP Banská Bystrica. F. III. K. 2. Organizačný štatút partizánskych skupín (rukopisné poznámky); SNA Bratislava, Ilegálna KSS, a. J. 363. Zápisnica ÚŠB s J. Lietavcom, 24.07.1942; Там же, а. J. 391. Výpoveď Alexandra Markuša, 02.02.1943; Там же, а. J. 361. Zápisnica ÚŠB s J. Hlinenským, 22.07.1942; Jablonický J. Samizdat o odboji 2. Bratislava, 2006. S. 494—502.

²⁴ SNA Bratislava. F. Ilegálna KSS, а. J. 424. Zápisnica ÚŠB s Ernestom Ottom, 12.04.1943; Там же, а. J. 423. Zápisnica ÚŠB s Jozefom Hagarom, 20.04.1943; A MSNP. F. III. K. 1. Obžaloba proti Štefanovi Bašťovanskému a spol., 26.07.1944; Jablonický J. Samizdat o odboji. Bratislava, 2004. S. 232—264.

уничтожении Четвертого подпольного руководства помогали ее информаторы в рядах КПС. Прежде всего Штефан Хандера, который был одно время кандидатом на пост в центральном руководстве партии, помог полиции также при разоблачении партийных структур в восточной Словакии, которым до тех пор, благодаря своей конспирации, изоляции от центрального руководства, удавалось избегать арестов²⁵.

Летом 1943 г. подпольная КПС вновь активизировала свою деятельность. В отличие от предыдущих этапов развития «людацкого» режима или войны, когда общее политико-общественное развитие не очень способствовало сопротивлению, прежде всего коммунистическому, положение начало меняться. Отступления на восточном фронте, капитуляция Италии и ее переход на сторону союзников отразились в поиске выхода из сложившейся ситуации. Активнее начали действовать группы сопротивления и течения политической оппозиции, которые в последней фазе войны попытались взять на себя руководство сопротивлением и, таким образом, навязать послевоенной Словакии судьбу, соответствующую их политическим предпочтениям. Видя приближающийся конец «людацкого» режима, к сопротивлению стали присоединяться и пассивные лица. Под влиянием обращения лондонского эмигрантского правительства и подобных призывов московского руководства КПЧ осенью 1943 г. представители некоммунистического движения Сопротивления Ян Урсини и Йозеф Леттрих и новое, Пятое центральное руководство подпольной коммунистической партии (в составе Карол Шмидке, Густав Гусак и Лацо Новомески) нашли общий язык²⁶. Их соглашение об образовании совместного органа движения — Словацкого Национального Совета (СНС) и совместной программной платформы — «Рождественского договора» — было основано на двух главных предпосылках.

Первая — изменение коммунистической партией отношения к потенциальным союзникам и подготовка более крупных совместных вооруженных действий в конце войны. Указания к этой новой партийной тактике привез в Словакию Карол Шмидке, присланный сюда Москвой. Вторым существенным моментом стало заключение Договора

²⁵ *Medvedcký M.* Nepohodlný vedúci strany — dobrodružný život Štefana Handera. In: SYRNÝ, Marek a kolektív: Kolaborácia a odboj na Slovensku a v krajinách nemeckej sféry vplyvu v rokoch 1939—1945. Banská Bystrica, 2009. S. 237—238; *Pažur Š., Kiš Š., Korim V., Krcho M.* Organizačná štruktúra ilegálnej KSS v rokoch 1938—1943, II. Časť. In: Zborník Múzea SNP, r. 1986. S. 64—67.

²⁶ Подробнее см.: Jablonický Jozef: Príprava a vznik Slovenskej národnej rady. In: Pohľady na slovenskú politiku. Bratislava, 2000. S. 376—381.

о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между представителями чехословацкого государства в эмиграции и СССР в декабре 1943 г. Это соглашение ясно давало понять, что новый союз между коммунистами и некоммунистами должен основываться на борьбе за социальные реформы и восстановлении демократической Чехословакии, в тесном политическом союзе с СССР. Организаторы рождественского договора договорились именно об этой цели сопротивления, к которой потом уже только добавили типично словацкое требование равноправия словаков и чехов в послевоенном совместном государстве. Главным средством свержения «людацкого» режима и перехода на сторону союзников должно было стать общенародное восстание²⁷. В его подготовке принимали участие не только подпольный СНС, но и другие политические силы. После подписания рождественского договора коммунисты отказались от своего партийно-идеологического радикализма в пользу совместных действий. По мере возможностей они помогали при подготовке вооруженного восстания, которое, естественно, готовилось прежде всего при помощи части армии, симпатизирующей движению сопротивления.

Звездный час словацких коммунистов во время войны наступает после начала Словацкого национального восстания (29 августа 1944 г.). Коммунисты, вошедшие в Словацкий Национальный Совет на паритетных началах, первый раз в словацкой истории становятся правящей партией, хотя пока что лишь на повстанческой территории²⁸. Они приобретают сильные позиции и в органах местного повстанческого управления — в национальных комитетах²⁹, организуют политические митинги, публикуют резолюции³⁰ и распространяют свою печать³¹. В от-

²⁷ Pravda. 12.09.1945. Č. 3. S. 1; Ursý Ján. Spomienky na SNP. Liptovský Mikuláš, 1994. S. 48—49; Lettrich Jozef: Dejiny novodobého Slovenska. Martin, 2012. S. 178—179.

²⁸ Подробнее см.: Rákoš Elo — Rudohradský Štefan: Slovenské národné orgány 1943—1968. Bratislava, 1973. S. 449—451.

²⁹ Fremal Karol a kolektív: Vyvrcholenie národnooslobodzovacieho boja proti fašizmu na strednom Slovensku v rokoch 1944—1945. Banská Bystrica, 1989. S. 20—47.

³⁰ Prečan Vilém (ed.): Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1966. Dok. Č. 576. Správa Gustáva Husáka pre ÚV KSČ v Moskve, 05.02.1945; Vartíková Marta (ed.): KSS. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. S. 17—19.

³¹ Уже на десятый день Восстания — 9 сентября 1944 г. — руководству КПС в г. Банска-Быстрица удалось начать выпуск главной партийной газеты «Правда», а 24 сентября распространить под редакцией Густава Гусака оригинальный политико-общественный журнал — «Новое слово».

личие от демократов, присоединившихся к восстанию, коммунисты уделяют больше внимания закреплению своих партийных позиций. Однако, понимая важность реализации основных принципов восстания, они сдерживают в случае необходимости свои партийные устремления в интересах дела.

17 сентября 1944 г. коммунисты достигают успеха — объединяются с социал-демократами на базе коммунистической партии³². Благодаря своей левой реформаторской риторике и в большинстве случаев ответственной государственной политике они привлекают на свою сторону новых сторонников. Отдавая предпочтение практическим вопросам восстания, коммунисты становятся наиболее яркой политической силой в Словацком национальном восстании. В этом немалая заслуга Густава Гусака, других коммунистов-повстанцев, молодых левых интеллектуалов. Появляются и первые разногласия между политикой руководства КПС и желаниями промосковского руководства КПЧ, которое прислало на повстанческую территорию своих представителей. Эти разногласия не были принципиальными и не стали публичными. Но они свидетельствуют о негативном отношении чешских коммунистических деятелей к словацкому повстанческому руководству, которое, например, позволило себе игнорировать советы Яна Швермы, рекомендовавшего смягчить позицию СНС или КПС в словацком вопросе или, наоборот, занять более радикальную (т. е. партийную) позицию по вопросу аграрной реформы³³.

Заключение. Словацкое национальное восстание дало коммунистам возможность впервые попробовать руководить страной и нести ответственность за управление государственными и общественными делами.

³² NA Praha, f. ÚV KSČ — barnabitská komise, sv. 2, a. j. 25. Husákova výpověď 19.11.1963; Vartíková Marta (ed.): KSS. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971. S. 21—51; Prečan Vilém (ed.): Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965, dok. Č. 576; Fremal Karol: Sociálnodemokratická strana na Slovensku v rokoch 1938—1944. In: Kapitoly z dejín sociálnej demokracie na Slovensku. Bratislava, 1996. S. 289—301; Pešek Jan. Komunistická strana Slovenska. Dejiny politického subjektu I. Bratislava, 2012. S. 12.

³³ NA Praha, f. ÚV KSČ — barnabitská komise, sv. 12, a. j. 227 (část II). Telegram J. Švermu K. Gottwaldovi, 05.10.1944; Там же, a. j. 227 (část I); A MSNP Banská Bystrica, f. III, k. 1. Telegram J. Švermu K. Gottwaldovi a V. Kopeckému, 14.10.1944; NA Praha, f. ÚV KSČ — barnabitská komise, sv. 2, a. j. 25. Husákova výpověď z 19.11.1963; Macháček Michal. Mezi českým lvem a sovětskou hvězdou Státoprávní představy slovenských komunistů v období druhé světové války. In: Kmet', Norbert — Syrný Marek a kolektiv: Odvaľujem balvan. Pocta historickému remeslu Jozefa Jablonického. Bratislava — Banská-Bystrica, 2013. S. 127—130.

Оно позволило им на добровольной основе объединить под своим руководством словацких левых политических деятелей и профсоюзное движение. С другой стороны, коммунисты смогли наладить прочные отношения с демократическими кругами вопреки установкам московского руководства КПЧ.

В движении Сопротивления в Словакии коммунисты не были единственной многочисленной и дееспособной силой, как об этом утверждала коммунистическая историография до ноября 1989 г. Но они были, бесспорно, организованной и наиболее активной силой Сопротивления. Также они привлекали к себе больше всего внимания репрессивных органов «людацкого» режима. Большинство видело свою политическую цель в установлении советского режима в Словакии, однако нельзя их априори считать недемократической, тоталитарной и нетолерантной политической силой, хотя позже часть из них принимала участие в репрессиях коммунистического режима. Многие находились в тяжелых социальных условиях, и поэтому ликвидация «капиталистической эксплуатации» и социального неравенства путем революции была более заманчивой перспективой, чем восстановление демократического строя, который до войны не решил социальных проблем. Видимо, это и было причиной их политического радикализма.

Перевел со словацкого языка
соискатель кафедры истории России БГУ
А. И. Курицын

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21 чэрвеня 2015 г.

СЛОВАЦКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1939—1941 гг.

Рассматриваются проблемы словацко-советских отношений в 1939—1941 гг. Проанализирован имидж России (Советского Союза) в словацком обществе до возникновения независимого Словацкого государства 14 марта 1939 г. Выделены этапы отношений на дипломатическом уровне и основные доминанты культурных и экономических контактов вплоть до их прекращения после начала операции «Барбаросса», к которой Словацкая Республика присоединилась на стороне нацистской Германии.

The paper deals with the selected problems of Slovak-Soviet relations in 1939—1941. Author briefly sketches general reflection of Russia, respectively Soviet Union by Slovak society to the establishment of the independent Slovak State on the 14th March 1939. Then, he analyzes different stages of diplomatic relations and dominants of cultural and economic relations up to their break after Slovakia joined in the Operation «Barbarossa» on the side of the Nazi Germany.

Ключевые слова: Словакия; Словацкое государство; Советский Союз; словацко-советские отношения; Вторая мировая война; Центральная Европа.

Keywords: Slovakia; Slovak State; Soviet Union; Slovak-Soviet Relations; World War II; Central Europe.

Несмотря на непродолжительность словацко-советских отношений, они заслуживают пристального внимания исследователей. Об отношениях между Словакией и Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) на дипломатическом уровне можно говорить только с 1939 г., когда вследствие распада Чехословакии возникла самостоятельная Словацкая Республика¹. Развитие контактов между двумя государствами было достаточно проблематичным — по объективным и субъективным причинам. Рассмотрим их.

¹ Территория современной Словакии принадлежала до 1918 г. Королевству Венгрия (с 1867 г. Австро-Венгерской монархии). После его распада Словакия вошла в состав Чехословацкой Республики, в рамках которой 6 октября 1938 г. получила автономный статус. 22 ноября 1938 г. был подтвержден конституционно.

В период существования Словацкой Республики (1939—1945 гг.) единственной политической партией в Словакии была «Глинкова словацкая народная партия» (ГСНП). ГСНП возникла в 1905 г., во время существования Австро-Венгерской монархии как отделение венгерской Народной партии (*Nüppört*) и представляла собой консервативную клерикальную (католическую) партию². В период Чехословацкой Республики партия последовательно выигрывает в Словакии парламентские выборы 1925, 1929, 1935 гг., за исключением первых после войны выборов в 1920 г. В межвоенное время в отношениях ГСНП к СССР наблюдалась двойственность. Националисты всегда разграничивали свое отношение к культурно-близким славянским народам, которые проживали в СССР, и к большевистскому режиму. Такое восприятие восточной великой державы характерно для ГСНП и после того, как осенью 1938 г. она стала ведущей, а вскоре и единственной партией в Словакии³.

Отношение словаков к СССР было разным. В межвоенный период они получали только косвенную информацию о жизни в соседнем государстве. Мнение о СССР в большинстве случаев формировалось прессой. В зависимости от своего политического спектра она рисовала им либо идеализированный образ «рая рабочих и крестьян», либо преувеличенно демоническую картину, характерную для правоцентристских и правых политических партий. Результатом стало идеологизированное представление об условиях жизни в советском государстве.

Определенную роль при создании имиджа Советского Союза в глазах словацкой общественности играли и неполитические объединения. В 1928 г. в Братиславе основана Лига против коммунизма, целью которой было противодействие коммунистическим идеям и политике III Интернационала. Основным методом борьбы стала агитационная деятельность. Эта организация, поддерживающая контакты с русской (белой) эмиграцией в Чехословакии, не имела большого влияния, и со временем ее активность стала уменьшаться⁴. Среди обществ противополо-

² См.: *Letz R. Hlinkova slovenská ľudová strana (Pokus o syntetický pohľad) // Hlinkova slovenská ľudová strana v dejinách / ed.: Letz R., Mulík P., Bartlová A. Martin. 2006. S. 12—107.*

³ После провозглашения автономии ГСНП получила доминирующее положение в автономном словацком правительстве, и постепенно к ней были присоединены все центристские и правые политические партии. Деятельность левых партий (коммунистической и социал-демократической), а также еврейских общественных организаций была приостановлена, а позже они были объявлены вне закона.

⁴ *Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934—1944). Bratislava, 2002. S. 15.*

ложной, просоветской ориентации выделялся «Союз друзей СССР», основанный группой молодых коммунистических интеллектуалов («дависти»⁵) в 1931 г. Общество сосредоточило внимание на экономическом и культурном сближении с СССР, оно помогало организовывать экскурсии в Советский Союз, старалось притушевать негативную картину социальной действительности в воспеваемом им государстве⁶. Очень мало словаков приобретало в отношении СССР эмпирический опыт. В большой мере он для них оставался загадкой и символом: либо воплощением великого образца, либо, наоборот, сосредоточением всех злых сил мира. В противоречивой рефлексии «Россия», как словаки называли СССР, ничего не изменилось, даже после установления дипломатических отношений между Прагой и Москвой в 1934 г.

Словацкий сейм, который в октябре 1938 г. получил автономный статус в рамках Чехословакии, провозгласил 14 марта 1939 г. государственную независимость. Решение депутатов сейма рождалось в чрезвычайно сложной международной политической ситуации. Скрытые тенденции к объявлению независимости Словакии существовали в рядах ГСНП уже на протяжении нескольких предшествующих месяцев, но осуществление этого проекта словацкая политическая элита видела возможным в ближайшие несколько лет. Немецкая агрессия, направленная против Чехословакии, этот процесс ускорила, и Словакия впервые в истории стала субъектом международного права⁷.

Словацкое государство (с 21 июля 1939 г., после принятия Конституции, официально Словацкая Республика) дипломатически постепенно признается большинством стран мира. Но не все сумели принять переустройства на политической карте Европы, вызванные нацистской политикой. Одной из стран, которая не признала независимую Словакию, после провозглашения самостоятельности, был и СССР. Советское правительство считало возникновение Словацкого государства продуктом немецкой экспансии (и по праву — принимая во внимание все обстоятельства) и в отношении его признания заняло выжидательную пози-

⁵ Группа молодых левых интеллектуалов, которая получила название по журналу ДАВ (DAV), вокруг которого они и объединялись. К ее выдающимся представителям принадлежали Владимир Клементис, Даниэль Окали, Андрей Сирацкий, Ладислав Новомеский.

⁶ *Čierna-Lantayová D.* Pohľady na východ... S. 23—26.

⁷ О событиях, которые предшествовали провозглашению словацкой независимости, см.: *Bystrický V.* Cesta Jozefa Tisa do Berlína 13.—14. Marca 1939 // *V perimetri zameriavača.* Banská-Bystrica, 2012. S. 34—64.

цию. Народный комиссар иностранных дел СССР Максим Литвинов передал немецкому послу в Москве Фридриху фон Шуленбургу ноту, в которой советское правительство отвергало аннексию Чехии и Моравии Германией и подчинение Словакии нацистским интересам, так как этот акт не соответствовал воле словацкого народа⁸. Тактический маневр Москвы оставлял вопрос об установлении словацко-советских дипломатических отношений открытым. Заявление словацкого министра иностранных дел Фердинанда Дюрчанского о признании словацкого государства *de-jure* осталось без ответа, но СССР не сказал Братиславе и однозначно, и ультимативного «нет».

Ситуация изменилась после подписания пакта Молотова — Риббентропа в августе 1939 г. Подписание договора о ненападении словацкая сторона приняла с удовлетворением. В Словакии пакт был воспринят как позитивный сигнал и предвестник окончания драматических преобразований последних месяцев⁹. К сторонникам сближения с СССР принадлежал и Ф. Дюрчанский, который от установления дипломатических отношений ожидал не только укрепления международных позиций Словацкой Республики, но и возможности преодолеть одностороннюю ориентацию Словакии на Германию¹⁰.

Непосредственный повод к пересмотру советской «политики бездействия» в отношении к Словакии был дан словацким послом в Берлине Матушем Чернаком по инициативе Ф. Дюрчанского. Уже 14 сентября 1939 г. М. Чернак встретился с главой советской дипломатической миссии в Германии Александром Шкварцевым, который немедленно информировал Москву о переговорах, и требовал дальнейших инструкций. На следующий день новый нарком иностранных дел Вячеслав Молотов сообщил Шкварцеву, что СССР согласен дипломатически признать Словацкую Республику¹¹. Признание *de-jure* осуществилось 16 сентября 1939 г. Протесты чехословацкого посла Зденека Ферлингера в Москве были проигнорированы¹². Его бюро было ликвидировано, а в столице СССР он мог жить лишь как частное лицо.

⁸ *Petruf P. Zahraničná politika Slovenskej republiky 1939—1945. Bratislava, 2011. S. 189.*

⁹ *Mičianik P. Slovenská samostatnosť v strategických plánoch sovietskeho zväzu (1939—1945) // Moderné dejiny Slovenska II / ed. : A. Hruboň. Ružomberok, 2009. S. 17.*

¹⁰ *Schvarc M. Zahraničná politika Slovenskej republiky (1939—1945) a jej postavenie v rámci nemeckej sféry vplyvu // A kol.: Kľúčové problémy moderných slovenských dejín. Bystrický V., Kováč D., Pešek J. Bratislava, 2012. S. 242.*

¹¹ *Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 90.*

¹² Там же. С. 91.

Вследствие изменения геополитической ситуации (поражение Польши в сентябре 1939 г.) Словацкая Республика упрочила свои международные позиции, поскольку приняла участие в военных действиях. После установления дипломатических отношений с СССР ничто явно не указывало на то, что вскоре развитие отношений ускорится. Словацкий президент Йозеф Тисо¹³ назначил послом в Москве своего дальнего родственника Франя Тисо¹⁴ (приехал в Москву 11 декабря 1939 г.). Советский посол Григорий Максимович Пушкин вступил в должность в Братиславе лишь через три месяца, 2 февраля 1940 г. В течение первых недель мандата Г. М. Пушкин провел переговоры с ведущими представителями Словацкой Республики Й. Тисо и Ф. Дюрчанским. К своему удивлению, советский посланник был благожелательно принят. Однако уже в самом начале своего пребывания в Братиславе он понял пределы словацких симпатий в отношении к СССР: позитивное «да» конструктивному сотрудничеству в экономической, культурной и отчасти политической сферах, но решительное «нет» компромиссам с большевистской идеологией и попыткам СССР добиться значительного влияния в Словакии¹⁵. В свою очередь советский посол произвел позитивное впечатление на президента Й. Тисо. Ему как католическому священнику импонировало то, что Г. М. Пушкин не вел себя ни как ортодоксальный коммунист, ни как атеист. Он пообещал, что в Словакии не будет вестись коммунистическая пропаганда, а также, говоря о России и русском народе, он произнес несколько предложений на церковнославянском языке¹⁶. Он дал понять, что славянский аспект не будет существенным в отношениях между двумя странами¹⁷.

В первые месяцы после признания Словацкой Республики СССР внешне казалось, что все в полном порядке. Ведущие представители обоих государств решились на беспрецедентные шаги: словацкие дея-

¹³ Йозеф Тисо будучи депутатом парламента 26 октября 1939 г. был единогласно избран на пост президента Словацкой Республики. Перед этим он занимал пост премьер-министра правительства автономной Словакии, а с 14 марта 1939 г. — самостоятельной Словакии. После смерти основателя партии Андрея Глинку был в 1938 г. исполнительным председателем ГСНП.

¹⁴ Венгерская дипломатия этот факт с удовольствием использовала, стремясь в глазах немцев дискредитировать Й. Тисо как «семьянина» и «поклонника большевиков». Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 101.

¹⁵ *Mičianik P.* Slovenská samostatnosť... S. 20, 21.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ *Čierna-Lantayová D.* Pohľady na východ... S. 109.

тели поздравили Москву по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), а Москва послала поздравительную телеграмму Братиславе по случаю годовщины словацкой независимости (14 марта), хотя еще недавно ее возникновение считала незаконным¹⁸. О новой словацко-советской дружбе начала писать и близкая к правительственным кругам словацкая пресса. Былые шипы анти-советской пропаганды были значительно притуплены. Информация о СССР стала носить нейтральный характер, проблемные аспекты общественно-политических и социальных отношений на территории нового союзника не обсуждались. В то же время словацкая печать с беспокойством ожидала возможного вступления Москвы в Пакт трех держав (Берлинский пакт 1940 г.), но, как оказалось, напрасно¹⁹.

Схожие взгляды стали распространяться не только на уровне высокой политики, но и в словацком обществе. Можно отметить, что после установления словацко-советских отношений среди населения быстро увеличились русофильские настроения, корни которых лежали еще в первой половине XIX в. — во время национального возрождения²⁰. Однако в большинстве своем население Словакии не замечало, что страна была плотно охвачена нацистскими клещами. Поэтому наивно было ожидать хотя бы некоторого уменьшения вездесущей немецкой пропаганды и возвышенных пропагандистских речей о «словацко-немецкой дружбе». Парадоксально, но такой наивный взгляд имела и часть правящей «людацкой» элиты, в том числе и министр иностранных дел Ф. Дюрчанский. Сомнительность внешнеполитической концепции Дюрчанского по уравниванию влияний СССР и Германии наиболее четко проявилась в конце июля 1940 г. Представители Германии дали понять словацким государственным деятелям то же, что Г. М. Пушкину сообщил немецкий посол в Братиславе Манфред фон Киллингер. В частности, им отмечалось, что Словацкая Республика согласно Договору

¹⁸ Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 95, 114.

¹⁹ Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu I. (1941—1944). V operácii BARBAROSSA. Banská Bystrica, 2007. S. 39.

²⁰ Представители словацкого национального возрождения в своих документах и политических расчетах часто смотрели на царскую Россию как на «славянский дуб», который защитит меньшие славянские народы в Габсбургской монархии перед лицом национального угнетения и ассимиляции. К передовым представителям русофильского движения можно отнести следующих известных деятелей: Яна Коллара, Людовита Штура, Светозара Г. Ваянского и др. (фактически большинство словацких возрожденцев).

о защите (Schutzvertrag), подписанному 23 марта 1939 г.²¹, относится к сфере интересов Германии и никаких изменений в данном вопросе Берлин терпеть не намерен²².

Все же, возвращаясь к характеристике словацко-советских отношений, можно констатировать, что на начальном этапе установления контактов между Словацкой Республикой и СССР доминировали две линии отношений — геополитическая и экономическая²³.

В частности, характеризуя политический аспект взаимоотношений, можно отметить, что словаки от Москвы ожидали помощи в пересмотре изменений словацко-венгерской границы в 1938—1939 гг.²⁴ Наибольшей активностью на данном направлении вновь выделился Ф. Дюрчанский. Весной 1940 г. он в разговорах изложил Г. М. Пушкину план, согласно которому СССР должен был оккупировать Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину), населенную прежде всего этническими русинами, и аннексированную Венгрией в два этапа (ноябрь 1938 г. и март 1939 г.)²⁵. В результате этого Словацкая Республика имела бы прямую границу с СССР, что, по мнению словацкого министра иностранных дел, привело бы к ослаблению немецкого влияния на внутренние дела Словакии, ослабило бы венгерские территориальные притязания. Выдвигая свои предложения, Ф. Дюрчанский, однако, не мог знать о территориальных амбициях СССР относительно Бессарабии и Северной Буковины.

Стремление к стабилизации международных позиций Словацкой Республики с помощью СССР и в дальнейшем оставалось важнейшей частью словацкой внешней политики. По этому поводу Г. М. Пушкин в

²¹ Договор о защите (официально *Zmluva o ochrannom pomere medzi Nemeckou ríšou a Slovenským štátom*) был двусторонним документом, согласно которому Германия выступала гарантом политической независимости и целостности Словакии, а та в свою очередь обещала ввести внутреннюю, внешнюю, военную и экономическую политику в тесном согласии с интересами Германии. Подписанием этого Договора Словакия фактически попадала в полную зависимость от Третьего рейха.

²² *Marlína V. V. Slovensko (1939—1945) v dokumentoch ruských archívov // Vojenská história*. 2011. Roč. 15. Č. 3, 149.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Часть Подкарпатской Руси (города Ужгород, Чоп, Мукачево, Берегово и окрестности) Венгрия присоединила согласно первому Венскому арбитражу в ноябре 1938 г. После провозглашения словацкой независимости 14 марта 1939 г. ею была аннексирована оставшаяся территория Подкарпатской Руси. После 1945 г. она вошла в состав Советского Союза как Закарпатская область Украинской ССР.

²⁵ *Petruf P. Zahraničná politika... S. 194.*

одном из своих сообщений в Москву писал: «Словаки от нас ждут, вероятно, больше, чем мы им можем дать»²⁶. Его предположения подтвердил результат зальцбургских переговоров (июль 1940 г.), когда Адольф Гитлер лично навязал Й. Тисо изменения в правительственном кабинете. Важнейшим изменением стало удаление Ф. Дюрчанского с поста министра иностранных дел и министра внутренних дел и его замена пронемецки настроенными Войтехом Туком и Александром Махом, что привело к свертыванию попыток выстраивания многовекторной политики Словацкой Республики.

Первоначальный успех словацко-советских отношений имел и свое продолжение в сфере культуры. В январе 1940 г. Словакию посетила советская делегация под руководством С. В. Кафтанова, председателя Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР. Делегация приняла участие в торжественном вступлении в должность ректора Словацкого университета премьер-министра В. Тука и впоследствии провела переговоры со многими словацкими политическими и научными деятелями. С. В. Кафтанов, вернувшись из своей командировки, предоставил обширный (27 страниц) отчет. В нем он подчеркнул наличие чрезвычайного интереса словаков к сотрудничеству с СССР в области культуры и науки, доказательством чего стала просьба Й. Тисо и профессоров университета прислать русские вузовские учебники²⁷. Советская делегация (в отличие от остальных) во время своего посещения не приняла участия в торжественном богослужении, зато на нее произвел впечатление спектакль Национального театра — опера М. П. Мусоргского «Хованщина», который был введен в программу вступления Тука в должность ректора. Произведение, в основе которого лежат события русской истории, было поставлено с выразительным национальным акцентом, что привело в смущение немецкого посла Г. Бернарда, который ушел, не досмотрев спектакль до конца²⁸.

²⁶ *Marjina V. V.* Brána na Balkán. Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Nemecka v letech 1939—1941 // *Soudobé dějiny*, roč. 1, 1994. Č. 6. S. 834. По этому вопросу также см.: *Piahanau A.* Slovak-Hungarian Relations in the Mirror of the German-Soviet Conflictive Alliance (1939—1941) // *Prague Papers on the History of International Relations*. 2012. Roč. 16. Č. 2, S. 144—163; *Čierna-Lantayová D.* Poznámky sovietskeho zástupcu v Bratislave k prejavom napätia medzi Slovenskom a Maďarskom (február 1940 — apríl 1941) // *Historické štúdie*, roč. 43, 2004. S. 237—249.

²⁷ Там же. С. 105.

²⁸ Там же. С. 104—105.

Помимо геополитического «сватовства» и культурных отношений для Словацкой Республики имели чрезвычайно важное значение экономические отношения с Советским Союзом. В то время когда словацкая внешняя торговля из-за ухудшения отношений с Западом попала в зависимость от рынков Германии и Протектората Богемия и Моравия, намерение открыть торговлю с самым большим государством мира было очень привлекательным. Предварительные переговоры касательно торговых отношений между СССР и Словакией закончились в сентябре 1940 г. Словацкая делегация во главе с начальником Народнохозяйственного отдела Министерства иностранных дел Яном Орсагом уехала в Москву 17 ноября 1940 г. Переговоры, вопреки первоначальным опасениям, закончились уже в первую неделю декабря. Так, 6 декабря 1940 г. был подписан торговый договор, договор о транспортных перевозках и резолюция об обмене товаров и платежном обороте. Словакия должна была поставлять в СССР прежде всего кабели, электродвигатели, стальные трубы и ткани. СССР должен был поставлять в Словакию хлопок, зерновые культуры и фосфаты²⁹.

Предполагаемое количество поставок в соответствии с декабрьским договором показано в табл. 1 и 2³⁰:

Таблица 1

Вид товара, поставляемого из Словацкой Республики в СССР	Сумма поставок, в тыс. долл. США
Кабели и электрические провода	500
Электродвигатели и трансформаторы	130
Стальные трубы для нефти и железной метале	330
Стальные канаты	100
Ткань из хлопка и перфорированный медный железной метале	40
Кабели кабеля	100
Платина из искусственной слюды и искусственные волокна	400
Текстильные машины	200
Всего	1800
Платеж за обработку хлопка для платины	600
Вместе с платежом	2400

²⁹ Slovák. 1940. Roč. 22. T. 291. C. 2.

³⁰ По: Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 156—157.

Таблица 2

Вид товара, поставляемого из СССР в Словацкую Республику	Сумма поставок, в тыс. долл. США
Хлопок	1400
Асбест	90
Фосфат	80
Глицерин	20
Щетина	30
Зерновые культуры (пшеница, рожь, кукуруза)	580
Прочие товары	200
Всего	2400

Помимо подписания экономических договоров была основана словацко-русская коммерческая комиссия с резиденцией в Братиславе, целью которой было расширение и координация действий в сфере внешнеторговых отношений. Создание комиссии позитивно повлияло на благоприятное развитие взаимного сотрудничества. С января по июнь 1941 г. Словакия вывезла из СССР общее количество товаров стоимостью 60,4 млн словацких крон (1,7 % всего импорта Словацкой Республики); в обратном направлении — товаров на 15,2 млн крон (0,5 % всего экспорта Словацкой Республики)³¹.

Словацкое посольство в Москве в 1940—1941 гг. пыталось расширить номенклатуру товаров, поставляемых в Словакию. Например, были организованы поставки соевых бобов, льна, хлопка и даже такого экзотического товара, как верблюжья шерсть. С другой стороны, представителей СССР интересовали электродвигатели фирмы «Сименс», трубы металлургического завода в Подбрезова, взрыватели для гранат³². Во время переговоров, состоявшихся в конце 1940 г., происходивших в очень дружественной обстановке, кроме упомянутых товаров была выражена заинтересованность советской стороны в поставках карбида и проволоки, причем словацкая делегация в обмен предложила хлопок, кукурузу, рожь, нефть, кожу и химикалии³³. Наряду с товарами, которые считались как на одном, так и на другом рынке де-

³¹ Štefániková A. O niektorých aspektoch zahraničného obchodu Slovenskej republiky v období rokov 1939—1945 // Historický časopis. 2000. Roč. 48. Č. 3. S. 470, 473.

³² Šmihula V. Vnútroňý život na vyslanectve Slovenskej republiky v Moskve 1939—1941 // Historický časopis. 1998. Roč. 46. Č. 3. S. 490.

³³ Там же. С. 491.

фицитными и соответственно вызывали большой интерес, словацкая сторона стремилась часть товаров использовать для последующей перепродажи в Германию. Это касалось прежде всего нефти. Советские специалисты считали, что затребованные словаками 300—400 тыс. т нефти сильно превышали словацкие потребности³⁴. СССР, естественно, не был заинтересован в чрезмерном укреплении Германии — особенно в результате реэкспорта, который мог бы обоснованно считаться несерьезной торговлей «за спиной».

Начиная с конца лета 1940 г., после вынужденных изменений в словацком правительстве и усилении влияния пронацистски настроенной фракции в ГСНП, дипломатические отношения между Словацкой Республикой и СССР заметно ухудшились. По-видимому, по указанию В. Тука было организовано наблюдение за советским посольством в Братиславе. Полицейские органы не следили за сотрудниками посольства, но внимательно регистрировали всех посетителей, которых потом проверяли, а впоследствии вызывали на допросы. У советской стороны эти факты вызвали закономерное возмущение, и в начале сентября заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Владимир Деканозов заметил словацкому *chargé d'affaires* Гейзе Крно в Москве о данном инциденте³⁵. Эти события стали важным «детонатором» резкого ухудшения словацко-советских отношений. В целом, как отмечал Г. М. Пушкин, их ухудшение наступило не с подачи словаков, а по инициативе немцев. Руководители Германии были недовольны развитием словацко-советских отношений и после зальцбургских переговоров дали ясно понять словацким представителям, что дух «дюрчанской эры» (т. е. попытки выхода из сферы немецкого влияния) недопустим³⁶.

Заключение. Можно констатировать, что словацко-советские отношения во время Второй мировой войны ухудшались параллельно с немецко-советскими отношениями. Когда новый посол в Москве Юлиан Шимко (заменил в должности Й. Тисо) предьявлял председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Калинину верительную грамоту, он не предполагал, что его деятельность в качестве главы дипломатической миссии будет непродолжительной. Мандат Ю. Шимко, как и в целом словацко-советские отношения, прекратились после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., на стороне которой воева-

³⁴ Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 141.

³⁵ Petruf P. Zahraničná politika... S. 196.

³⁶ Čierna-lantayová D. Pohľady na východ... S. 152.

ла и словацкая армия. Советский посол Г. М. Пушкин покинул Братиславу чуть раньше — 15 июня 1941 г. — из-за совещаний в Москве и больше не вернулся. Остальные работники посольства возвращались домой постепенно. Интересы Словацкой Республики и ее граждан в СССР после разрыва отношений представляла нейтральная Швеция³⁷.

После начала войны Германии с СССР Словацкая Республика все больше попадала в зависимость от нацистской Германии. Мечта некоторых представителей словацкого правительства создать из страны «вторую Швейцарию»³⁸ не была реализована. Отношения Москвы с Братиславой не были восстановлены в связи с признанием СССР Бенеша главой Чехословацкого правительства в изгнании в Лондоне. Окончание Второй мировой войны привело к восстановлению Чехословацкой Республики, и тем самым прерванные словацко-советские двусторонние отношения на международном уровне завершились.

Перевел со словацкого языка
соискатель кафедры истории России БГУ
А. И. Курицын

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 чэрвеня 2015 г.

³⁷ *Petruf P. Zahraničná politika... S. 195.*

³⁸ *Čierna-Lantayová D. Pohľady na východ... S. 122.*

МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «БЕЖАНСТВА» 1915 года ў ГІСТОРЫІ І ТРАДЫЦЫІ БЕЛАРУСАЎ ПАДЛЯШША = «BIEŻEŃSTWO» 1915 roku W HISTORII I TRADYCJI BIALORUSINÓW PODLASIA (Беласток, 12—13 лістапада 2015 г.)

У 2015 г. споўнілася сотая гадавіна пачатку бежанства з тэрыторыі беларускіх, польскіх і літоўскіх зямель у гады Першай сусветнай вайны. З гэтай нагоды Інстытут гісторыі і палітычных навук Універсітэта ў Беластоку разам з Беларускаім гістарычным таварыствам арганізавалі міжнародную навуковую канферэнцыю, якая адбылася 12—13 лістапада 2015 г. у Цэнтры праваслаўнай культуры ў Беластоку.

У Беларусі комплексных даследаванняў па праблеме бежанства не існуе, а прадстаўленне гэтай праблемы ў абагульняючых выданнях па гісторыі Беларусі не носіць вычарпальнага характару. Таму правядзенне ў Беластоку канферэнцыі дало штуршок да новых навуковых пошукаў і разгляду праблемы ў комплексе.

Увазе даследчыкаў былі прадстаўлены даклады, у якіх раскрываліся дзейнасць Усерасійскага з'езда бежанцаў з Беларусі летам 1918 г. (Р. Р. Лазько), рух польскіх і літоўскіх ваенных бежанцаў праз Латвію ў 1914—1917 гг. (Э. Екабсон), асаблівасці размяшчэння ў 1916 г. у Петраградзе і ваколіцах бежанцаў з Каралеўства Польскага і Беласточчыны (С. Чэпер). Апошняя паведамленне суправаджалася паказам фотаздымкаў, якія адлюстроўвалі ўмовы пражывання бежанцаў.

З вялікім інтарэсам удзельнікі канферэнцыі выслухалі даклад У. Ляхоўскага. На падставе архіўных дакументаў ён паказаў лёсы ўраджэнцаў

Беласточчыны — удзельнікаў беларускага нацыянальнага руху ў 1917—1921 гг. Даследчык адзначыў, што Першая сусветная вайна, бежанства і служба прывялі да росту беларускага нацыяналізму.

У падобным ключы быў прадстаўлены даклад С. Токця, які засяродзіў увагу на выкарыстанні мікрагістарычнага вымярэння ў ацэнцы бежанства і паказаў трагедыю насельніцтва ў гады Першай сусветнай вайны на прыкладзе Скідальскай воласці. У пэўным сэнсе аздобай даклада сталі ўспаміны П. Сеўрука, які, будучы падлеткам, вёў дзённік, дзе апісваў жыццё ў Ліпецку, шлях дадому і існаванне ў Польскай Рэспубліцы.

Матэрыяльныя, духоўныя, каштоўнасныя, культурныя наступствы бежанства ацаніў В. Карнялюк. Ён звярнуў увагу на тое, што ніводная палітычная сіла не зрабіла стаўку на бежанцаў. Асноўную прычыну гэтага даследчык бачыць у тым, што для апошніх найбольш актуальнымі былі прыземленыя інтарэсы, звязаныя з неабходнасцю выжыць і вырашыць надзённыя праблемы.

Праблема бежанцаў і перамешчаных асоб з Беларусі ў дзейнасці дэлегацый СССР і БССР у ААН у 1946—1955 гг. была прадстаўлена ў дакладзе У. Снапкоўскага. Ён звярнуў увагу на тое, што савецкі ўрад быў зацікаўлены ў вяртанні максімальнай колькасці сваіх грамадзян з ЗША, Вялікабрытаніі і Францыі, а таксама ахарактарызаваў дзейнасць міжнароднай арганізацыі па справах бежанцаў і стаўленне да яе СССР.

Адлюстраванне праблемы бежанства ў сучасных абагульняючых выданнях па гісторыі Беларусі было прадстаўлена Л. Козік. Яна звярнула ўвагу на фрагментарнасць у паказе гэтай з’явы і вызначэнні яе ўплыву на пасляваеннае жыццё беларусаў.

Частка прадстаўленых дакладаў тычылася жыцця бежанцаў пасля вяртання ў родныя мясціны. Так, С. Іванюк прааналізаваў метрыкі праваслаўных парафій на Беласточчыне за перыяд 1918—1924 гг. як гістарычную крыніцу. Ён зазначыў, што сярод асноўных праблем, з якімі сутыкаюцца даследчыкі бежанства, выступае адсутнасць доступу да вывезеных у гады Першай сусветнай вайны дакументаў.

Г. Сурыновіч прааналізавала дзейнасць па стварэнні праваслаўных парафій на Беласточчыне ў 1918—1924 гг. Даследчыца звярнула ўвагу на тое, што польскія ўлады стваралі разнастайныя перашкоды на шляху аднаўлення праваслаўных прыходаў, пра што сведчаць шматлікія скаргі, накіраваныя вернікамі ў Міністэрства веравызнання.

Вобразы бежанства ў міжваеннай і сучаснай прэсе Польшчы параўноўваў М. Орцох. Ён адзначыў, што ў 1990-я г. менавіта беларускія выданні першымі пачалі пісаць аб гэтай праблеме.

Канферэнцыя суправаджалася шэрагам прэзентацый. Так, Д. Фіёнік раскажаў аб тым, як адбывалася фарміраванне калекцыі пра бежанцаў у Музеі малой айчыны ў Студзіводах і адзначыў вялікую ролю ва ўзнікненні і развіцці музея беларускага даследчыка В. Скалабана.

Падчас сустрэчы прысутныя пазнаёміліся з інтэрнэт-парталамі, прысвечанымі бежанству. Адзін з іх — www.biezenstwo.pl — быў прадстаўлены яго стваральніцай, журналісткай А. Прымака-Онішк, другі — www.bezhentsy-rtv.com — расійскімі архівістамі А. Ціханавай і А. Ліндэ. Калі першы сайт прысвечаны гісторыі палякаў і беларусаў, якія пражываюць на тэрыторыі сучаснай Польшчы, то другі — бежанцам, якія ў гады вайны аселі ў Ніжнім Ноўгарадзе.

На канферэнцыі адбылася прэзентацыя другога, дапоўненага выдання ўспамінаў «Бежанства 1915 года» (2015). У адрозненне ад першай кнігі, якая выйшла ў 2000 г., у другую складальнікі ўключылі як новыя гісторыі людзей, так і дакументы, што захаваліся ў сямейных архівах рэспандэнтаў.

Трэба адзначыць, што падчас канферэнцыі і круглага стала на тэму «Што нам засталася з “Бежанства”» адбываліся вострыя дэбаты, якія адлюстроўвалі існаванне розных падыходаў як да агульнай праблемы бежанства, так і да асобных яго аспектаў.

Л. А. Козік, дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук

АБАРОНА ДЫСЕРТАЦЫЙ

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ СОТРУДНИКАМИ, АСПИРАНТАМИ И ДОКТОРАНТАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ В ЯНВАРЕ — ДЕКАБРЕ 2015 г.

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Келлер Ольга Борисовна. Распространение средневекового немецкого права на землях Центральной и Восточной Европы в XIII—XVIII вв. 07.00.03. Цель исследования — реконструкция трансферта немецкого средневекового права на земли Центральной и Восточной Европы и выявление уровня цивилизационного взаимовлияния правовых систем как Германии, так и исторических регионов Центральной и Восточной Европы. Предмет исследования — распространение права средневековой Германии на землях Центральной и Восточной Европы в XIII—XVIII вв. и его региональные особенности. Хронологические рамки исследования охватили период с XIII по XVIII в. Нижние рамки обусловлены фактическим распространением «Саксонского» и «Швабского» Зерцал, Магдебургского, Любекского и Нюрнбергского городских прав к востоку от Германии в начале XIII в., несмотря на появление норм вышеозначенных городских прав еще в XII в. Верхние рамки обусловлены снижением роли и влияния немецкого права на землях Центральной и Восточной Европы в конце XVIII в., хотя третий этап использования Магдебургского права судами белорусских «магдебургий» приходится на середину XVIII — начало XIX в., официальная отмена норм немецкого права на украинских землях произошла лишь в XIX в.

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Мартинович Денис Александрович. Становление советской высшей школы (1917 — середина 1930-х гг.). 07.00.03. Цель исследования — определение причин, тенденций и итогов преобразования высшей школы Советской России —

СССР в 1917 г. — середине 1930-х гг., которые обусловили создание единой, унифицированной системы высшего образования СССР. Впервые проанализированы связь между концепциями, действовавшими в течение одного хронологического этапа, и преемственность между теми из них, которые функционировали в разные периоды.

Кондраль Александра Александровна. Общественно-политическая деятельность ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте (2005—2012 гг.). 07.00.03. Выявлен комплекс общественно-политических факторов, позволивших ассоциации прийти к власти в Египте в 2012 г. (трансформация идеологии и политической программы «Братьев-мусульман», активная парламентская деятельность ассоциации и, как следствие, максимализация ее политического влияния). В работе использованы общенаучные, а также социально-исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический и др. Исследование построено на принципах историзма, объективности в сочетании с ценностным подходом.

Андреева Виктория Анатольевна. Западногерманская историография советской системы образования, художественной литературы и изобразительного искусства (1949—1990 гг.). 07.00.09. Цель исследования — выявление основных особенностей и динамики становления и развития комплекса научных знаний о советской системе образования, художественной литературе и изобразительном искусстве в ФРГ в 1949—1990 гг. Выявлены тематические направления и концептуальные подходы западногерманской культурологической советологии и изучена проектная деятельность соответствующих научных центров.

Кухаренко Артур Андреевич. Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси (1883—1914 гг.). 07.00.02. В диссертации определена роль Крестьянского поземельного банка в решении аграрного вопроса на территории Беларуси в конце XIX—XX в. Проведено целостное изучение деятельности белорусских отделений банка, показано ее влияние на рост крестьянского землевладения, стабилизацию земельного рынка в период аграрного кризиса и ход реализации Столыпинской земельной реформы в белорусских губерниях.

Дубровка Елена Николаевна. Политика Великобритании в отношении восточных границ Польши (ноябрь 1918 — март 1923 г.). 07.00.03. Рассмотрены обстоятельства появления проблемы восточных польских границ во внешней политике Великобритании в 1918 г., содержание британской политики по этой проблеме в период Парижской мирной конференции и факторы, его обусловившие. Охарактеризована британская политика в период расширения польской экспансии в восточном направлении, выявлена связь между внешней политикой Великобритании и решением проблемы признания восточных границ Польши.

В. И. Меньковский, заместитель председателя совета по защите диссертаций Д 02.01.05 при Белорусском государственном университете, доктор исторических наук, профессор

CONTENTS

PREFACE	3
----------------------	---

NATIONAL HISTORY

<i>Elizarov S. A.</i> Optimization of the system of local authorities and the management of the BSSR in 1920-s.	5
<i>Brigadin D. P.</i> The dynamics and structure of crime in Belarus in the second half of XIX — early XX centuries	16
<i>Zhylinski P. A.</i> The crisis of the Soviet economy as the reason of transformation during the policy of Perestroika	27
<i>Karach A. V.</i> About «lichba» in the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century	38
<i>Lukashevich A. M.</i> The preparation of the Belarusian SSR to the maneuvers Red Army in September 1937	46
<i>Makarevich V. S.</i> The Project of the Governor-General Nikolay Hovansky on the Verification of the Status and Descent of the Gentry (Shlachta) from the Belarusian Governorates of the Russian Empire.	63
<i>Nahdalian A. M.</i> The activity of local economy management institution in Minsk governorate in 1903—1911	74
<i>Strenkouski S. P.</i> Privileges given for the self-government in the Belarusian towns in 1791—1792	84
<i>Khodzjin S. N.</i> Social transformation of the Belarusian Soviet villages in 1921—1939	101
<i>Shimanskaya N. A.</i> State security bodies' intelligence activity on the occupied territory of Belarus (1941—1944)	113

GENERAL HISTORY

<i>Brigadina O. V.</i> About the generation of soviet people, who promised life under communism	127
<i>Litvinovskaya Y. I.</i> Franco-Russian alliance — the path to the War of 1812	139

<i>Matveenko M. V.</i> Women's socio-economic functions in early feudal England	150
<i>Monzul U. Y.</i> The issue of the civil rights of the Italian allies in the political activity of Marcus Livius Drusus, plebeian tribune in 91 B.C.	159
<i>Shabasava M. A.</i> Russian Political Culture of the 1990s in the Works of the American Researche	169

HISTORIOGRAPHY. CHRONOLOGY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>Huzhalouski A. A.</i> Research and Protection of Architectural Monuments in Soviet Belarus (According to «Our Region» Magazine. 1925—1930)	180
<i>Zharko S. B.</i> History of the bishops of Salona and Split; Archdeacon Thomas of Split about the invasion of the Mongolian troops of Baty-Khan to Rus and Hungary in the XIII th century	191

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION

Greeting the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Slovak Republic in Belarus Miroslav Moyzhity	201
<i>Konopkova M.</i> Matej Bel University in Banska-Bystrica, Slovak Republic	203
<i>Schmiegel M., Menkovsky V.</i> Research project «Modern european historiography of stalinism: Traditions and new research strategies in Central and Eastern Europe»	205
<i>Syrný M.</i> Slovak communists in the years 1939—1944	214
<i>Grubon A.</i> The dominant slovakia-soviet relations in the years 1939—1941	227

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kozik L. A.</i> International Scientific Conference «Refugee» 1915 stories and traditions of the Belarusians Podlasie = «Bieżeństwo» 1915 roku w historii i tradycji Białorusinów Podlasia (Białystok, 12—13.11.2015)	239
--	-----

THESES AND DEFENCES

<i>Menkovsky V. I.</i> Theses defended by employees, postgraduate students and doctoral students of Faculty of history of BSU in January — December 2015	242
--	-----

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА	3
-----------------------	---

АЙЧЫННАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Елизаров С. А.</i> Оптимизация системы органов местной власти и управления в БССР в 1920-е гг.	5
<i>Бригадин Д. П.</i> Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.	16
<i>Жылінскі П. А.</i> Крызісныя з’явы ў савецкай эканоміцы як прычына пераўтварэнняў у часы палітыкі перабудовы	27
<i>Карач А. У.</i> Аб «лічбах» у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI ст.	38
<i>Лукашевич А. М.</i> Подготовка БССР к маневрам Красной армии в сентябре 1937 г.	46
<i>Макарэвіч В. С.</i> Праект генерал-губернатора Мікалая Хаванскага аб разборы і ўладкаванні беларускай шляхты	63
<i>Нагдалян А. М.</i> Дзейнасць упраўлення па справах земскай гаспадаркі Мінскай губерні ў 1903—1911 гг.	74
<i>Стрэнкоўскі С. П.</i> Прывілеі на самакіраванне гарадскім паселішчам Беларусі 1791—1792 гг.	84
<i>Ходзін С. М.</i> Сацыяльная трансфармацыя беларускай савецкай вёскі ў 1921—1939 гг.	101
<i>Шиманская Н. А.</i> Разведывательная работа органов государственной безопасности на оккупированной территории Беларуси (1941—1944 гг.)	113

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Бригадина О. В.</i> О поколении советских людей, которому обещали жизнь при коммунизме	127
<i>Литвиновская Ю. И.</i> Франко-русский союз — путь к войне 1812 г.	139
<i>Матвеевко М. В.</i> Социально-экономические функции женщины в раннефеодальной Англии	150

<i>Монзоль В. Ю.</i> Вопрос об италийских союзниках Рима в политической деятельности народного трибуна 91 г. до н. э. Марка Ливия Друза	159
<i>Шабасова М. А.</i> Российская политическая культура 1990-х гг. в работах американских исследователей	169

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ. КРЫНІЦАЗНАЎСТВА І МЕТАДЫ ГІСТАРЫЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

<i>Гужалоўскі А. А.</i> Вывучэнне і ахова ў БССР помнікаў археалогіі (па матэрыялах часопіса «Наш край». 1925—1930 гг.)	180
<i>Жарко С. Б.</i> «История архиепископов Салоны и Сплита» архидьякона Фомы о нашествии монгольских войск Бату-хана на Русь и Венгрию в XIII в.	191

МІЖНАРОДНАЕ НАВУКОВАЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Словацкой Республики в Республике Беларусь Мирослава Мойжиты	201
<i>Конопкова М.</i> Университет Матая Бела Банска-Быстрица, Словацкая Республика	203
<i>Шмигель М., Меньковский В.</i> Современная европейская историография сталинизма: традиции и новые научные стратегии в Центральной и Восточной Европе	205
<i>Сырны М.</i> Словацкие коммунисты в 1939—1944 гг.	214
<i>Грубонь А.</i> Словацко-советские отношения в 1939—1941 гг.	227

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Козік Л. А.</i> Міжнародная навуковая канферэнцыя «Бежанства» 1915 года ў гісторыі і традыцыі беларусаў Падляшша = «Bieżeństwo» 1915 roku w historii i tradycji Białorusinów Podlasia (Беласток, 12—13 лістапада 2015 г.)	239
--	-----

АБАРОНА ДЫСЕРТАЦЫЙ

<i>Меньковский В. И.</i> Диссертации, защищенные сотрудниками, аспирантами и докторантами исторического факультета БГУ в январе — декабре 2015 г.	242
--	-----

Навуковае выданне

**ПРАЦЫ ГІСТАРЫЧНАГА
ФАКУЛЬТЭТА БДУ**

НАВУКОВЫ ЗБОРНІК

Выпуск 11

У аўтарскай рэдакцыі

Адказны за выпуск *Т. М. Турчыняк*
Тэхнічны рэдактар *Т. К. Рамановіч*
Камп'ютарная вёрстка *Л. М. Копач*
Карэктары *Н. В. Яценка, Л. С. Мануленка*

Падпісана да друку 31.08.2016. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 14,41. Ул.-выд. арк. 13,72.
Тыраж 100 экз. Заказ 509.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.
Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.